

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
2015 г. Том 6. № 4

Московский городской психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology and Education

2015 г. Том 6. № 4

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ

Главный редактор

Наталия Толстых

Ответственный секретарь

Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин, В.Н. Куницына,
В.А. Лабунская, А.П. Оконешникова, Н.К. Радина,
Т.Г. Стефаненко, О.Е. Хухлаев, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),
Е.И. Головаха (Украина), Л.А. Пергаменщик (Белоруссия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Александр Донцов

Заместитель председателя

Наталия Толстых

Заместитель председателя

Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, В.Н. Куницына, Т.Г. Стефаненко, Т.И. Шульга (Россия),
Е.И. Головаха (Украина), В. Дуаз (Швейцария), Ф. Зимбардо (США),
И. Маркова (Великобритания), Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Журналу «Социальная психология и общество» — 5 лет!

Н.Н. Толстых

5

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Образ реального и идеального дома как модератор позитивного функционирования личности

С.К. Нартова-Бочавер, С.И. Резниченко, Е.И. Брагинец, М.Б. Подлипняк

9

Социальная идентичность и этнонациональные установки студенческой молодежи Чечни

О.Е. Хухлаев, В.М. Миназова, О.С. Павлова, Е.В. Зыков

23

Отношение к политическим лидерам современных старшеклассников (по материалам психосемантического исследования)

В.С. Собкин, М.А. Мнацаканян

41

Специфика социального познания в пожилом и старческом возрасте

А.И. Мелёхин, Е.А. Сергиенко

60

Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста

Т.А. Шкурко, Е.Г. Николаева

78

Точность межличностного восприятия в условиях опосредованного знакомства в социальных сетях

Е.П. Белинская, И.Д. Бронин

91

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан

Р.М. Шамионов

109

Взаимосвязь идентичности потребителя и индивидуальности бренда как фактор приверженности бренду

Н.В. Антонова, В. Д. Морозова

123

Негарантированная работа как социально-психологический феномен

Т.С. Чуйкова

139

Восприятие отношений в группе как фактор адаптации к вузу студентов с ограниченными возможностями здоровья

Ю.Ю. Терюшкова

150

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Социально-психологические условия психологического благополучия личности, пережившей кризисное событие

Л.А. Пергаменицк, Н.Г. Новак

161

Апробация личностного опросника Н.Б. Астаниной

«Методика изучения доверия к себе»

О.В. Рунец

170

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития» (Москва, МГППУ, 20–21 ноября 2015 г.)

О.Е. Хухлаев

183

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО» В 2015 ГОДУ

188

CONTENTS

EDITOR'S COLUMN

- Social Psychology and Society Journal Celebrates its 5th Anniversary!
N.N. Tolstykh 5

EXPERIMENTAL RESEARCH

- Real and Ideal Home Representations as Moderators of the Positive Person's Functioning
S.K. Nartova-Bochaver, S.I. Reznichenko, E.I. Braginets, M.B. Podlipnyak 9
- Social Identity and Ethnic Attitudes in Students from Chechnya
O.E. Khukhlaev, V.M. Minazova, O.S. Pavlova, E.V. Zykov 23
- Perception of Political Leaders in Modern School Students
(A Psychosemantic Research)
V.S. Sobkin, M.A. Mnatsakanyan 41
- Features of Social Cognition in Late Adulthood
A.I. Melehin, E.A. Sergienko 60
- Components of Appearance in the Structure of Perception of Visual
Representations of Age
T.A. Shkurko, E.G. Nikolaeva 78
- Accuracy of Interpersonal Perception in Mediated Contacts in Social Media
E.P. Belinskaya, I.D. Bronin 91

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

- Basic Beliefs and Cultural Attitudes as Predictors of Emotional and Psychological
Well-Being in Urban and Rural Populations
R.M. Shamionov 109
- Relationship between Consumer Identity and Brand Personality as a Factor
of Brand Commitment
N.V. Antonova, V.D. Morozova 123
- Job Insecurity as a Social Psychological Phenomenon
T.S. Chuykova 139
- Perception of Group Relationships as a Factor of Adaptation to University
in Students with Disabilities
I.I. Teryushkova 150

METHODOLOGICAL TOOLS

- Social Psychological Conditions of Psychological Well-Being in Individuals
Who Have Experienced Critical Events
L.A. Pergamenschik, N.G. Novak 161
- Approbation of Personality Questionnaire by N.B. Astanina "A Technique
for Exploring Self-Trust"
O.V. Runets 170

SCIENTIFIC LIFE

- All-Russian Scientific Conference Practical Ethnopsychology: Current Issues
and Perspectives of Development (Moscow, MSUPE, November 20–21, 2015)
O.E. Khukhlaev 183

INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN THE JOURNAL OF SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY IN 2015

188

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Журналу «Социальная психология и общество» — 5 лет!

Уважаемые читатели! Перед вами четвертый за 2015 год номер журнала «Социальная психология и общество» — номер, который можно считать юбилейным, поскольку ровно 5 лет назад, в конце 2010 года, вышел в свет «пилотный» номер этого журнала. Судьба распорядилась так, что юбилейный номер оказался первым, в работе над которым не принимал участия и который не увидит Михаил Юрьевич Кондратьев — человек, который задумал этот журнал, включая его название, миссию, принцип составления контента, дизайн и общую стилистику; который осуществил этот свой замысел, добившись того, что журнал вошел в почетный список «ВАКовских» журналов и стал едва ли не самым авторитетным журналом по социальной психологии; человек, который на протяжении всех пяти лет существования журнала был его бессменным главным редактором; который буквально до последних дней своей жизни лично работал над статьями, рецензировал их, формировал содержание каждого номера журнала. Иными словами, журнал «Социальная психология и общество» можно с полным правом назвать детищем Михаила Юрьевича Кондратьева. Неоценимую роль в создании журнала сыграла первый председатель редакционного совета журнала выдающийся ученый Галина Михайловна Андреева. Сегодня с уверенностью можно сказать, что их усилия не были напрасными — журнал состоялся.

За период существования журнала (2010–2015) редакцией было рассмотрено свыше 500 статей, авторами которых были более 300 специалистов: от студентов и магистрантов разных вузов страны до академиков и членов-корреспондентов РАО. В двадцати вышедших в свет номерах журнала опубликована 261 статья. Авторами стали 214 человек, представляющих разные регионы России: Дальний Восток, Западную Сибирь, Урал, Европейскую часть РФ, Северо-Запад (Мурманск, Карелию), Северный Кавказ и др., а также такие зарубежные страны, как Беларусь, Великобританию, Литву, США, Украину. Уровень работ, публикуемых в журнале, по достоинству оценен профессиональным сообществом: в настоящее время издание включено не только в перечень журналов ВАК Минобрнауки России, но и в другие российские и зарубежные базы данных: реферативный журнал и базу данных ВИНТИ, российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO publishing, Ulrich's Periodicals Directory, Directory of Open Access Journals (DOAJ).

В открывавшей «пилотный» номер статье ее автор Галина Михайловна Андреева определила название журнала «Социальная психология и общество» как его девиз. И это, пожалуй, самое точное указание на миссию журнала: апелляция к реальным проблемам общества, обсуждение широкого спектра социально-психологи-

ческих проблем, порождаемых положением «измененного человека в изменяющемся обществе».

В опубликованных за 5 лет существования журнала статьях предметом теоретического анализа явились такие острые проблемы современной социальной психологии, как разработка новых подходов к изучению групп (от микрогрупповой теории и теории коллектива до исследования поколений и теории толпы), становление идентичности (персональной, социальной, этнической, религиозной, экономической, гражданской), гендерная методология, проблемы социализации и субъектности в современном мире, экопсихологическое взаимодействие, социальная инклюзия и эксклюзия, социальные представления, разные аспекты социальной психологии личности и др.

Ряд статей был посвящен новым, в самые последние годы возникшим направлениям в социальной психологии, в частности, социальной психологии развития, транспортной психологии.

В исследованиях, представленных в трех основных рубриках журнала «Теоретические исследования», «Экспериментальные исследования», «Прикладные исследования и практика», обсуждаются социально-психологические проблемы самых разных групп и сообществ людей: это, во-первых, люди разных возрастов — от дошкольного до пожилого и старого, во-вторых, люди разных профессий и уровней профессиональной подготовки (управленцы, менеджеры, педагоги, художники, летчики, специалисты банковской сферы и сферы информационных технологий, няни, воспитатели и воспитанники детских садов, школьники, студенты, воспитанники сиротских учреждений, спортсмены, психологи спортивных команд и др.), в-третьих, люди, выступающие в разных социальных ролях и относящиеся к разным социальным и социально-демографическим стратам (водители и пешеходы, болельщики спортивных команд и футбольные хулиганы, волонтеры, подростки-трейсеры, горожане и сельские жители, столичные жители и провинциалы и др.).

В статьях был подвергнут анализу целый ряд социально-психологических феноменов, как уже известных социальной психологии (различные феномены межличностного взаимодействия и социального восприятия, социальные установки и стереотипы в их современном звучании, власть, аттракция и референтность, отношения межличностной значимости, межгрупповая предубежденность, социальные репрезентации, межличностные и межгрупповые конфликты, ценностные ориентации, коллективная память, буллинг, социальная категоризация и др.), так и сравнительно новых (сетевые формы коммуникации, демонстративное потребление, «профессиональное выгорание» школьников-подростков, информационно-психологическая безопасность, отношение к ЕГЭ, игровая компьютерная зависимость и др.). Были представлены исследования некоторых новых социальных явлений и практик, в частности, форсайт-проекты, практика анонимного оставления новорожденного ребенка, а также социальных явлений, зафиксированных давно, но сегодня существующих в новых формах, например, бродяжничество, разные формы аддиктивного поведения, суицидальное поведение, межнациональные конфликты разных уровней, социально-психологические аспекты инклюзивного образования, обучения мигрантов и т.п.

В журнале уделяется должное внимание публикациям, содержащим описание и анализ ключевых отечественных и зарубежных социально-психологических теорий, играющих заметную роль в современном научном дискурсе.

В рубрике «Методический инструментарий» читатель может ознакомиться с новыми методами и методиками социально-психологического исследования.

Материалы рубрики «Научная жизнь» отражают все заметные события, происходящие в научном мире — форумы, съезды, конференции, совещания, создание тех или иных общественных и/или научных организаций, визиты значимых персон, которые наиболее тесно связаны с социальной психологией.

Наконец, рубрика «Критика и библиография» содержит обзорные и критические рецензии на наиболее значимые публикации по социальной психологии как в России, так и в других странах.

Конечно, нельзя сказать, что на сегодняшний день решены все задачи из поставленных его основателями, в частности, перечисленные Г.М. Андреевой в уже упомянутой ее статье, которую в известном смысле можно рассматривать как своего рода завещание, адресованное редакции журнала. В числе таких задач можно назвать развертывание научных дискуссий по наиболее острым проблемам современной социальной психологии или проблемам современного общества в аспекте их научного осмысления; расширение взаимодействия с иностранными коллегами и сотрудничества с другими российскими журналами, отдающими свои страницы материалам по социальной психологии. Редакция предпринимает и будет предпринимать действия по решению этих и других задач с тем, чтобы журнал «Социальная психология и общество» развивался. И, конечно, мы приглашаем к сотрудничеству всех специалистов, готовых работать на благо этого развития.

*Н.Н. Толстых,
главный редактор журнала «Социальная психология и общество»*

Social Psychology and Society Journal Celebrates its 5th Anniversary!

N.N. TOLSTYKH,
editor-in-chief of the journal “Social Psychology and Society”,
Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
nnvt@list.ru

You are currently viewing the issue № 4, 2015 of the Social Psychology and Society journal – the issue which, in fact, may fully be considered the anniversary one, because it was 5 years ago, at the very end of 2010, that the pilot issue of our journal saw the light of day. In the opening paper of that issue, the author, Galina Andreyeva, remarked that the title of the journal is actually its motto. Perhaps, these words are the most precise definition of the journal’s mission: appealing to the most relevant problems in the society and discussing a wide variety of social psychological issues stemming from the situation of the ‘changed individual in a changing society’ and, therefore, by the changing approaches in methodology and theory.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Образ реального и идеального дома как модератор позитивного функционирования личности

С.К. НАРТОВА-БОЧАВЕР*,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
s-nartova@yandex.ru

С.И. РЕЗНИЧЕНКО**
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
sofya_292@list.ru

Е.И. БРАГИНЕЦ***,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
braginetsekaterina@gmail.com

М.Б. ПОДЛИПНЯК****,
ГБОУ ВПО МГППУ, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
mixactik@gmail.com

Исследуются образы реального и идеального дома как модераторы позитивного функционирования личности. Выборка включала 222 студента, 177 — женского пола, 45 — мужского, $M_{\text{возраст}} = 20,9$. Применялись авторский опросник Функциональность домашней среды для оценки реального и

Для цитаты:

Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И., Брагинец Е.И., Подлипняк М.Б. Образ реального и идеального дома как модератор позитивного функционирования личности // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 9–22. doi:10.17759/sps.2015060402

* *Нартова-Бочавер Софья Кимовна* — доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, *s-nartova@yandex.ru*

** *Резниченко София Ивановна* — научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, *sofya_292@list.ru*

*** *Брагинец Екатерина Игоревна* — студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, *braginetsekaterina@gmail.com*

**** *Подлипняк Михаил Борисович* — магистрант, ГБОУ ВПО МГППУ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, *mixactik@gmail.com*

идеального дома, Шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург Р. Теннант и др., Шкала аутентичности А. Вуда и др. Использовались дескриптивная статистика, корреляционный и регрессионный анализ. Обнаружено, что все показатели функциональности выше при оценке идеального дома, что у девушек больше корреляций между показателями позитивного функционирования и оценкой домашней среды, что образ реального дома вносит больший вклад в переживание благополучия по сравнению с образом идеального дома.

Ключевые слова: образ дома, позитивное функционирование, аутентичность, благополучие, пол.

Любимая фраза: «У каждого свое мировоззрение, вот это мне подходит», — знак слабоумия.

Воззрение на мир создается не для того, чтобы подходить человеку, оно создается, чтобы подходить миру.

Г.К. Честертон. Книга Иова

Введение

Взаимодействие человека и мира на всех уровнях опосредовано картиной, образом мира, который проецируется на реальность, приписывает ей ожидаемые качества, наконец, подобно всем ожиданиям, обладает программирующим смыслом. В сущности, почти все, что психолог узнает о субъекте и о его бытии, построено на самоотчетах этого субъекта. В психологии давно практикуется изучение, наряду с представлением о реальных объектах или свойствах, представление человека об идеальной или желаемой модели — себя самого как личности, Другого, родителей, возлюбленных, учителей. Представление об идеальном объекте выполняет несколько диагностических и регуляторных функций: указывает область депривированности, точки приложения усилий по исправлению объекта, качества или ситуации. Давно известно, что значительное расхождение Я-идеального и Я-реального — не только признак высоты идеалов, но также показатель небла-

гополучия, пониженных притязаний и самооценки [2].

Однако если идеальное Я к настоящему моменту изучено почти всесторонне, существует крайне мало исследований, посвященных идеальным объектам внешнего мира. Возможно, это связано вообще со слабой дифференцированностью представлений об идеальном мире: не случайно К.Г. Юнг добивался значительных терапевтических успехов, используя методику активного воображения [19]. В ходе применения этой методики оказывалось, что человек способен поменять фигуру и фон в своем образе мира, заметить то, что уходило из сознания прежде, и ослабить значимость стрессорирующих объектов и явлений.

В нашем исследовании мы исходим из того, что между домом и миром существует множество взаимных связей и зависимостей. Мы определяем дом как систему предметно-пространственных и бытийно-социальных связей: реальное физическое место, включаясь в семейное взаимодействие, задает его содержание и границы, влияет на семейный уклад [7; 18]. В то же

время дом служит моделью мира в целом: выходя из малого социума в большой, человек продолжает использовать те навыки и опыты, которые он приобрел дома, в привычных пространственно-бытийных обстоятельствах. Психология дома — это межпредметная область знания, находящаяся на пересечении социальной, экологической, дифференциальной, возрастной и практической психологии.

Бесчисленное количество художественных примеров, метафор, личных историй описывают ключевую роль дома в жизни человека. Дом — это и тыл, и цель возвращения, и объект, наделяемый личным значением, и пространство, в котором происходят судьбоносные события. Функциональные процессы, удовлетворяемые в домашней среде, также многообразны. Дом как материальный объект со своей предметно-пространственной и архитектурной композицией — это ресурс для утоления базовых потребностей человека во сне, безопасности, отдыхе, комфорте. Дом как объект привязанности и личностной и социальной идентификации таит в себе удовлетворение потребностей экзистенциального порядка — хранения семейной истории, социальных интеракциях, самопрезентации, персонализации и многих других [16].

Немногочисленные зарубежные исследования в области субъектно-средовой и экологической психологии также не оставляют без внимания субъективную значимость образа домашней среды для человека: изучены метафорические значения дома, роль домашней среды в поддержании Я-образа, описаны связи между отношением к дому и социальной мобильностью и процессы социальной идентификации у людей, проживающих на одной территории, выяснены основные функциональные характеристики

дома, от которых зависит психическое здоровье личности [17]. Одно из немногих исследований, посвященное изучению разницы между желаемым и достигнутым, было проведено И. Альтманом, показавшим, что именно разница оценок уровней приватности показывает степень адекватности жилища или образа жизни особенностям субъекта. Чем меньше эта разница, тем лучше человек регулирует информационный поток или свои социальные контакты, защищаясь от внедрений и не позволяя окружающим посягать на себя слишком сильно [13; 20].

Несмотря на относительную заинтересованность исследователей в проблеме изучения домашней среды, методический инструментарий развит слабо — существуют лишь отдельные методики, исследующие определенный параметр домашней среды, либо же изучение дома сводится к использованию сугубо проективных методов. При таком скудном арсенале исследовательских приемов невозможно оценить, насколько домашняя среда соответствует потребностям человека, и спрогнозировать, будет ли она служить психологическим ресурсом и источником развития. Между тем, аргументация в пользу того, что среду проживания человека имеет смысл изучать и проектировать с привлечением экспертов-психологов, диктуется отчасти и социальным заказом. Родители задаются вопросом, каким образом должно быть организовано домашнее пространство, чтобы ребенок чувствовал себя там комфортно и защищенно и не стремился на улицу. Проектировщиков социального жилья и замещающего жилого пространства (больницы, санатории и т. п.) интересует, как создать эстетически организованную предметно-пространственную среду, обеспечивающую оптимальные ус-

ловия для протекания функциональных процессов ее обитателей. В свою очередь, исполнители госзаказов ожидают экспертизы на предмет наличия в уже отстроенных общественных жилых зданиях необходимых возможностей для проживания. Наконец, проектировщики частного жилья нуждаются в профессиональных консультациях на тему того, как обогатить функциональную и архитектурную композицию жилища, чтобы привлечь потенциальных жильцов.

Методичная и дифференциальная экспертиза домашней среды может являться важным подспорьем в решении разного рода проблем в области клинической психологии: профилактике девиантного поведения подростков (побегов из дома, бродяжничества), оздоровлении среды жизнедеятельности людей группы риска (людей с ментальными и соматическими недугами) и укреплении психологического здоровья социально ослабленных групп населения, оптимизации процесса адаптации детей-сирот к жизни в специализированных учреждениях или к условиям жизни в приемных семьях [5; 6; 13; 14; 17; 21; 23; 24; 26].

В настоящей статье мы сосредоточились на изучении образов реального и идеального дома, домашнего пространства как наиболее существенной жизненной среды человека, мотивирующей его к деятельности, достижениям, и поддерживающей в случае негативных жизненных событий и энергетического истощения. Дом может быть исследован с разных сторон, и образ дома также обладает многомерностью: будучи элементом персонального дискурса, он предстает в универсальном, повседневном, динамическом образах, а также в образе будущего дома, которые существенно различаются между собой и выполняют разные

ориентирующие и организующие функции [3; 11]. Кроме того, исследования говорят о том, что связь человека с домом, представляя важнейший экосоциальный ресурс, гендерно специфична и что у женщин поддерживающая функция домашней среды выражена сильнее [4; 8; 9].

Цель исследования состояла в том, чтобы изучить связь образов реального и идеального жилища с параметрами позитивного функционирования — психологическим благополучием и аутентичностью личности.

В данной работе мы проверяли следующие эмпирические гипотезы.

1. Образы идеального и реального дома значимо различаются.

2. Образы реального и идеального дома положительно связаны с позитивным функционированием личности.

3. Эта связь обладает гендерной специфичностью.

Процедура исследования

Выборка: 222 студента, 177 женского пола, 45 мужского, $M_{\text{возраст}}=20,9$, $SD=4,5$. В силу несбалансированности выборки по полу мы анализировали данные непараметрическими статистическими методами, которые не требуют равного объема выборок. Поскольку в других исследованиях показано, что образ домашней среды гендерно специфичен, расширение выборки представляет собой одну из ближайших перспектив нашей работы.

Методы исследования. Применялось три опросника. Опросник Функциональность домашней среды (ФДС) использовался дважды — для оценки образов реального и идеального дома. Этот метод включает 55 пунктов и следующие четыре шкалы: 1) Прагматич-

ность — описывает базовые функции дома, которые облегчают повседневную деятельность человека (сон, отдых, прием пищи, уборка и т. п.); 2) Развитие — отражает характеристики дома, отвечающие за развитие человека, снабжение сенсорной, когнитивной и социальной информацией и поддержание групповой и личной идентичности жильца; 3) Стабильность — раскрывает потенциал домашней среды в обеспечении психологической и физической стабильности, чувства комфорта и безопасности; 4) Защищенность (11 утверждений) — описывает ресурсность домашней среды в обеспечении успешного взаимодействия с социальным миром за счет возможностей самопрезентации человека, экспозиции его статуса и власти, эстетичности его жилища [8].

Для оценки показателей позитивного функционирования применялись адаптированные нами Шкала психологического благополучия (ШПБ) R. Tennant и др. и Шкала аутентичности A. Wood и др. Шкала психологического благополучия содержит 14 пунктов, отражающих наличие позитивного отношения к миру и себе, удовлетворенность качеством своей жизни [1; 10; 25; 27]. Шкала аутентичности содержит 12 пунктов и три субшкалы: Аутентичная жизнь, Подверженность внешним влияниям, Самоотчуждение. Две последние вносят отрицательный вклад в переживание аутентичности. Можно сказать, что психологическое благополучие и аутентичность — разные аспекты позитивного функционирования; благополучие характеризует скорее уровень адаптации, аутентичность — уровень развития и самоактуализации.

Для обработки результатов использовалась программа Statistica 10, применялся корреляционный и регрессионный

анализ, подсчитывался непараметрический критерий U Манна–Уитни.

Результаты и их обсуждение

Полученные результаты показывают, что показатели функциональности идеального дома выше, чем показатели функциональности дома, как в мужской, так и в женской подвыборках

Сравнение полученных значений показало, что в оценке параметров домашней среды между юношами и девушками обнаружено только одно значимое различие: у юношей существенно выше показатель Развитие в образе идеального дома ($U=3106$, $p=0,020$), хотя, как ни странно, при меньшем объеме выборки многие показатели вариативности (стандартное отклонение) в мужской группе выше.

Обратимся к анализу внутригрупповых данных для получения ответа на вопрос о том, различаются ли, и если да, то насколько, оценки образов реального и идеального дома у юношей и девушек?

У юношей обнаружено, что все пять рассмотренных показателей значительно выше при оценке образа идеального дома: общей Функциональности ($U=605$, $p=0,001$), Прагматичности ($U=510$, $p=0,000$), Развития ($U=634$, $p=0,002$), Стабильности ($U=660$, $p=0,004$), Защищенности ($U=757,5$, $p=0,040$). С этим сочетается и то, что показатель дополнительного коэффициента $\text{ФДС}_{\text{идеал}}/\text{ФДС}_{\text{реал}}$ у них более высок по сравнению с девушками. Таким образом, образ реального дома действительно уступает по своим параметрам образу дома идеального, воображаемого и желаемого.

У девушек четыре показателя функциональности идеального дома (кроме Защищенности) значимо выше: об-

Средние значения и стандартное отклонение изучаемых показателей в мужской и женской подвыборках

Шкала	Юноши (N=45)		Девушки (N=177)	
	М	SD	М	SD
ФДС _{реал}	20,5	4,2	20,9	3,9
П _{реал}	5,4	1,1	5,5	1,1
Р _{реал}	5,0	1,2	5,1	1,0
С _{реал}	5,5	1,3	5,4	1,2
З _{реал}	4,6	1,2	4,8	1,0
ФДС _{идеал}	23,3	3,1	22,9	2,1
П _{идеал}	6,3	0,8	6,3	0,5
Р _{идеал}	5,7	1,0	5,4	0,7
С _{идеал}	6,2	0,8	6,2	0,6
З _{идеал}	5,2	0,9	5,0	0,8
ФДС _{идеал} – ФДС _{реал}	2,8	4,2	2,1	3,6
ШПБ	51,7	9,5	50,1	8,8
АЖ	18,9	4,7	18,0	5,3
ПВВ	14,5	5,3	14,8	4,9
С-е	12,5	6,3	12,4	5,9

Примечание. ФДС_{реал} – Функциональность реальной домашней среды; П_{реал} – Прагматичность реальной домашней среды; Р_{реал} – Развитие реальной домашней среды; С_{реал} – Стабильность реальной домашней среды; З_{реал} – Защищенность реальной домашней среды; П_{идеал} – Прагматичность идеальной домашней среды; Р_{идеал} – Развитие идеальной домашней среды; С_{идеал} – Стабильность идеальной домашней среды; З_{идеал} – Защищенность идеальной домашней среды; ФДС_{идеал} – ФДС_{реал} – разница между функциональностью идеального и реального дома; АЖ – Аутентичная жизнь; ПВВ – Подверженность внешним влияниям; С-е – Самоотчуждение.

щей Функциональности ($U=10831,5$, $p=0,000$), Прагматичности ($U=8253$, $p=0,000$), Развития ($U=13442$, $p=0,020$), Стабильности ($U=9113$, $p=0,000$).

Это расхождение образов реального и идеального дома может свидетельство-

вать о депривированности некоторых повседневных потребностей, удовлетворять которые призван дом, а, возможно, может отражать ненасыщаемость этих потребностей. У девушек реальное место обитания ближе к идеалу, у юношей –

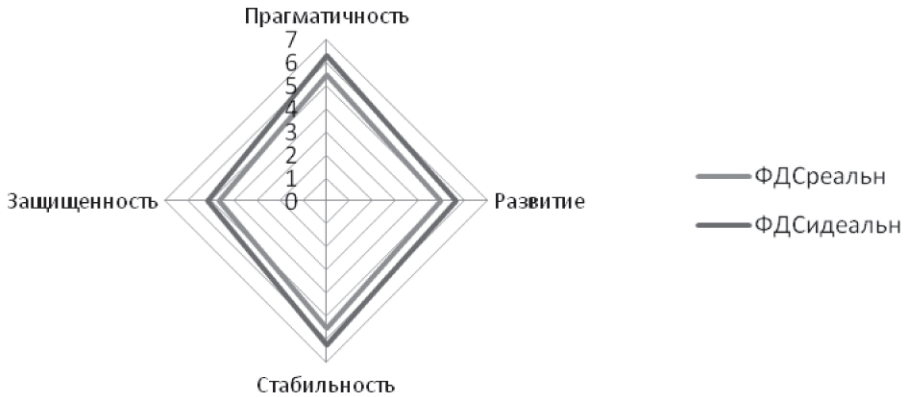

Рис. 1. Образ реального и идеального дома у юношей

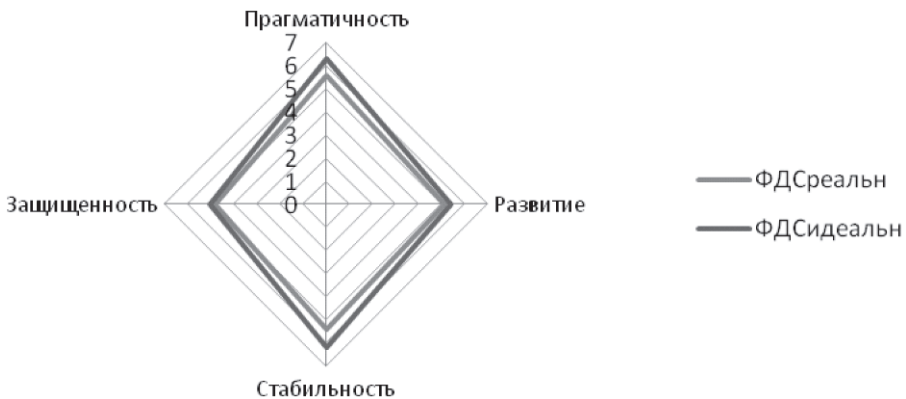

Рис. 2. Образ реального и идеального дома у девушек

дальше от него (рис. 1 и 2). Как бы то ни было, мы убедились в том, что люди располагают образом идеального дома, который поддается описанию и даже исчислению. Проведенное исследование подтвердило первую гипотезу.

Следующий шаг нашего исследования состоял в проверке связи между характеристиками образов реального и идеального дома и показателями позитивного функционирования личности. Подсчеты показали, что, действительно, обнаружена положительная связь между дружественностью дома и позитивным функционированием, причем

связей больше у образа реального дома по сравнению с образом идеального дома и значительно больше в группе девушек по сравнению с юношами (18 связей и 3 тенденции — у девушек против 2-х связей и 2-х тенденций — у юношей). Таким образом, образ дома коррелирует с психологическим благополучием и аутентичностью жизни, особенно такими ее составляющими, как Аутентичная жизнь и Самоотчуждение. Введя дополнительный показатель разницы между функциональностью идеального и реального дома, мы также получили положительные связи с Благополучием и Аутентич-

ной жизнью, и отрицательную тенденцию — с Подверженностью внешним влияниям и Самоотчуждением. Таким образом, чем меньше похож реальный дом на идеальный, тем хуже состояние и переживание человека. Связи хорошо интерпретируемы и не содержат в себе неожиданностей; связи с Самоотчуждением отрицательные.

Интересно, что у юношей относительно сильнее по сравнению с девушками просматриваются связи образа идеального дома, что может быть использовано в практической психологии: вполне возможно, что для девушек поддерживающими и психотерапевтическими оказываются повседневное, бытовое взаимодействие со своим домом, а для

Таблица 2

Связь характеристик образов реального и идеального дома (r_s) и показателей позитивного функционирования личности

Шкала	Юноши (N=45)				Девушки (N=177)			
	ШПБ	АЖ	ПВВ	С-е	ШПБ	АЖ	ПВВ	С-е
ФДС _{реал}	0,12	-0,11	0,21	0,14	0,40***	0,18***	-0,14*	-0,26***
П _{реал}	0,13	-0,07	0,19	0,16	0,36***	0,12	-0,13*	-0,26***
Р _{реал}	0,08	-0,09	0,19	0,13	0,36***	0,19***	-0,13*	-0,24***
С _{реал}	0,13	-0,15	0,18	0,10	0,34***	0,18**	-0,12	-0,24***
З _{реал}	0,01	-0,18*	0,28	0,17	0,36***	0,12	-0,10	-0,15**
ФДС _{идеал}	0,26*	-0,04	0,19	-0,03	0,17**	0,09	0,01	0,00
П _{идеал}	0,30**	0,03	0,13	-0,05	0,06	0,07	-0,07	0,06
Р _{идеал}	0,26*	-0,02	0,18	0,04	0,24***	0,08	-0,02	-0,02
С _{идеал}	0,30**	0,09	0,07	-0,15	0,12	0,06	-0,06	-0,01
З _{идеал}	0,09	-0,16	0,25*	0,02	0,13	0,07	0,11	0,01
ФДС _{идеал} — ФДС _{реал}	0,06	0,10	-0,13	-0,13	-0,31***	-0,14*	0,18***	0,25***

Примечание. Расшифровку названий шкал см. в примечании к табл. 1.

юношей — мечты о доме воображаемом. Образ реального дома у юношей слабо связан с позитивным функционированием; этот результат подводит нас к предположению о гендерной специфичности использования домашней среды как поддерживающей. Для проверки этого предположения нами был предпринят регрессионный анализ, в котором зависимыми переменными выступили параметры позитивного функционирования, а независимыми — характеристики функциональности домашней среды.

Регрессионный анализ показал, что, в соответствии с нашими ожиданиями, у девушек Защищенность реального дома и показатель шкалы Развитие оказались предикторами психологического благополучия (соответственно $\beta=0,222$ и $\beta=0,253$ при $p=0,000$), Прагматичность дома — анти-предиктором благополучия ($\beta=-0,210$ при $p=0,000$), а дополнительный коэффициент различия между функциональностью идеального и реального дома оказался анти-предиктором Аутентичной жизни ($\beta=-0,340$ при $p=0,000$).

Отметим, что в логике основного инструмента исследования — опросника Функциональность домашней среды — Защищенность подразумевает именно социальную защищенность как конкретизацию социальной идентичности с использованием дома как послания, как отчетливость социальных амбиций и межличностных предпочтений обитателей. Другой предиктор — показатель шкалы Развитие содержит в себе возможности, стимулирующие активность человека, существенную для его личностного роста, а не бытового комфорта. Именно эти две характеристики дома оказались для девушек наиболее значимыми, привносящими свой вклад в пере-

живание благополучия. Очевидно, что ранняя молодость является центральным возрастным периодом человека для социального, личностного и профессионального развития. Учитывая, что все респонденты на момент проведения исследования были учащимися высших учебных заведений, их потребность в стимулирующем эффекте жилой среды кажется оправданной. Информационно обогащенная среда конструктивно влияет на профессиональное и социальное благополучие.

Что же касается Прагматичности, то, как ни странно, удобный в бытовом отношении дом стимулирует переживание психологического неблагополучия. Этот достаточно неожиданный результат мы можем объяснить возрастными особенностями исследуемой выборки: большинство респондентов продолжают жить в родительском доме, и его бытовые возможности обслуживают потребности и давно сложившиеся привычки более взрослых обитателей.

В группе юношей регрессионный анализ не выявил никаких связей. Этот результат свидетельствует о высокой гендерной специфичности поддерживающей функции домашней среды, что неудивительно в контексте уже описанных программ маскулинного поведения и в свете данных о коллизии «очаг-космос» в ходе становления человеческой личности [3; 9].

Заключение

Итак, проведенное нами исследование показало, что, действительно, образ дома вносит вклад в параметры позитивного функционирования личности — переживание психологического благополучия и аутентичности личности. Образ реально-

го дома более весом в позитивном функционировании по сравнению с образом дома идеального, который практически не связан с состоянием личности. Образ идеального дома ближе к совершенному, и все изучаемые показатели его дружелюбности в нем выше. Интересно, что расхождение образов реального и идеального дома более выражено в группе юношей, однако это обстоятельство не сказывается на их самооощении: те немногочисленные связи, что обнаружены между образом идеального дома и благополучием, найдены преимущественно в мужской группе. Это вполне сочетается и с другими наблюдениями, подтверждающими более высокую реалистичность женщин и аутистичность устремлений мужчин [9]. В то же время этот факт наделяет нас онтологическим оптимизмом: даже в отсутствие благоустроенного или, возможно, любого собственного дома существует его идеальный образ, присутствие которого небезразлично для благополучия человека. Следовательно, все три выдвинутые нами гипотезы нашли свое подтверждение.

Полученные результаты могут быть внедрены в процесс экспертизы домашней среды и замещающих дом видов жилья, они могут использоваться в тренингах, играх, моделирующих приемах консультирования. Они могут служить основой и для более широких философских обобщений и аппроксимаций отношения к собственному дому на мироотношение в целом, так как дом — модель мира, опирающегося на архетипические переживания чувства гнезда, привязанности, базовой уверенности. С другой стороны, наши исследования показывают относительность любого бытийного ресурса, его гендерную и, вероятно, возрастную специфичность: повседневные усилия женщин по обживанию и персонализации собственного дома иллюстрируют, как женщины улучшают реально существующий мир, в то время как мужчины стремятся сделать его идеальным.

Развивая наше исследование, мы планируем в ближайшем будущем изучить связь образа дома не только с позитивным функционированием личности, но также и с межличностными параметрами человеческого бытия.

Финансирование

Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-02163).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бардадымов В.А. Аутентичность личности подростков на разных стадиях аддиктивного поведения: автореф...дис. канд. психол. наук. М., 2012.
2. Бочавер А.А. Представления о доме как элемент персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 5—15.
3. Дмитриева Н.С. Домашняя среда и психологическое благополучие подростков // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 17. С. 292—299.
4. Дмитриева Н.С. Модель жизненного пространства у подростков: предпосылки и направления исследования // Актуальные проблемы психологического знания. 2013. № 3 (28). С. 90—99.
5. Дмитриева Н.С., Нартова-Бочавер С.К. Возможности физической среды в условиях инклюзивного образования // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 1. С. 74—81.

6. *Куницына В.Н., Юмкина Е.А.* Семейный уклад в социально-психологическом аспекте [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. URL: www.science-education.ru/104-6696 (дата обращения: 22.05.2014).
7. *Нартова-Бочавер С.К., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И., Кузнецова В.Б., Брагинец Е.И.* Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 71–83.
8. *Нартова-Бочавер С.К.* (сост.). Дифференциальная психология. Хрестоматия: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по психологическим специальностям. М.: Алвиан, 2008.
9. *Нартова-Бочавер С.К.* Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 6. С. 18–29.
10. *Нартова-Бочавер С.К.* Принцип дополнительности в психологии: взаимодействие дома и его обитателей // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы // Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Н.Е. Харламенкова. М., год выпуска 2016.
11. *Нартова-Бочавер С.К.* Теория приватности как направление зарубежной психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 28–39.
12. *Нартова-Бочавер С.К., Брагинец Е.И.* Особенности восприятия домашней среды родителями детей с ОВЗ // Личностная идентичность: вызовы современности: материалы Всерос. психол. науч.-практ. конф. (с иностранным участием) / Под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. Краснодар; М., 2014. С. 196–197.
13. *Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И., Дмитриева Н.С., Бочавер А.А., Брагинец Е.И., Подлипняк М.Б.* Образ реального и идеального дома как валеологический фактор // 7-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы / Отв. ред. М.О. Мдивани. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; СПб: Нестор-История.
14. *Резниченко С.И.* Механизмы привязанности к жилому пространству у детей младшего школьного возраста // Актуальные проблемы психологического знания. 2013. № 2. С. 24–40.
15. *Резниченко С.И.* Образ жилого пространства как социально-психологический феномен. Субъект жилого пространства // Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского): материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (с иностранным участием) / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. М.; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. С. 77–79.
16. *Резниченко С.И.* Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены // Социальная психология и общество. 2014. № 3. С. 15–27.
17. *Юмкина Е.А.* Семейный уклад как социально-психологический феномен: автореф...дис канд. психол. наук. СПб, 2015.
18. *Юнг К.Г.* Психология бессознательного. М., 1994.

Real and Ideal Home Representations as Moderators of the Positive Person's Functioning

S.K. NARTOVA-BOCHAYER*,

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
s-nartova@yandex.ru*

S.I. REZNICHENKO**,

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
sofya_292@list.ru*

E.I. BRAGINETS***,

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
braginetsekaterina@gmail.com*

M.B. PODLIPNYAK****,

*Moscow State University of Psychology and Education, National Research University
Higher School of Economics, Moscow, Russia,
mixactik@gmail.com*

Real and ideal home representations as moderators of positive person's functioning are investigated. The sample consisted of 222 students (177 females, 45 males, Mage = 20,9). The following questionnaires were used: The Functionality of home environment developed by authors, The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale (WEMWBS) by R. Tennant et al., The Authenticity scale by A. Wood et al. Descriptive statistics, correlation and multiregression analyses were used. There have been found: the all positive functioning scores are higher in the ideal home representation; there are more correlations between home representations and positive functioning in females as compared to males; the real home representation impacts on the positive person's functioning much more than the ideal home representation.

Keywords: *home representation, positive functioning, authenticity, well-being, sex.*

Financing

The research was conducted with the assistance of the Russian Science Foundation (project № 14-18-02163).

For citation:

Nartova-Bochaver S.K., Reznichenko S.I., Braginetz E.I., Podlipnyak M.B. Real and Ideal Home Representations as Moderators of the Positive Person's Functioning. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society, 2015. Vol 6, no. 4, pp. 9–22. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2015060402

* *Nartova-Bochaver Sofiya K.* – Doctor in Psychology, professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, s-nartova@yandex.ru

** *Reznichenko Sofia I.* – Research fellow, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, sofya_292@list.ru

*** *Braginets Ekaterina I.* – Student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, braginetsekaterina@gmail.com

**** *Podlipnyak Mikhail B.* – MA student, Moscow State University of Psychology and Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, mixactik@gmail.com

REFERENCES

1. *Bardadymov V.A.* Autentichnost' lichnosti podrostkov na raznykh stadiyakh addiktivnogo povedeniya [The authenticity of the person of teenagers at various stages of addictive behavior]. Avtoref...diss.kand. psikhol. nauk. Moscow, 2012.
2. *Bochaver A.A.* Predstavleniya o dome kak element personal'nogo opyta [Home as a category of personal experience]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psikhologicheskii zhurnal]*. 2015. T. 36, no. 4, pp. 5–15.
3. *Dmitrieva N.S.* Domashnyaya sreda i psikhologicheskoe blagopoluchie podrostkov [Home environment and the psychological well-being of adolescents]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*. 2014. no. 17. pp. 292–299.
4. *Dmitrieva N.S.* Model' zhiznennogo prostranstva u podrostkov: predposylki i napravleniya issledovaniya [Features of the physical environment in terms of inclusive education]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya [Actual problems of psychological knowledge]*. 2013. no. 3 (28). pp. 90–99.
5. *Dmitrieva N.S., Nartova-Bochaver S.K.* Vozmozhnosti fizicheskoi sredy v usloviyakh inkluzivnogo obrazovaniya [Features of the physical environment in terms of inclusive education]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*. 2014. T. 19. no. 1. pp. 74–81.
6. *Kunitsyna V.N., Yumkina E.A.* Semeinyi ukklad v sotsial'no-psikhologicheskom aspekte [Elektronnyi resurs] [Family life in the socio-psychological aspect]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]*. 2012. no. 4. URL: www.science-education.ru/104-6696 (data obrashcheniya: 22.05.2014).
7. *Nartova-Bochaver S.K., Dmitrieva N.S., Reznichenko S.I., Kuznetsova V.B., Braginets E.I.* Metod otsenki druzhestvennosti zhilishcha: oprosnik "Funktional'nost' domashnei sredy" [The instrument for assessment of dwelling friendliness: "Functionality of home environment" questionnaire]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*. 2015. T. 36, no. 4, pp. 71–83.
8. *Nartova-Bochaver S.K.* (sost.). *Differentsial'naya psikhologiya. Khrestomatiya : uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnykh zavedenii, obuchayushchikhsya po psikhologicheskim spetsial'nostyam [Differential psychology. Reader: a textbook for university students enrolled in the psychological professions]*. Moscow, Alvia. 2008.
9. *Nartova-Bochaver S.K.* Ponyatie autentichnosti v zarubezhnoi psikhologii lichnosti: istoriya, fenomenologiya, issledovaniya [Understanding of authenticity in foreign psychology of personality: History, phenomenology, researches]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*. 2011. T. 32. no. 6. pp. 18–29.
10. *Nartova-Bochaver S.K.* Printsip dopolnitel'nosti v psikhologii: vzaimodeistvie doma i ego obitatelei [The principle of complementarity in psychology: the interaction of the house and its inhabitants]. *Psikhologicheskie issledovaniya lichnosti: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy [Psychological study of personality: the history, current status and prospects]*. Otv. redaktory A.L. Zhuravlev, M.I. Volovikova, N.E. Kharlamenkova. Moscow, god vypuska 2016.
11. *Nartova-Bochaver S.K.* Teoriya privatnosti kak napravlenie zarubezhnoi psikhologii [The theory of privacy as the direction of foreign psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*. 2006. T. 27. no. 5. pp. 28–39.

12. *Nartova-Bochaver S.K., Braginets E.I.* Osobennosti vospriyatiya domashnei sredy roditelyami detei s OVZ [Features of perception of the home environment by parents of children with HIA]. *Lichnostnaya identichnost': vyzovy sovremennosti: materialy Vseros. psikhol. nauch.-prakt. konf. (s inostrannym uchastiem)* [The personal identity: the challenges of our time: Proc. psychol. scientific and practical. Conf. (with foreign participation)]. pod red. Z.I. Ryabikinoy i V.V. Znakova. – Krasnodar- Moscow, 2014. pp. 196–197.
13. *Nartova-Bochaver S.K., Reznichenko S.I., Dmitrieva N.S., Bochaver A.A., Braginets E.I., Podlipnyak M.B.* Obraz real'nogo i ideal'nogo doma kak valeologicheskii factor [The image of the real and the ideal home as a factor valeological]. 7-ya Rossiiskaya konferentsiya po ekologicheskoi psikhologii. Tezisy [7-th Russian conference on ecological psychology. Abstracts]. otv. red. M.O. Mdivani. Moscow: FGBNU «Psikhologicheskii institut RAO»; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya.
14. *Reznichenko S.I.* Mekhanizmy privyazannosti k zhilomu prostranstvu u detei mladshego shkol'nogo vozrasta [Mechanisms of attachment to living space at the primary school age children]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya* [Actual problems of psychological knowledge]. 2013. no. 2. pp. 24–40.
15. *Reznichenko S.I.* Obraz zhilogo prostranstva kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen. Sub'ekt zhilogo prostranstva [The image of the living space as a socio-psychological phenomenon. The subject of living space]. *Lichnost' i bytie: sub'ektnyi podkhod (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Brushlinskogo): materialy VI Vseros. nauch.-prakt. konf. (s inostrannym uchastiem)* [Personality and being: a subjective approach (to the 80th anniversary of AV Bruschlinsky) of the VI All-Russia. scientific and practical. Conf. (with foreign participation)]. pod red. Z.I. Ryabikinoy, V.V. Znakova. Moscow, Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2013. pp. 77–79.
16. *Reznichenko S.I.* Privyazannost' k mestu i chuvstvo mesta: modeli i fenomeny [Attachment to the place and a sense of place: models and phenomena]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. 2014. no. 3. pp. 15–27.
17. *Yumkina E.A.* Semeinyi uklad kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Family life as a socio-psychological phenomenon]. Avtoref...diss.kand. psikhol. nauk. Saint-Petersburg, 2015.
18. *Yung K.G.* Psikhologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the Unconscious]. Moscow, 1994.

Социальная идентичность и этнонациональные установки студенческой молодежи Чечни

О.Е. ХУХЛАЕВ*,
ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
huhlaev@mail.ru

В.М. МИАЗОВА**,
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», Грозный, Россия,
venegeraminazova@mail.ru

О.С. ПАВЛОВА***,
ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
os_ravlova@mail.ru

Е.В. ЗЫКОВ****,
Армавирская государственная педагогическая академия, Армавир, Россия,
zykov_jenya@mail.ru

Исследование посвящено анализу влияния этнической и гражданской идентичности на этнонациональные установки у молодежи, проживающей на Северном Кавказе. В исследовании принимали участие студенты, проживающие в Чеченской республике (214 человек от 16 до 19 лет; девушек — 97, юношей — 117). В качестве методик были использованы: Шкала этнонациональных уста-

Для цитаты:

Хухлаев О.Е., Миназова В.М., Павлова О.С., Зыков Е.В. Социальная идентичность и этнонациональные установки студенческой молодежи Чечни // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 23–40. doi:10.17759/sps.2015060403

* *Хухлаев Олег Евгеньевич* – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, huhlaev@mail.ru

** *Миназова Венера Магомедовна* – старший преподаватель кафедры педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», Грозный, Россия, venegeraminazova@mail.ru

*** *Павлова Ольга Сергеевна* – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, os_ravlova@mail.ru

**** *Зыков Евгений Владимирович* – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и специальной педагогики и психологии, Армавирская государственная педагогическая академия, Армавир, Россия, zykov_jenya@mail.ru

Новок, Методика изучения выраженности этнической и гражданской идентичности, Опросник «Межэтнические установки», Опросник общих социальных установок Э. Френкель-Брунsvик. Гражданская идентичность, по результатам исследования, оказывается малозначимым предиктором этнонациональных установок. Она связана с этнической идентичностью, но ее выраженность сама по себе не играет существенной роли в формировании межэтнических отношений. Этническая идентичность существенным образом определяет гордость и другие позитивные чувства по поводу своей «национальной» принадлежности. В меньшей степени, но статистически достоверно, субъективная значимость своей этничности связана с неприязнью к другим национальностям и негативной оценкой социального равенства и культурного разнообразия.

Ключевые слова: социальная идентичность, гражданская идентичность, этническая идентичность, этнонациональные установки, межгрупповые отношения.

Отношение к представителям иных этнических/национальных групп — этот социально-психологический феномен приобретает в современном мире все большую актуальность. Это связано не только с ростом социальных конфликтов, в которых фактор «этничности» играет определенную (хотя подчас и спорную) роль, но в целом с этническим «ренессансом» [19] конца XX века, или, по выражению Т.Г. Стефаненко, «этническим парадоксом современности» [30, с. 8], который проявляется в росте этнической солидарности и значимости этнической принадлежности.

Вопросы изучения психологической природы межгрупповых отношений волнуют исследователей не одно десятилетие. Теория социальной идентичности, предложенная А. Тэшфелом [46], является центральной и, пожалуй, наиболее часто и эффективно используемой моделью, объясняющей природу процессов межгруппового восприятия, в том числе и в межэтническом контексте.

Как отмечает Г.М. Андреева, «...в отличие от *личностной* идентичности, что означает способность индивида осмыслить не только свою «особость», но и поддерживать свою «целостность», Тэш-

фел определяет социальную идентичность как осознание личностью своей принадлежности к социальной группе и признание эмоциональной значимости такой принадлежности» [1].

В реальности человек является членом большого количества различных социальных групп, и, следовательно, обладает несколькими социальными идентичностями одновременно [7]. Этническая и гражданская идентичности являются одними из наиболее значимых, поскольку практически в любой ситуации социального восприятия категория «национальности» является потенциально доступной [7].

Этническая идентичность, традиционно определяется как «...составная часть социальной идентичности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности» [30, с. 229]. По мнению Л.М. Дробижевой, этническая идентичность это не только «...самоотождествление, но и представление о своем народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также эмоциональное отношение к ним и, при определенных условиях, готовность действовать во имя этих представ-

лений» [10, с. 219]. С позиций американских культурантропологов Дж. Де Воса и Л. Романусси-Росс, этническая идентичность отражает сущность «...формы идентификации, обращенной в прошлое и воплощенной в культурной традиции определенного индивида или группы» [3, с. 225–226]. При этом важным вопросом является сочетание этнической идентичности со смежными параметрами социальной идентификации, в первую очередь с гражданской идентичностью [22].

Понятие «государственно-гражданская или национально-гражданская идентичность» определяется Л.М. Дробижевой как «...отождествление с гражданами страны, представление об этом сообществе, ответственность за него, понимание интересов, а также переживаемые в связи с этим чувства (гордость, обиды, разочарование или энтузиазм и готовность к рефлексии)» [9, с. 49]. И.С. Семенов подчеркивает, что чувство общности с гражданской нацией и эмоциональное переживание этой общности является базой для формирования гражданской идентичности [27]. В целом, современные социально-психологические исследования рассматривают различные аспекты формирования и структуры гражданской идентичности [2; 5].

С точки зрения теории социальной идентичности, «...основной причиной межгрупповых конфликтов является самокатегоризация человека в социальную группу и идентификация с ней, т. е. актуализация социальной идентичности» [7, с. 38]. Кроме того, «...люди, которые сильнее идентифицируют себя со своей ингруппой, в большей степени склонны видеть угрозу со стороны аутгрупп, чем люди, чья идентичность в меньшей степени связана с членством в группе» [17, с. 295].

В то же время в современной науке существует представление о том, что связь социальной идентичности и межгрупповой неприязни не столь однозначна. А. Маммендей, А. Клинк и Р. Браун [41] показали, что взаимосвязь между ингрупповой идентификацией и аутгрупповой дискриминацией не является обязательной. Межгрупповая неприязнь, по данным исследователей, зависит от того, в какой форме было осуществлено социальное сравнение. Если социальная идентичность формируется в результате «автономных» сравнений (с преуспеванием своей же страны в прошлом или будущем (временное сравнение), или с неким с идеальным обществом), то ее связь с негативным отношением к аутгруппе не наблюдается.

Группа исследователей под руководством Дж. Берри на материале исследования более чем 7000 молодых людей из 13 стран [39] продемонстрировала, что этническая идентичность не является препятствием для адаптации в инокультурной среде, и, напротив, выступает как преграда для маргинализации, которая, в свою очередь, лежит в основе девиантных проявлений в межкультурной коммуникации.

Ряд многолетних исследований, проведенных под руководством Н.М. Лебедевой, показал, что позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности. В частности, «...такие характеристики этнической идентичности, как позитивность (валентность) и четкость (выраженность), взаимосвязаны с показателями этнической толерантности, а такие характеристики, как негативность и амбивалентность, — с показателями этнической интолерантности» [11, с. 226].

В целом, по мнению Г.У. Солдатовой, «...позитивная этническая идентичность

характерна для большинства людей и представляет такой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы, с другой — как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом мире» [29, с. 78].

Гражданская идентичность еще более однозначно рассматривается в позитивном ключе как мотивационная основа межэтнического согласия в современном обществе. В частности, «...российская национально-гражданская идентичность призвана обеспечить ценностный консенсус гражданского самосознания и способствовать формированию норм толерантного межэтнического взаимодействия» [33, с. 222]. Это отчасти подтверждается и эмпирическими исследованиями. Так, значимость российской идентичности, оказывается, связана с установками правового равенства по отношению к мигрантам [26]. По данным Е.Н. Юрасовой [38] оценка привлекательности собственной нации и идентификация с собственной нацией у респондентов, склонных к ксенофобии, значимо ниже, чем у тех, кто не испытывает неприязненного отношения к «чужакам».

При этом, как отмечает Л.М. Дробижева, «...гражданская идентичность в сравнении с региональной и этнической всегда считается более либеральной, лояльной к человеку. Но история знает примеры, когда она теряла эти черты, становилась изоляционистской и даже агрессивной (негативной)» [8, с. 13].

По данным И.М. Кузнецова [13], русским москвичам, демонстрирующим так называемый «ксенофобный» шаблон реагирования на изменившуюся этни-

ческую структуру Москвы, свойственно ощущение высокой ценности принадлежности к гражданам России. Можно сказать, что у них этническая идентичность «сцепляется» с государственно-гражданской. Они могут являться ядром шовинистических движений и своими действиями часто способствуют росту их популярности.

Таким образом, внутри представления об этнической и гражданской идентичностях существует как понимание ее «позитивной» природы, так и трактовка как фактора деструктивной солидарности. Этот крайне важный как с теоретической, так и практической точки зрения вопрос связан, по сути дела, с «двойной» природой этнической идентичности и проявляется только при обращении к тому, к каким последствиям в реальности ведет рост субъективной значимости этничности.

По мнению С.В. Рыжовой, «.....интолерантное развитие этническая идентичность приобретает только в том случае, если она сопрягается с формированием чувства враждебности и агрессивного доминирования в отношении инациональных лиц» [25, с. 89]. Это во многом зависит от внешних факторов — информационных, политических, социально-экономических и др. Регионально-этнический фактор здесь, безусловно, также может играть существенную роль. Так, в исследовании Дж. Сиданиуса и др. [45] была обнаружена связь национализма и ингрупповой привязанности у «коренных» американцев, но не у жителей США азиатского и латиноамериканского происхождения. Отдельно изучается тема влияния климата и экономики на ингрупповой фаворитизм [47].

Следовательно, взаимосвязь между этнической идентичностью и меж-

групповой неприязню будет сильно отличаться в зависимости от реалий окружающего общества. В силу этого вопрос региональных особенностей такого соотношения на Северном Кавказе представляется крайне актуальным. Исследования, посвященные изучению содержания и структуры социальной идентичности этноса, проводимые в Чеченской Республике [22], обнаруживают сильную степень актуализированности этнической идентичности, а также ее яркую позитивную окрашенность. Позитивная этническая идентичность чеченцев, при которой имеют место благоприятное отношение к своей культуре, истории, естественный патриотизм, гордость за принадлежность к своей этнической группе, отмечаются в исследованиях В.В. Гриценко и Т.Н. Смотровой [6], С.Ш. Жемчуровой [13], Л.У. Курбановой [16], М.И. Лечиевой [18], О.С. Павловой [21]. При этом этническая идентичность демонстрирует тесную связь с религиозной идентичностью.

Кроме того, нынешняя Чечня — фактически мононациональный регион, что сводит к минимуму межэтнические контакты в пределах собственной республики. При этом историческая память чеченцев как концентрация наиболее значимых событий прошлого в сознании представителей этноса отражает сложную и драматическую историю чеченского народа в составе российского/советского государства. Подобная региональная специфика, очевидно, может оказывать своеобразное влияние на формирование связи между этнической идентичностью и межэтнической неприязню.

При этом мы предполагаем, что межгрупповую неприязню можно эф-

фективно изучать не только через предубеждения (это всегда чревато сдвигом, связанным с уровнем социальной желательности, что особенно актуально в северо-кавказском регионе), а используя этнонациональные установки, определяемые как «...предрасположенность индивида к оценке проявлений феномена национальности (этничности) или оценочное отношение к феномену национальности. Они являются генерализованными установками, так как существуют вне контекста конкретных межгрупповых отношений» [34].

Таким образом, мы можем сформулировать цель исследования как выявление влияния этнической и гражданской идентичности на этнонациональные установки у молодежи, проживающей на Северном Кавказе.

Описание исследования

В исследовании принимали участие студенты факультета управления, юридического факультета Чеченского государственного университета, обучающиеся на 1 курсе, и Института чеченской и общей филологии в количестве 214 чел. Возраст — от 16 до 19 лет (в среднем 17.8 лет). По половому признаку выборка делилась следующим образом: девушек — 97, юношей — 117.

Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что этническая и гражданская идентичность взаимосвязаны с этнонациональными установками молодежи, проживающей на Северном Кавказе. При этом, в силу большей субъективной значимости этничности, именно этническая идентичность будет являться более значимым предиктором, чем гражданская идентичность.

Применяемые методики.

Методика изучения выраженности этнической и гражданской идентичности является модификацией опросников, предложенных Дж. Финни (Мультигрупповой опросник этнической идентичности, MIEM-R и его вариант для гражданской принадлежности [42; 43]), составленной на основе адаптации, предложенной Т.Г. Стефаненко [31].

Шкала этнонациональных установок [34; 37]. Разработана О.Е. Хухлаевым совместно с И.М. Кузнецовым и Н.В. Ткаченко. Методика направлена на изучение установок по поводу четырех объектов: а) национальности как абстрактной категории; б) ... как свойства носителя установки («моя» национальность); в) ее же, воплощенной в межличностном пространстве («люди моей национальности»); г) национальности, «объективированной» в людях «иной» национальности. Опросник позволяет выявить четыре формы установок:

— националистические установки (неприязненное отношение к представителям иных национальностей);

— патриотические установки (ощущение гордости за свою национальную принадлежность и ощущение связи с людьми «своей национальности»);

— нейтральные этнонациональные установки (нейтральное, индифферентное отношение к своей национальной принадлежности; установка на «периферийность» вопросов, связанных с национальностью);

— негативистские этнонациональные установки (отрицательное отношение к феномену национальности и национальной принадлежности).

Опросник «Межэтнические установки», составленный Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко [32] в рамках адаптации

методики комплексного исследования аккультурационных ожиданий принимающего населения Дж. Берри (проект MIRIPS). В авторской версии представлены два параметра: уровень этнической интолерантности и ориентация на социальное равенство. По результатам факторного анализа в текущем исследовании было решено расширить второй фактор, дав ему название «Позитивная оценка социально-этнического равенства и разнообразия».

Опросник общих социальных установок Э. Френкель-Брунстик [24]. Он позволяет косвенным образом исследовать существующий уровень предубежденности. По мнению автора, сильно предубежденные в отношении других этнических групп люди склонны разделять определенные взгляды, которые прямо не связаны с этническими установками.

Данные обрабатывались с помощью программы SPSS 17.0

Результаты исследования

По результатам корреляционного анализа наблюдается взаимосвязь средней силы между гражданской и этнической идентичностью ($r=0.30$, $p \leq 0.01$).

Слабая положительная корреляция выявлена между националистическими и патриотическими установками ($r=0.18$, $p \leq 0.01$), интолерантностью и патриотическими установками ($r=0.16$, $p \leq 0.05$). Слабая отрицательная взаимосвязь — между интолерантностью и националистическими установками ($r=-0.27$, $p \leq 0.01$), ориентацией на социальное равенство и «антинационализмом» ($r=-0.17$, $p \leq 0.05$) а также интолерантностью ($r=-0.16$, $p \leq 0.05$).

Отрицательные взаимосвязи среднего уровня наблюдаются между «анти-на-

ционализмом» и националистическими установками ($r=-0.39$, $p \leq 0.01$), нейтральными этнонациональными и патриотическими установками ($r=-0.60$, $p \leq 0.01$).

Перейдем к описанию результатов, непосредственно связанных с гипотезой исследования. По результатам корреляционного анализа (табл. 1) обнаружен целый ряд взаимосвязей между этнической идентичностью и практически всеми этнонациональными установками, а также предубежденностью. Гражданская идентичность связана только с позитивной оценкой социально-этнического равенства и разнообразия.

Для уточнения и дальнейшей статистической проверки выявленных взаимосвязей был проведен регрессионный анализ (прямой пошаговый метод). В качестве независимых переменных были выбраны этническая и гражданская идентичность (табл. 2). В состав зависимых переменных

были включены все параметры, по которым в результате корреляционного анализа была обнаружена достоверная взаимосвязь.

Наиболее выражено влияние этнической идентичности на патриотические установки (регрессионная модель объясняет 32 % зависимой переменной). При этом гражданская идентичность с патриотизмом не связана.

Коэффициент детерминации нейтральных этнонациональных установок существенно ниже (18% объясненной дисперсии). При этом различаются векторы и относительные степени влияния социальных идентичностей. Этническая идентичность вносит высокий вклад в снижение данных установок (отрицательная связь), а гражданская — крайне низкий (бета-коэффициент регрессии меньше в 20 раз) в их повышение.

Модель влияния социальных идентичностей на националистические

Таблица 1
Взаимосвязь этнонациональных установок, предубежденности и социальной идентичности

...	Этническая идентичность	Гражданская идентичность
Националистические установки	,218**	-,096
Патриотические установки	,553**	,103
Анти-национализм	-,125	,066
Нейтральные этнонациональные установки	-,367**	,063
Интолерантность	-,119	-,013
Позитивная оценка социально-этнического равенства и разнообразия	-,219**	-,265**
Предубежденность	-,145*	-,170*

Примечание: «*» — $p \leq 0.05$; «**» — $p \leq 0.01$.

установки статистически достоверна, однако характеризуется слабым коэффициентом детерминации R^2 . Можно сказать, что этническая и гражданская идентичности вносят вклад в негативное отношение к представителям других национальностей, который является мало существенным, по сравнению с иными потенциальными предикторами межэтнической неприязни. При этом вектор их влияния различен. Этническая идентичность повышает негативное отношение к представителям иных национальностей, а гражданская — понижает.

Воздействие социальных идентичностей на позитивную оценку социально-

этнического равенства и разнообразия также недостаточно для признания его существенным (8% объясненной дисперсии). Однако в данном случае вектор влияния этнической и гражданской идентичности един — они примерно в равной степени снижают выраженность данных установок.

Последняя регрессионная модель (предубежденность) статистически достоверна, однако коэффициенты регрессии выходят за рамки статистической значимости. Таким образом, можно сказать, что влияние этнической и гражданской идентичности на общие социальные установки, являющиеся маркером предубежденности, не обнаружено.

Таблица 2

Влияние социальной идентичности на этнонациональные установки и предубежденность

Независимые переменные	Зависимые переменные				
	Националистические установки	Патриотические установки	Нейтральные этнонациональные установки	Позитивная оценка социально-этнического равенства и разнообразия	Предубежденность
Гражданская идентичность	-.19**	-.06	.02**	-.20**	-.13
Этническая идентичность	.28***	.58***	-.44***	-.16*	-.10
R	.28	.57	.42	.29	.19
R^2	.08	.32	.18	.08	.04
Adj. R^2	.07	.31	.17	.08	.03
F	8.98***	48.44***	22.27***	9.59***	3.86*

* $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$

Обсуждение результатов

Гражданская идентичность, по результатам исследования, оказывается малозначимым предиктором этнонациональных установок. Она связана с этнической идентичностью, но ее выраженность сама по себе не играет существенной роли в формировании межэтнических отношений. Скорее всего, это связано с тем, что гражданская идентичность слабо актуализирована в структуре идентичности чеченцев [22]. Так, в исследованиях Л.У. Курбановой отмечается, что «...российская гражданская идентичность при конструировании общей самоидентичности личности чеченца не входит в ценностное ядро идентификационных предпочтений, а располагается на ее периферии» [16, с. 158]. Изучая причины данного явления, среди региональных особенностей исследователи выделяют, прежде всего, сильную приверженность обычаям и традициям и глубокую религиозность чеченцев. Так, описывая специфику формирования гражданского самосознания на Северном Кавказе, С.В. Сиражудинова отмечает, что «...традиционность и исламский фактор оказывают значительное влияние на политические установки населения региона и в некоторых случаях вступают в противоречие с ценностями и требованиями гражданского общества» [28, с. 11]. Эти черты проявляются наиболее остро в Чечне, Ингушетии и Дагестане. Проблемность формирования гражданской идентичности связана также с полиюридизмом, исторически сложившимся в северокавказском регионе. Полиюридизм (правовой плюрализм) — такая правовая ситуация, когда параллельно действуют нормы обычного права (*адаты*), законы шариата и система современного россий-

ского законодательства [23]. Специфика общественной жизни северокавказских народов такова, что различные правовые системы дополняют друг друга. Исследование, проведенное на материале Чечни, показывает, что при регуляции поведения респонденты в большей степени ориентируются на адаты и шариат, нежели на российские законы [20].

Очевидно, что слабо актуализированная гражданская идентичность в структуре социальной идентичности чеченцев не является ключевой при формировании межэтнических отношений.

Далее обратим внимание на разновекторность влияния социальных идентичностей на этнонациональные установки. Этническая идентичность повышает националистические и понижает нейтральные этнонациональные установки (индифферентное отношение к национальности). Гражданская идентичность действует в противоположном направлении. Таким образом, можно сказать, что этническая идентификация выглядит менее позитивно т. к. в большей степени связана с межгрупповой неприязнью.

Однако, с другой стороны, именно этническая идентичность является ведущим предиктором патриотизма — позитивного отношения к своему народу, гордости за него. Важно, что патриотизм (в отличие от национализма), по данным как отечественных так и зарубежных исследований, не связан с межгрупповой конфликтностью [40; 44]. По результатам многолетнего изучения рисков межнациональной конфликтности в молодежной среде [14; 15], можно утверждать, что именно преобладание негативного отношения к иным национальным группам (над позитивным отношением к ингруппе) является наиболее значимым предиктором этноконфессионального насилия.

Получается, что выраженность этнической идентичности существенным образом определяет гордость и другие позитивные ощущения по поводу своей «национальной» принадлежности. В меньшей степени, но статистически достоверно, субъективная значимость своей этничности связана с неприязнью к другим национальностям и негативной оценкой социального равенства и культурного разнообразия.

Такая двойственность этнической идентичности, с одной стороны, является прямым следствием противоречивости изначального конструкта. С другой стороны, социокультурная ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе, характеризующаяся такими чертами, как традиционность и религиозность, влияют на мировоззрение и образ жизни чеченцев. При этом коллективистический характер культуры определяет сильную степень зависимости индивида от своего общества.

Обращаясь к анализу отношений к «иным», характерным для традиционной культуры, мы видим, что оно всегда является амбивалентным [36]. Как отмечает Ван Геннеп, «...в одних местах чужака истязают, грабят, даже убивают (не опасаясь осуждения), в других — его боятся, убажуют, используют как существо, наделенное могущественной силой или же принимают против него меры магически-религиозной защиты» [4, с. 29]. По мнению известного антрополога, это является следствием отношения к «чужаку» как к пребывающему в сакральном мире, «...в то время как сообщество для своих членов представляет собой мир профанный» [4, с. 29]. Известно множество этнографических фактов, описывающих значимость фигуры «Чужака», выступающего в качестве

«Гостя» [35]. По мнению М.Ю. Мартыновой и М.Л. Бутовской «...дихотомия “Мы”–“Они” в разные исторически периоды имела неодинаковые границы, но всегда четко осознавалась... При этом “свое” всегда лучше, чем “чужое”» [33, с. 133]. Таким образом, в традиционной культуре оказывается инкорпорирована определенная «напряженность» по отношению к чужакам, необходимая как минимум до определения их статуса как «Гостей». Это, на наш взгляд, объясняет связь этнической идентичности с неприязнью к другим национальностям.

Однако в существенно большей степени этническая идентичность является предиктором позитивного отношения к своему народу, гордости за него, что, на наш взгляд, является основой для выстраивания конструктивных межгрупповых отношений. При этом необходимо не забывать, что «двойственность» этничности является как экспериментальным фактором, так и отражением этнографических реалий, что требует особого внимания как при построении экспериментальных исследований, так и при осуществлении управленческих воздействий.

Выводы

По результатам исследования можно сделать два ключевых вывода.

Во-первых, обнаружена значимая связь между этнической идентичностью и этнонациональными установками у чеченской молодежи. При этом данные имеют двойственную природу. С одной стороны, этническая идентичность влияет на ощущение гордости за свою национальную принадлежность и ощущение связи с людьми «своей национальности».

С другой стороны, она связана с неприязнью к другим национальностям и негативной оценкой социального равенства и культурного разнообразия. Данная амбивалентность является как следствием внутренних противоречий феномена этничности, так и специфики социокультурной ситуации изучаемого региона.

Во-вторых, как и предполагалось, гражданская идентичность напрямую не оказывает влияние на этнонациональные установки. Можно сказать, что гражданская идентичность в структуре социальной идентичности жителей Чечни не является ключевой при формировании межэтнических отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. № 6 (20). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html> (дата обращения: 07.04.2015).
2. *Безгина Н.В.* Психологическая структура гражданской идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3—1. С. 244—247.
3. *Белик А.А.* Культурная (социальная) антропология. М.: РГГУ, 2009. 613 с.
4. *ван Геннеп А.* Обряды перехода. М.: Восточная литература РАН, 2002. 198 с.
5. *Водолажская Т.В.* Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5—6. С. 140—142.
6. *Гриценко В.В., Смотров Т.Н.* Ценностно-нормативные основы интеграции этнических мигрантов в российском обществе. Смоленск: Универсум, 2008. 152 с.
7. *Гулевич О.А.* Психология межгрупповых отношений. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. 432 с.
8. *Дробижева Л.М.* Введение. Что мы хотим сказать о российской идентичности // Гражданская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт Социологии РАН; Макс-пресс, 2009. С. 5—15.
9. *Дробижева Л.М.* Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49—58.
10. *Дробижева Л.М.* Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 214—228.
11. *Ефремова М.В.* Влияние этнической и гражданской идентичности на адаптацию инокультурных мигрантов в Москве и Ставропольском крае // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сб. науч. Статей / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. С. 224—250.
12. *Жемчураева С.Ш.* Теоретико-методологические аспекты социологической диагностики идентичности чеченцев в полиэтнической среде. дис. ... канд. социол. Наук. Саратов, 2010. 285 с.
13. *Кузнецов И.М.* Риски разрастания ксенофобии в мегаполисе: сценарии развития ситуации // Гражданская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт Социологии РАН; Макс-пресс, 2009. 218—227.

14. Кузнецов И.М., Хухлаев О.Е. Риски межнациональной конфликтности в образовательных учреждениях Москвы // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 2. С. 115–126.
15. Кузнецов И.М., Хухлаев О.Е. Социально-психологический мониторинг рисков межнациональной конфликтности: методология и практика // Социальная психология и общество. 2013. № 1. С. 104–113.
16. Курбанова Л.У. Проблемы и процессы гендерной самоидентификации чеченцев. Краснодар: ООО «Просвещение-Юг», 2012. 260 с.
17. Лебедева Н.М. Этнопсихология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 647 с.
18. Лечиева М.И. Этническая идентичность современных чеченцев, проживающих на территории Чеченской Республики // Российский научный журнал. 2012. № 6 (19). С. 165.
19. Окладникова Е.А., Зобнина А.О. Этнический ренессанс: теории и современная российская практика [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-154-1/ (дата обращения: 07.04.2015).
20. Павлова О.С. Гражданская и конфессиональная (исламская) идентичность в современной России: аспекты совместимости // Материалы Международной конференции «Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы», 26–27 сентября 2013 года. СПб: Издательство СПбГУ, 2013. С. 89–90.
21. Павлова О.С. Об этнической, религиозной и государственно-гражданской идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 119–133.
22. Павлова О.С. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М.: Сам Полиграфист, 2012. 558 с.
23. Першиц А.И., Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 81.
24. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова. Москва: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2003. 112 с.
25. Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: АЛЬФА-М, 2011. 280 с.
26. Рыжова С.В. Идентичность москвичей в разной этноконтрастной среде // Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт Социологии РАН; Макс-пресс, 2009. С.130–141.
27. Семенов И.С. Гражданская идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семенов. М. 2012. С. 78.
28. Сиражудинова С.В. Гражданское общество, традиционализм и ислам на Северном Кавказе. Ростов-н/Д: ООО АзовПечать, 2012. 200 с.
29. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
30. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. Учебник для вузов, 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. 368 с.

31. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Практикум. М.: Аспект Пресс, 2006. 208 с.
32. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросс-культурной психологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. 238 с.
33. Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска / Ред. Ю.П. Зинченко, А.В. Логинова. М.: Наука, 2011. 608 с.
34. Хухлаев О.Е. Этнонациональные установки современной Российской молодежи // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 46–57.
35. Чеснов В.Я. Лекции по исторической этнологии. М.: Гардарика, 1998. 400 с.
36. Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. Вып. 1. С. 41–53.
37. Этнонациональные установки и ценности современной молодежи / Хухлаев О.Е. [и др.] // Культурно-историческая психология. 2011. № 4. С. 97–106.
38. Юрасова Е.Н. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии // Юридическая психология, 2008. № 4. С. 27–35.
39. Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant Youth: Acculturation, Identity, and Adaptation // Applied psychology: an international review. 2006. № 55 (3). P. 303–332. doi: 10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x
40. Huddy L., Khatib N. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement // American Journal of Political Science. 2007. Vol. 51. № 1. P. 63–77.
41. Mummendey A., Klink A., Brown R. Nationalism and patriotism: National identification and out-group rejection // The British Journal of Social Psychology. 2001. Vol. 40. P. 159–172.
42. Phinney J., Devich-Navarro M. Variations in bicultural identification among African American and Mexican American adolescents // Journal of Research on Adolescence. 1997. № 7. P. 3–32. doi: 10.1159/000268137
43. Phinney J., Ong A.D. Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions // Journal of Counseling Psychology. 2007. Vol. 54. № 3. P. 271–281. doi: 10.1177/0011000009359203
44. Schatz R.T., Staub E., Lavine H. On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism // Political Psychology. 1999. Vol. 20. I. 1. P. 151–174.
45. Sidanius J., Feshbach S., Levin S., Pratto F. The Interface Between Ethnic and National Attachment: Ethnic Pluralism or Ethnic Dominance? // Public Opinion Quarterly. 1997. № 61. P. 103–133.
46. Social categorization and intergroup behavior / Tajfel H. [и др.] // European Journal Of Social Psychology. 1971. V. 1. I. 2. pp. 149–178. doi: 10.1002/ejsp.2420010202
47. Van de Vliert E. Climato-Economic Origins of Variation in Ingroup Favoritism // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. № 42(3). P. 494–515. doi: 10.1177/0022022110381120

Social Identity and Ethnic Attitudes in Students from Chechnya

O.E. KHUKHLAEV*,

*Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
huhlaev@mail.ru*

V.M. MINAZOVA**,

*Chechen State University, Grozny, Russia,
veneraminazova@mail.ru*

O.S. PAVLOVA***,

*Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
os_pavlova@mail.ru*

E.V. ZYKOV****,

*Armavir State Pedagogical Academy, Armavir, Russia,
zykov_jenya@mail.ru*

The study focused on analyzing the impact of ethnic and national identity on the ethnonational attitudes among young people living in the North Caucasus. The study involved students residing in the Chechen Republic (214 subjects aged 16–19 years (mean 17.8), girls – 97, boys – 117). We used: 1) Ethnonational attitudes scale; 2) Technique for studying expression of ethnic and national identity; 3) Interethnic Attitudes questionnaire; 4) General Social Attitudes Scale by E.Frenkel-Brunswik. The outcomes of the research indicate that national identity is a weak predictor of ethnonational attitudes. It is associated with ethnic identity, but does not play any significant role in the formation of interethnic relationships. However, ethnic identity does shape the feeling of pride and other positive feelings that one has about his/her own “na-

---

For citation:

Khukhlaev O.E., Minazova V.M., Pavlova O.S., Zykov E.V. Social Identity and Ethnic Attitudes in Students from Chechnya. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society, 2015. Vol 6, no. 4, pp. 23–40. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2015060403

* *Khukhlaev O.E.* – PhD in Psychology, assistant professor, head of the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, huhlaev@mail.ru

** *Minazova Venera M.* – Senior lecturer, Department of Pedagogy and Psychology, Chechen State University, Grozny, Russia, veneraminazova@mail.ru

*** *Pavlova Olga S.* – PhD in Pedagogy, associate professor, Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, os_pavlova@mail.ru

**** *Zykov Evgeniy V.* – PhD in Psychology, associate professor, Department of Social and Special Pedagogy and Psychology, Armavir State Pedagogical Academy, Armavir, Russia, zykov_jenya@mail.ru

tionality". To a lesser extent, but still statistically significant, subjective importance of one's ethnicity is associated with hostility towards other nationalities and with negative assessment of social equality and cultural diversity.

Keywords: social identity, national identity, ethnic identity, ethnic attitudes, intergroup relations.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. K voprosu o krizise identichnosti v usloviyakh sozial'nykh transformatsiy [On the issue of identity crisis in terms of social transformations] [Elektronnyy resurs]. *Psichologicheskie issledovaniya: elektronnyy nauchnyy zhurnal [Psychological research: electronic scientific journal]*. 2011. N 6(20). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html> (data obrascheniya: 07.04.2015).
2. Bezgina N.V. Psichologicheskaya struktura grazhdanskoy identichnosti [Psychological structure of civic identity]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Proceedings of the Tula State University. humanities]*. 2013. Vyp. no. 3—1, pp. 244—247.
3. Belik A.A. Kul'turnaya (sozial'naya) antropologiya [Cultural (social) anthropology]. Moscow: RGGU, 2009, 613 p.
4. van Genep A. Obryady perechoda [Rites of passage]. Moscow: «Vostochnaya literatura» RAN, 2002, 198 p.
5. Vodolazhskaya T.V. Identichnost' grazhdanskaya [The identity of the civil]. *Obrazovatel'naya politika [Educational policy]*. 2010. № 5—6, pp. 140—142.
6. Grizenko V.V., Smotrova T.N. Zennostno-normativnye osnovy integratsii etnicheskikh migrantov v rossiyskom obschestve [Value-normative bases of integration of ethnic migrants in Russian society]. Smolensk: Universum, 2008, 152 p.
7. Gulevich O.A. Psichologiya mezhhruppovyykh otnosheniy [Psychology of intergroup relations]. Moscow: Moskovskiy psichologo-sozial'nyy institut. 2007, 432 p.
8. Drobizheva L.M. Vvedenie. Chto my chotim skazat' o rossiyskoy identichnosti [What we want to say about the Russian identity]. *Grazhdanskaya identichnost' v Moskve i regionakh [Civic identity in Moscow and regions]* / Otv. red. L.M. Drobizheva. Moscow: Institut Soziologii RAN; Maks-press, 2009, pp. 5—15.
9. Drobizheva L.M. Identichnost' i etnicheskie ustanovki russkikh v svoey i inoetnicheskoy srede [Identity and ethnic Russian in their installation and another ethnic environment]. *Soziologicheskie issledovaniya [Sociological research]*. 2010. no. 12, pp. 49—58.
10. Drobizheva L.M. Nazional'no-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost': problemy pozitivnoy sovmestimosti [National civil and ethnic identity: positive compatibility problems]. *Rossiya reformiruyuschayasya [Russia reformed]*. Ezhegodnik / Otv. red. M.K. Gorskov. Vyp. 7. Moscow: Institut soziologii RAN, 2008, pp. 214—228.
11. Efremova M.V. Vliyanie etnicheskoy i grazhdanskoy identichnosti na adaptatsiyu inokul'turnyykh migrantov v Moskve i Stavropol'skom krae [Influence of ethnic and civic identity adaptation migrants from other cultures in Moscow and Stavropol Territory]. *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i naseleniya Rossii: Sbornik nauchnykh statey [Strategy of intercultural interaction of migrants and the population of Russia: Collected articles]* / Pod red. N.M. Lebedevoy i A.N. Tatarko. Moscow: RUDN, 2009, pp. 224—250.

12. Zhemchuraeva S.Sh. Teoretiko-metodologicheskie aspekty soziologicheskoy diagnostiki identichnosti chechenzev v polietnicheskoy srede [Theoretical and methodological aspects of sociological diagnosis identity of Chechens in multiethnic environment]. Diss. ... kand.soziol.n. Saratov, 2010, 285 p.
13. Kuznezov I.M. Riski razrastaniya ksenofobii v megapolise: szenarii razvitiya situazii [Risks of proliferation of xenophobia in the metropolis: scenarios of events]. *Grazhdanskaya identichnost' v Moskve i regionach [Civic identity in Moscow and regions]* / Otv. red. L.M. Drobizheva. Moscow: Institut Soziologii RAN; Maks-press, 2009, pp. 218–227.
14. Kuznezov I.M., Chuchlaev O.E. Riski mezhnatsional'noy konfliktnosti v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh Moskvy [Risks of ethnic conflict in the educational institutions in Moscow]. *Sozial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*. 2014. T. 5. no. 2, pp. 115–126.
15. Kuznezov I.M., Khukhlaev O.E. Sozial'no-psichologicheskii monitoring riskov mezhnatsional'noy konfliktnosti: metodologiya i praktika [Social and psychological risk monitoring ethnic conflict: Methodology and Practice]. *Sozial'naya psikhologiya i obshchestvo obshchestvo [Social Psychology and Society]*. 2013. no. 1, pp. 104–113.
16. Kurbanova L.U. Problemy i protsessy gendernoy samoidentifikazii chechenzev [Problems and processes of gender identity Chechens]. Krasnodar, Izdatel'stvo OOO «Prosveshchenie-Yug». 2012, 260 p.
17. Lebedeva N.M. Etnopsikhologiya: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata [Ethnopsychology: tutorial and workshop for academic undergraduate]. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt, 2014, 647 p.
18. Lechieva M.I. Etnicheskaya identichnost' sovremennykh chechenzev, prozhivayuschich na territorii Chechenskoy Respubliki [Ethnic identity of the Chechens living in the territory of the Chechen Republic]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal [Russian scientific journal]*. 2012. no. 6 (19), p. 165.
19. Okladnikova E.A., Zobnina A.O. Etnicheskiy renessans: teorii i sovremennaya rossiyskaya praktika [Ethnic renaissance: the theory and practice of modern Russian] [Elektronnyy resurs]: Elektronnyaya biblioteka Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-154-1/ (data obrascheniya: 07.04.2015).
20. Pavlova O.S. Grazhdanskaya i konfessional'naya (islamskaya) identichnost' v sovremennoy Rossii: aspekty sovместимости [Civil and confessional (Islamic) identity in the modern Russia: aspects of compatibility]. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Islam v Rossii: kul'turnye traditsii i sovremennye vyzovy» [Issues of international conference «Islam in Russia: cultural traditions and modern challenges»], 26–27 sentyabrya 2013 goda. SPb., 2013. pp. 83–90.
21. Pavlova O.S. Ob etnicheskoi, religioznoi i gosudarstvenno-grazhdanskoi identichnosti chechentsev i ingushei [About ethnic, religious and state-civil identity of the Chechens and Ingush]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2013, no. 2, pp.119–136.
22. Pavlova O.S. Chechenskiy etnos segodnya: cherty sozial'no-psichologicheskogo portreta [Chechen ethnic group today: traits of socio-psychological portrait]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Sam Poligrafist», 2013. 540 p.

23. *Pershiz A.I., Smirnova Ya.S.* Yuridicheskiy plyuralizm narodov Severnogo Kavkaza [Legal pluralism of the North Caucasus]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]*. 1998. no. 1, pp. 81.
24. Praktikum po psichodiagnostike i issledovaniyu tolerantnosti lichnosti [Workshop on psychological diagnostics and research of tolerance of the person] / G.U. Soldatova, L.A. Shaygerova. Moscow: MGU im.M.V. Lomonosova, 2003. 112 p.
25. *Ryzhova S.V.* Etnicheskaya identichnost' v kontekste tolerantnosti [Ethnic identity in the context of tolerance]. Moscow: AL'FA-M, 2011, 280 p.
26. *Ryzhova S.V.* Identichnost' moskvichey v raznoy etnokontaktnoy srede. Rossiyskaya identichnost' v Moskve i regionach [The identity of the Muscovites in various ethno contact environment] / Otv. red. L.M. Drobizheva. Moscow: Institut Soziologii RAN; Makspress, 2009, pp. 130–141.
27. *Semenenko I.S.* Grazhdanskaya identichnost' [Civic identity]. *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti [Political identity and identity politics]*: v 2 t. T. 1. Identichnost' kak kategoriya politicheskoy nauki: slovar' terminov i ponyatiy / Otv. red. I.S. Semenenko. Moscow, 2012, p. 78.
28. *Sirazhudinova S.V.* Grazhdanskoe obschestvo, tradizionalizm i islam na Severnom Kavkaze [Civil society, traditionalism and Islam in the North Caucasus]. Rostov-n/D: OOO AzovPechat', 2012. 200 p.
29. *Soldatova G.U.* Psichologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti [Psychology of ethnic tensions]. Moscow: Smysl, 1998, 389 p.
30. *Stefanenko T. G.* Etnopsichologiya. Uchebnik dlya vuzov [Ethnopsychology. Textbook for high schools], 4-e izd., ispr. i dop. Moscow: Aspekt Press, 2009, 368 p.
31. *Stefanenko T.G.* Etnopsichologiya. Praktikum [Ethnopsychology. Practical work]. Moscow: Aspekt Press, 2006, 208 p.
32. *Tatariko A.N., Lebedeva N.M.* Metody etnicheskoy i kross-kul'turnoy psichologii [Methods of ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2011, 238 p.
33. Tolerantnost' kak faktor protivodeystviya ksenofobii: upravlenie riskami ksenofobii v obshchestve riska [Tolerance as a factor in combating xenophobia: risk management xenophobia in society at risk] / red.: Yu.P. Zinchenko, A.V. Loginova. Moscow: Nauka, 2011, 608 p.
34. *Chuchlaev O.E.* Etnonazional'nye ustanovki sovremennoy Rossiyskoy Molodezhi [Ethnonational installation of modern Russian youth]. *Voprosy psichologii [Questions of psychology]*. 2011. no. 1, pp. 46–57.
35. *Chesnov V.Ya.* Lekzii po istoricheskoy etnologii [Lectures on historical ethnology]. M.: Gardarika, 1998. 400 p.
36. *Shtichve R.* Ambivalentnost', indifferentnost' i soziologiya chuzhogo [Ambivalence, indifference and sociology of others]. *Zhurnal soziologii i sozial'noy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 1998. T. I. Vyp. 1, pp. 41–53.
37. Etnonazional'nye ustanovki i zennosti sovremennoy molodezhi [Ethno-national attitudes and values of today's youth]. Khukhlaev O.E. [i dr.]. *Kul'turno-istoricheskaya psichologiya [Cultural-Historical Psychology]*. 2011. no. 4, pp. 97–106.
38. *Yurasova E.N.* Psichologicheskie osobennosti liz, sklonnnykh k ekstremizmu, terrorizmu i ksenofobii [Psychological features of individuals who are prone to extremism,

- terrorism and xenophobia]. *Yuridicheskaya psichologiya [Legal psychology]*, 2008. no. 4, pp. 27–35.
39. *Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P.* Immigrant Youth: cultururation, Identity, and Adaptation . *Applied psychology: an international review*. 2006. V. 55, I. 3, pp. 303–332. doi: 10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x
40. *Huddy L., Khatib N.* American Patriotism, National Identity, and Political Involvement. *American Journal of Political Science*. 2007. V. 51. no.1. pp. 63–77.
41. *Mummendey A., Klink A., Brown R.* Nationalism and patriotism: National indentification and out-group rejection. *The British Journal of Social Psychology*. 2001. V. 40. pp. 159–172.
42. *Phinney J., Devich-Navarro M.* Variations in bicultural identification among African American and Mexican American adolescents. *Journal of Research on Adolescence*. 1997. no. 7. pp. 3–32. doi: 10.1159/000268137
43. *Phinney J., Ong A.D.* Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions. *Journal of Counseling Psychology*. 2007. V. 54, no. 3. pp. 271–281. doi: 10.1177/0011000009359203
44. *Schatz R.T., Staub E., Lavine H.* On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism. *Political Psychology*. 1999. V. 20. I.1. pp. 151–174.
45. *Sidanius J., Feshbach S., Levin, S., Pratto F.* The Interface Between Ethnic and National Attachment: Ethnic Pluralism or Ethnic Dominance? *Public Opinion Quarterly*. 1997. no. 61. pp. 103–133.
46. Social categorization and intergroup behavior / *Tajfel H.* [и др.]. *European Journal Of Social Psychology*. 1971. V. 1. I. 2. pp. 149–178. doi: 10.1002/ejsp.2420010202
47. *Van de Vliert E.* Climato-Economic Origins of Variation in Ingroup Favoritism. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2011. V. 42, no. 3. pp. 494–515. doi: 10.1177/0022022110381120

Отношение современных старшеклассников к политическим лидерам (по материалам психосемантического исследования)

В.С. СОБКИН*,

*Центр социологии образования, ФГБНУ «Институт управления образованием РАО», Москва, Россия,
sobkin@mail.ru*

М.А. МНАЦАКАНЯН**,

*Центр социологии образования, ФГБНУ «Институт управления образованием РАО», Москва, Россия,
0040000@inbox.ru*

В статье представлены результаты эмпирического исследования, посвященного выявлению содержательных особенностей восприятия политических лидеров современными старшеклассниками. Сбор данных осуществлялся в начале 2014 г. в условиях нестабильной политической ситуации, обусловленной, в первую очередь, событиями в Украине и их последствиями. В исследовании приняли участие 110 учащихся X, XI классов московских школ (67 мальчиков, 43 девочки) в возрасте 15–18 лет. Использовался метод семантического дифференциала: респондентам предлагалось оценить по 33 семантическим признакам (шкалам) 29 политических лидеров, в том числе зарубежных, а также, категории «я», «мой идеал», «идеальный политический лидер», «антипатичный человек». Показано, что структура отношения к политическим лидерам в старшем подростковом возрасте строится относительно трех обобщенных семантических показателей: «интеллект, сила», «толерантность», «честолобие». Сопоставление полученных в эксперименте портретов политических лидеров, руководивших СССР и современной Россией, позволяет говорить о явной тенденции, проявляющейся в оценках старшеклассниками снижения значимости позитивных характеристик, касающихся морально-нравственных качеств лидера.

Ключевые слова: политическая психология, политическая социализация, семантический дифференциал, отношение к политическим лидерам, личностные профили политиков.

Для цитаты:

Собкин В.С., Мнацаканян М.А. Отношение к политическим лидерам современных старшеклассников (по материалам психосемантического исследования) // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 41–59. doi:10.17759/sps.2015060404

* *Собкин Владимир Самуилович* — доктор психологических наук, руководитель, Центр социологии образования, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт управления образованием РАО», Москва, Россия, sobkin@mail.ru

** *Мнацаканян Милена Артуровна* — младший научный сотрудник, Центр социологии образования, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт управления образованием РАО», Москва, Россия, 0040000@inbox.ru

При разработке исследовательской программы мы учитывали несколько обстоятельств, обосновывающих актуальность темы, выбор объекта и предмета исследования. Так, рассмотрение современной политической ситуации через особенности ее восприятия подростком, с нашей точки зрения, представляется крайне важным, поскольку позволяет выявить и прояснить реальные противоречия и напряжения современной политической жизни. В терминологии М.М. Бахтина [1] мы рассматриваем мнение подростка как *авторитетное* высказывание, тем самым подчеркивая особую культурологическую значимость и статус подростничества в общественной жизни. Другим важным обстоятельством является изучение собственно возрастной проблематики — политического самоопределения, политической социализации в подростковом возрасте. Напомним, что основными новообразованиями старшего подросткового возраста, согласно концепции Д.Б. Эльконина [18], являются становление самосознания, формирование ценностных представлений, идеалов, жизненных и профессиональных планов во временной перспективе. При этом данному этапу сопутствуют такие кризисные проявления личности, как эгоцентризм, тревожность, уязвимость, ранимость, неуверенность в себе и др. С точки зрения Э. Эриксона, главной характеристикой подросткового возраста является кризис идентичности, где основной задачей человека является формирование целостного образа себя, включающего социальные роли, особенности личности и характера, а также интегрированные представления о себе в прошлом, настоящем и будущем [19].

И, наконец, в практическом отношении изучение восприятия политической ситуации старшеклассниками представляется важным с точки зрения воспитательного

процесса. Сегодняшние изменения в нашем обществе, характеризующиеся усиливающимся социальным расслоением и дифференциацией, ведут к трансформации как общих, так и индивидуальных систем ценностей. Этот процесс с одной стороны, связан с особыми эмоциональными переживаниями происходящих социальных изменений, а с другой — проявляет противоречивость и крайнюю напряженность в самом политическом поле. Политизированность общества, усиливаемая работой СМИ, ведет к тому, что практически любые события, не имеющие прямого отношения к политике, приобретают политическую окраску и начинают оцениваться с точки зрения их соответствия ценностям и интересам тех или иных политических групп. Таким образом, сам процесс социализации подростка происходит в своеобразной социальной ситуации, когда ракурс его видения жизни оказывается ориентирован относительно противоречивых политических оценок и мнений социального окружения.

Важно подчеркнуть, что трансформации социокультурных реалий, на основе которых складывается самоопределение подростка, приводят к тому, что его жизненные ценности формируются не просто в ситуации социально-экономической нестабильности, но в ситуации *ценностно-нормативной неопределенности*, когда серьезно нарушены характерные для стабильного общества механизмы передачи ценностей от старшего поколения к младшему [11; 12]. Так, в исследовании А.С. Буреломовой показано, что изменение социокультурной ситуации в стране в период 1989–2010 гг. вызвало смену ведущих ценностей и у школьников, и у учителей: выявлено снижение значимости идеальных ценностей, связанных с саморазвитием и повышением общего культурного уровня (что было характерно для

подростков и учителей конца 80-х — начала 90-х гг.), и доминирование инструментальных ценностей (исполнительности, добросовестности и дисциплинированности). При этом в выборе своих идеалов и антиидеалов современные подростки ориентируются в первую очередь на людей из сфер политики, литературы, медиа, кино, искусства [2; 16].

В этом контексте, на наш взгляд, изучение особенностей отношения к политическим лидерам приобретает особую значимость, так как лидер не только является лично значимым образцом, но и транслятором содержания идеологических, социальных, культурных, моральных ценностей. Следует отметить, что в отечественной психологии существует ряд исследований, посвященных изучению отношения к современным политикам [3; 9; 10; 17], где анализируются

особенности восприятия политических лидеров постсоветского пространства.

Особую актуальность действия и поведение политических лидеров приобретают в критических и быстро меняющихся обстоятельствах. Так, события начала 2014 г., а именно: проведение Олимпийских игр и подъем в этой связи патриотических настроений; сложные события в Украине, связанные со сменой власти; присоединение Крыма к России и реакция на это ведущих «игроков» на мировой политической арене, — все это оказало непосредственное влияние на общественно-политическую жизнь в нашей стране. С одной стороны, результаты мониторинговых социологических исследований свидетельствуют о том, что начиная с марта 2014 г. отмечается стабильный рост патриотизма в обществе, позитивная оценка общего положения дел в стране, деятельности В.В. Путина (см. рис. 1).

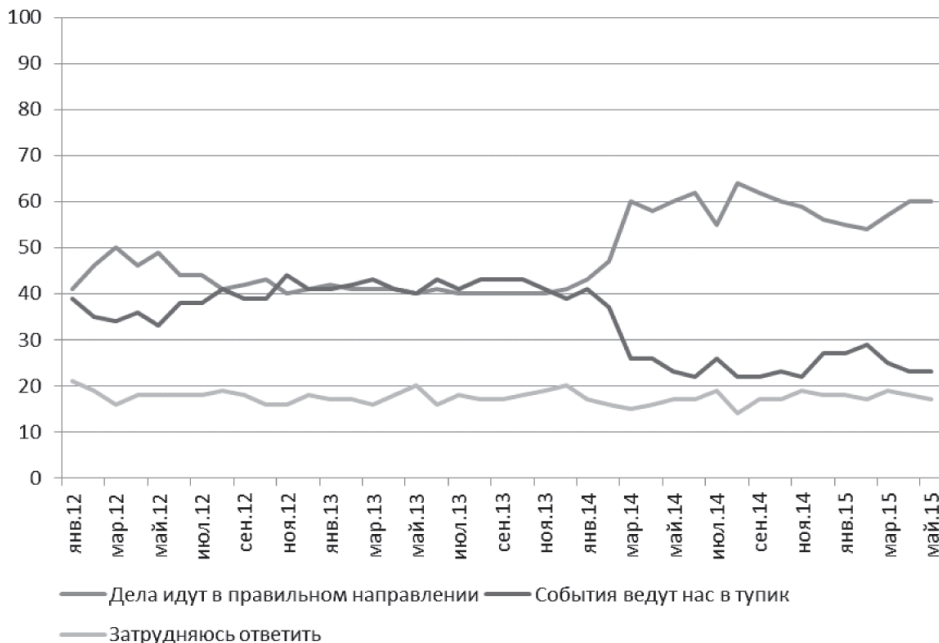

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос «Дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении, или страна движется по неверному пути?» [данные приводятся по 5]

С другой стороны, присоединение Крыма к России было негативно оценено многими оппозиционными политиками, указывавшими на нарушение международных норм, применение военной силы и «имперские амбиции» власти [4; 7]. Также высказывались прогнозы относительно разрушительного действия введенных санкций на экономику страны: «Россия изолирована, а ее экономика разорвана в клочья» [8]. В сложившейся непростой ситуации, на наш взгляд, крайне важным оказывается изучение особенностей восприятия молодежью политических лидеров, поскольку это, в свою очередь, позволяет прояснить и своеобразие современной политической ситуации.

С этой целью в марте 2014 г. мы провели исследование особенностей восприятия молодежью политических лидеров, которое по своей методике повторяет ряд наших предыдущих работ [11; 13; 14; 15], также посвященных изучению отношения молодежи к политическим лидерам. Существенным отличием данного исследования, проведенного в марте 2014 г., от вышеупомянутых является ситуация его проведения. Если в 1997, 2004 и 2012 г. сбор материала проводился накануне выборов Президента РФ (что и обеспечивало активизацию гражданской позиции респондентов), то в 2014 г. опрос был проведен практически сразу после присоединения Крыма к России, что также вызвало мощную волну общественно-политической активности.

Методика исследования и общая характеристика выборки испытуемых

В наших предыдущих экспериментальных работах для выявления содержатель-

ных особенностей восприятия в массовом сознании политических лидеров была использована процедура многомерного шкалирования, основанная на методике семантического дифференциала Ч. Осгуда [20]. Респондентам предлагался список политических лидеров, каждого из которых необходимо было оценить по ряду семантических признаков (шкал). При этом выраженность того или иного качества у соответствующего политического лидера оценивалась по семибалльной шкале (где «1» — отсутствие признака, «7» — максимальная выраженность признака). Для оценки политических лидеров в данном исследовании были предложены 33 качества, которые использовались и в наших предыдущих работах [11; 13; 14; 15]. Эти качества включают в себя следующие характеристики: терпимость, честолюбие, ограниченность, порочность, открытость, прямота, сдержанность, поверхностность, эмоциональность, лицемерие, гибкость, надежность, корыстность, принципиальность, невоспитанность, хитрость, остроумие, честность, властность, сила, агрессивность, расчетливость, интеллект, мудрость, мужественность, грубость, компетентность, сложность, внешняя привлекательность, эрудиция, безнравственность, образованность, профессионализм.

В список для оценивания было включено 29 «персонажей». Наряду с современными российскими политиками (Путин, Лавров, Жириновский, Матвиенко, Медведев, Миронов, Зюганов, Собянин, Кадыров, Яровая) были включены предыдущие руководители нашей страны на разных этапах ее становления (Ленин, Сталин, Ельцин, Брежнев, Горбачев), а также те, кто активно присутствует в СМИ (Соловьев, Ходорковский, Навальный). Из зарубежных лидеров в список были включены Обама, Меркель и те

украинские политики, кто активно действовал в то время в Украине (Янукович, Тимошенко, Яценюк, Ярош, Кличко). Как и в предыдущих наших работах, наряду с конкретными политиками испытуемым предлагались для оценки и такие категории, как «мой идеал», «идеальный политический лидер», «антипатичный человек» и «Я». Включение этих категорий позволяет оценить степень принятия/непринятия конкретного политика молодежью, а также выявить особенности идентификации испытуемых с политическим лидером. Кроме того, это дает возможность проследить связь образов реальных политиков с идеальными представлениями, сложившимися в сознании испытуемых.

В исследовании приняли участие 110 старшеклассников — учащиеся X, XI классов московской общеобразовательной школы № 315 и московского центра образования № 109 (67 мальчиков и 43 девочки), возраст респондентов 15—18 лет.

Обработка результатов и основные направления анализа

Полученные в результате эксперимента материалы были сгруппированы в средние суммарные матрицы исходных данных, где в столбцах фиксировались имена политических лидеров и социальные категории («мой идеал», «настоящий политический лидер», «антипатичный человек» и «Я»); в строках же — характеристики, по которым они оценивались. Общая размерность суммарной матрицы 29 (столбцы) × 33 (строки). Ячейка матрицы (пересечение столбца и строки) определяет среднее балльное значение соответствующей

характеристики по семибалльной шкале для конкретного политического лидера или той или иной социальной категории. Были составлены две суммарных матрицы, одна из которых включала данные по подвыборке мальчиков, другая — по подвыборке девочек. Матрицы исходных данных были подвергнуты факторному анализу (метод Главных компонент с последующим вращением по критерию «Varimax» Кайзера). В результате факторного анализа для каждой подвыборки было выделено по 4 фактора, описывающих 83,7% общей суммарной дисперсии у мальчиков и 80,8% общей суммарной дисперсии у девочек.

При обсуждении результатов мы остановимся на нескольких моментах: 1) сопоставим структуры выделенных факторов, определяющих особенности восприятия политических лидеров у мальчиков и девочек; 2) рассмотрим особенности размещения политических лидеров в пространстве факторов; 3) выявим особенности восприятия конкретных политиков мальчиками.

Содержание факторов, определяющих особенности восприятия политических лидеров у мальчиков и девочек

В табл. 1 представлены структуры выделенных факторов для мальчиков и девочек.

Рассмотрим содержательные особенности выделенных факторов у мальчиков и девочек.

Фактор F1 является биполярным и наиболее мощным как у мальчиков, так и у девочек (соответственно: 27,2% и 34,8% общей суммарной дисперсии). В целом, по своему содержанию он имеет сходную структуру в обеих подвыборках. Так, его отрицательный полюс определяют шкалы, характеризующие низкие интел-

Таблица 1

**Структуры выделенных факторов для подвыборок мальчиков и девочек
(курсивом выделены отличающиеся характеристики для фактора F1)**

Фактор F1				Фактор F2			
Мальчики	27,2 %	Девочки	34,8 %	Мальчики	23,6%	Девочки	31,2 %
хитрость	0,87	<i>прямота</i>	0,86	честность	0,65	сдержанность	0,87
<i>сложность</i>	0,82	сила	0,81	прямота	0,64	терпимость	0,86
расчетливость	0,81	мужественность	0,79	компетентность	0,60	гибкость	0,77
властность	0,79	властность	0,78	надежность	0,58	образованность	0,68
профессионализм	0,69	<i>честность</i>	0,77	внешняя привлекательность	0,53	внешняя привлекательность	0,63
эрудиция	0,68	профессионализм	0,75			открытость	0,58
мужественность	0,67	<i>надежность</i>	0,72				
принципиальность	0,66	мудрость	0,70	лицемерие	-0,88	агрессивность	-0,86
интеллект	0,64	эрудиция	0,70	корыстность	-0,85	грубость	-0,84
мудрость	0,62	остроумие	0,68	безнравственность	-0,67	безнравственность	-0,82
сила	0,58	интеллект	0,68	порочность	-0,64	невоспитанность	-0,76
остроумие	0,56	принципиальность	0,63			порочность	-0,72
<i>образованность</i>	0,55	расчетливость	0,62				
		<i>компетентность</i>	0,61				
ограниченность	-0,58	<i>лицемерие</i>	-0,79				
поверхностность	-0,53	<i>корыстность</i>	-0,72				
		ограниченность	-0,71				
		поверхностность	-0,69				

Фактор F3				Фактор F4			
Мальчики 19,7%		Девочки 10,4%		Мальчики 13,2%		Девочки 4,4%	
терпимость	0,78	честолюбие	0,78	честолюбие	0,76	эмоциональность	0,71
сдержанность	0,72	сложность	0,73	открытость	0,59		
		хитрость	0,68				
агрессивность	-0,92						
грубость	-0,89						
эмоциональность	-0,78						
невоспитанность	-0,60						

лектуальные способности: «ограниченность» и «поверхность». Положительный же полюс фактора определяет достаточно широкий комплекс характеристик, фиксирующих высокий уровень интеллектуального развития: «интеллект», «мудрость», «эрудиция», «остроумие», «расчетливость». Таким образом, данный фактор можно определить через оппозицию «высокий/низкий интеллектуальный уровень». Это основное фиксируемое им противопоставление. Вместе с тем следует добавить, что высокий уровень интеллекта связан также и с рядом характеристик, определяющих тенденцию к проявлению силовых качеств: «сила», «властность», «мужественность». Это позволяет сделать вывод о том, что при восприятии политического лидера крайне важными оказываются его интеллектуальные качества, которые и оцениваются именно как силовой потенциал (ресурс) личности. Добавим, что здесь с интеллектом связываются и

такие качества, как «образованность», «профессионализм» (у мальчиков) и «компетентность» (у девочек), что также выступает как важный содержательный аспект при оценке интеллектуального потенциала политического лидера.

Вместе с тем, помимо отмеченного сходства в структуре этого фактора, что в целом позволяет говорить об инвариантности восприятия интеллектуальных качеств политика у мальчиков и девочек, важно, на наш взгляд, обратить внимание и на одно весьма существенное различие. Оно связано с тем, что помимо оппозиции «высокий/низкий интеллектуальный уровень» у девочек явно выражена оппозиция «честность/лицемерие». Если на положительном полюсе фактора сгруппировались такие характеристики, как «прямота», «надежность», «честность», то на отрицательном — «лицемерие», «корыстность». Иными словами, у девочек высокий интеллектуальный потенциал не только рассматривается

как личностный силовой ресурс политика, но и коррелирует с положительными моральными характеристиками («честность» поведения). Политик же, оцениваемый ими как интеллектуально «ограниченный» и «поверхностный», параллельно воспринимается и как «лицемерный», «корыстный».

Заметим, что подобное отличие в оценке интеллектуальных качеств политика достаточно принципиально отличает позицию мальчиков от позиции девочек. И здесь обращает на себя внимание сопоставление таких характеристик, как «прямота» и «хитрость». Если для девочек интеллектуально сильный политик одновременно воспринимается и как «прямой», то для мальчиков, напротив, «сильный» политик — это политик «хитрый»; это позволяет сделать вывод о том, что интеллект выступает как средство проявления силы для борьбы с претендентами на власть. Этот образ политика, на наш взгляд, соответствует представлениям Макиавелли, который, говоря о хитрости, советует правителю брать пример с животных: «...и так, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков» [6].

Фактор F2. Этот фактор является также достаточно мощным как у мальчиков, так и у девочек (соответственно: 23,6% и 31,2% общей суммарной дисперсии). При этом структурно он весьма существенно у них отличается. Пожалуй, единственным структурным сходством является фиксируемая оппозиция: «внешняя привлекательность/безнравственность, порочность». Само это противопоставление, на наш взгляд, весьма показательное и может свидетельствовать

о возрастных, чисто подростковых особенностях восприятия политического лидера (шире — и других людей). Это возраст, когда восприятие человека как внешне привлекательного не предполагает, что за внешностью может стоять «безнравственность» и «порочность». Подросток не склонен верить тезису «внешность обманчива».

На этом структурное сходство фактора F2 у девочек и мальчиков заканчивается. Действительно, у мальчиков основной содержательной оппозицией данного фактора выступает противопоставление позитивных морально-нравственных характеристик («честности», «прямоты», «надежности») отрицательным («лицемерию», «корыстности»). Заметим, что здесь мы сталкиваемся с весьма своеобразной особенностью восприятия моральных качеств политического лидера у мальчиков и девочек. Так, у девочек, как мы отметили выше, обсуждаемая нами моральная оппозиция явно коррелирует с оценкой интеллектуального потенциала: высокому интеллекту соответствуют позитивные моральные характеристики, а низкому — негативные (см. обсуждение фактора F1 у девочек). У мальчиков же оценка моральных качеств политического лидера явно выделяется в самостоятельный фактор (фактор F2), что позволяет говорить об особом содержательном векторе оценки ими политического лидера через оппозицию «нравственность/безнравственность».

У девочек содержание фактора F2 принципиально иное. Личностные характеристики, сгруппированные на его положительном («сдержанность», «терпимость», «гибкость», «открытость») и отрицательном («агрессивность», «грубость») полюсах позволяют сделать вывод о том, что данный фактор задает вектор восприятия политического лидера

относительно обобщенной модальности «толерантность/интолерантность». При этом добавим, что именно интолерантные проявления связываются с негативной морально-нравственной оценкой («безнравственность», «порочность»). Таким образом, сопоставительный анализ своеобразия структуры фактора F2 у мальчиков и девочек позволяет сделать важный, на наш взгляд, вывод. Он заключается в том, что для мальчиков морально-нравственная модальность «честность/бесчестие» определяет самостоятельный вектор восприятия политического лидера. У девочек же морально-нравственный аспект восприятия политического лидера тесно коррелирует с оценками как его интеллектуального потенциала (фактор F1), так и интолерантных проявлений (фактор F2).

Оставшиеся **факторы F3 и F4** весьма просты по своей структуре и легко интерпретируемы. Так, фактор F3 у мальчиков (19,7% общей суммарной дисперсии), объединивший на своем положительном полюсе такие качества, как «терпимость» и «сдержанность», а на отрицательном — «агрессивность» и «грубость», можно однозначно определить через оппозицию «толерантность/интолерантность». При этом здесь важно обратить внимание на одно существенное обстоятельство, которое касается оценки интолерантных проявлений. Действительно, если у девочек мы отмечаем явную связь полюса интолерантности с негативными моральными характеристиками («безнравственность», «порочность»), то у мальчиков интолерантные проявления не коррелируют с негативной моральной оценкой. Это позволяет сделать вывод о том, что у мальчиков оценка толерантных/интолерантных проявлений у политического лидера не предполагает морально-нравственной оценки.

Выделенный у девочек фактор F3 (10,4% общей суммарной дисперсии) показывает, что «честолюбие» является важным параметром при восприятии ими политических лидеров. Эта же характеристика важна и для мальчиков (см. фактор F4 - 13,2%). Само по себе выделение «честолюбия» как важной личностной характеристики свидетельствует о своеобразии восприятия политического лидера: выход на политическую арену предполагает наличие честолюбивых устремлений. При этом, если мальчики склонны оценивать «честолюбие» как позитивное качество, связывая его с «открытостью», то девочки склонны скорее приписывать ему негативные коннотации («хитрость»). И в этом отношении девочки близки к позиции Бальзака, который полагал, что «...там, где замешано честолюбие, нет места чистосердечию». И наконец, в отличие от мальчиков, девочки выделяют как самостоятельный фактор при оценке политических лидеров такую модальность, как «эмоциональность» — фактор F4 (4,4%).

Таким образом, результаты факторного анализа показывают, что при восприятии политических лидеров современными старшеклассниками можно выделить ряд обобщенных содержательных модальностей. При этом важно подчеркнуть, что в целом (с известными оговорками) структура восприятия политика у мальчиков и девочек носит схожий характер по трем из четырех выделенных факторов: интеллектуальная сила/слабость; толерантность/интолерантность; честолюбие. В тоже время весьма важны и содержательные гендерные различия. Так, если у мальчиков специальной модальностью оценки политического лидера выступает нравственно-этическая оппозиция «чест-

ность/лицемерие», то у девочек морально-нравственные оценки «разлиты» и включены в другие факторы («интеллект», «интолерантность», «честолюбие»). Вместе с тем важно и то, что у девочек политический лидер оценивается относительно такой характеристики, как «эмоциональность», которая у мальчиков специально не выделяется.

Позиционирование политических лидеров относительно силовых характеристик

Особый интерес представляет анализ размещения политических лидеров в про-

странстве выделенных факторов. В силу того, что современная политическая ситуация характеризуется обострением как международных, так и внутривнутриполитических противоречий, то, на наш взгляд, важно рассмотреть оценку в массовом сознании политических лидеров относительно именно тех параметров, которые предполагают силовые способы разрешения конфликтных ситуаций. В качестве примера на рис. 2 приведено размещение политических лидеров в пространстве двух силовых факторов F1 «высокий интеллект, мужественность, сила/ограниченность» и F3 «толерантность/интолерантность» у мальчиков.

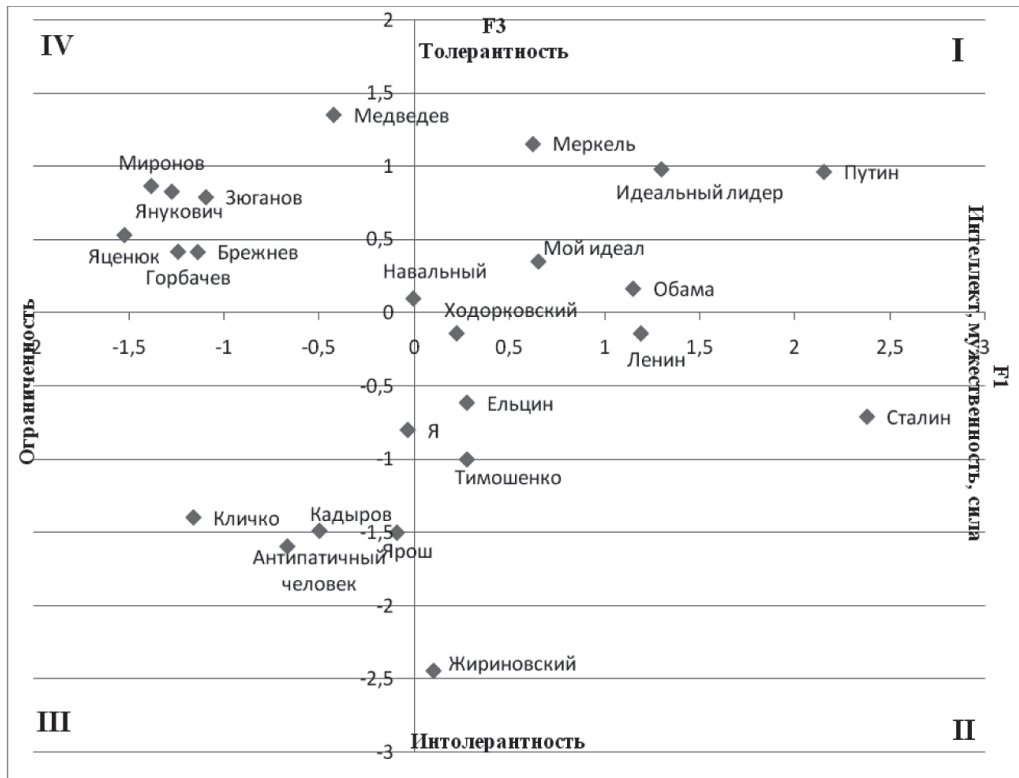

Рис. 2. Размещение политических лидеров в пространстве факторов F (высокий интеллект, мужественность, сила/ограниченность) и F3 (толерантность/интолерантность) у мальчиков (для упрощения рисунка на нем не показаны позиции Матвиенко, Яровой, Собянина, Лаврова и Соловьева).

Обращаясь к рисунку, отметим, что квадрант I определяет сочетание склонности к проявлению как «толерантных» установок («терпимость», «сдержанность»), так и «интеллектуальной силы» («мудрость», «интеллект», «эрудиция», «сложность», «расчетливость», «хитрость», «остроумие», «властность», «сила», «принципиальность»). Как мы видим, это сочетание явно оценивается подростками как позитивное, поскольку в квадранте I разместились «идеальный лидер» и «мой идеал». Среди политиков, по мнению старшеклассников, обладают сочетанием этих качеств Путин, Меркель и Обама.

Противоположным по своему содержанию является квадрант III, характеризующийся, с одной стороны, «интолерантностью» («агрессивность», «грубость», «эмоциональность»), а с другой - «ограниченностью» («поверхностность», «ограниченность»). Этот квадрант выражает негативное отношение подростка, поскольку в нем разместились такой социальный стереотип, как «антипатичный человек». Среди политических лидеров, обладающих по мнению подростков сочетанием этих характеристик, выделяются Кадыров, Кличко и Ярош. Заметим, что все они по своим личностным характеристикам склонны к разрешению конфликтов силовым, либо военным путем. Показательно, что среди российских политиков здесь представлен лишь Кадыров. Важно и то, что лидеры Майдана (Ярош и Кличко) явно противопоставляются в восприятии мальчиков-подростков официальным политикам государств, занимающих активную позицию в решении кризисной ситуации в Украине.

Помимо этого особый интерес представляет достаточно большая группа

политиков, разместившихся в квадранте IV: здесь бывшие лидеры советского государства (Брежнев, Горбачев), премьер-министр Медведев, лидеры, представленные в государственной думе (Миронов, Зюганов), а также лидеры Украины (Янукович и Яценюк). По мнению подростков, эти политики толерантны, но в тоже время не обладают тем интеллектуально-силовым потенциалом, который характерен для политиков, разместившихся в квадранте I.

И, наконец, в квадранте II разместились такие политики, как Сталин, Жириновский, Тимошенко, Ельцин, которые обладают как выраженными интолерантными установками, так и интеллектуальными качествами, важными для эффективного политика. К сказанному можно добавить, что российские политики-оппозиционеры (Навальный, Ходорковский) в восприятии подростков не оцениваются как политики с достаточно выраженными качествами относительно факторов F1 и F3. Их координаты близки к нулевым значениям. Это может свидетельствовать о том, что с ними подростки просто мало знакомы.

В целом, приведенные на рис. 2 данные показывают, что в современном политическом пространстве тем политикам, кто близок к идеальным представлениям подростков о политическом лидере (в частности президенту РФ Путину), ими противопоставляются три личностных типа лидера: толерантный, но явно уступающий по своим интеллектуальным способностям; интолерантный с ограниченными интеллектуальными способностями; интолерантный с достаточно выраженными интеллектуальными способностями.

Важно также обратить внимание на то, что современные мальчики-старше-

классники склонны фиксировать наличие у себя достаточно выраженных интолерантных установок (позиция «Я» на рис 2). Это позволяет сделать вывод о том, что реально им оказываются гораздо ближе те политики, которые разместились в квадрантах II и III, а не те, кто соответствует их представлениям об «идеальном политике» (квадрант I).

Представления современного подростка о личности руководителя нашей страны: исторический аспект

Полученные в ходе исследования данные позволяют охарактеризовать профиль каждого политического лидера по всем четырем выделенным факторам: F1 «интеллект, мужественность, сила/ограниченность», F2 «нравственность/безнравственность», F3 «толерантность/интолерантность» и F4 «честолюбие».

При этом специальный интерес представляет сравнительный анализ восприятия личностных особенностей тех политиков, кто являлся руководителями нашей страны на разных исторических этапах. Эти данные в сравнение с профилем «идеального лидера» и с профилем самооценки («Я») мальчика-подростка приведены на рис. 3.

Приведенные данные показывают, что по всем четырем факторам идеальный лидер имеет выраженные положительные значения. Подобного сочетания мы не встречаем ни у одного из тех политиков, кто руководил нашей страной. Более того практически все они заметно отличаются друг от друга как по общему рисунку личностного профиля, так и по степени акцентуации тех или иных

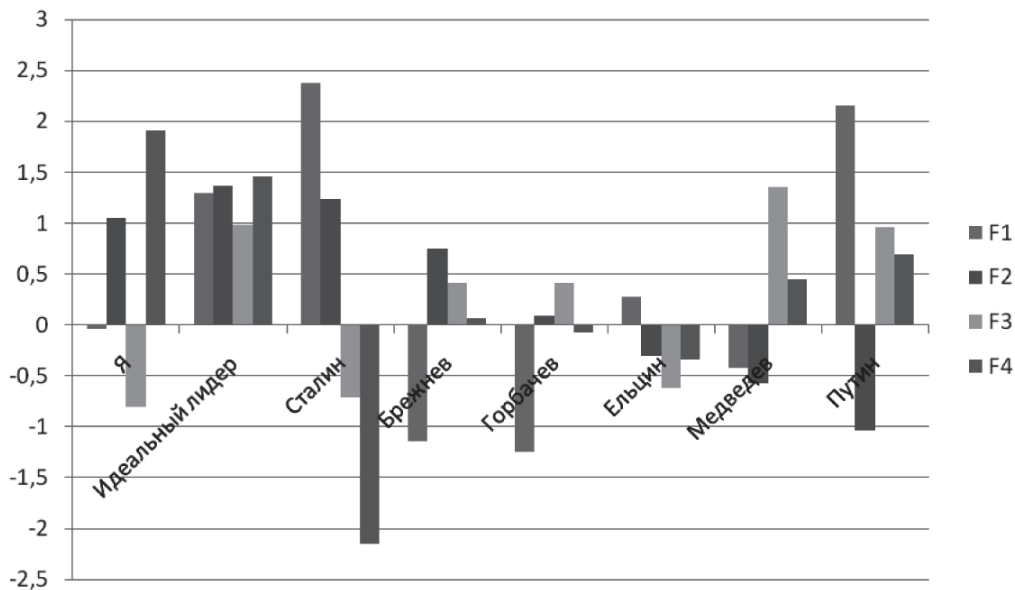

Рис. 3. Оценка выраженности личностных характеристик политических лидеров мальчиками-подростками (значения по осям факторов F1 «интеллект, мужественность, сила/ограниченность», F2 «нравственность/безнравственность», F3 «толерантность/интолерантность», F4 «честолюбие»)

личностных характеристик. Если в этой связи предположить, что оценка личности руководителя в массовом сознании в определенной степени отражает и общее восприятие политической атмосферы в стране, то можно сделать вывод, что восприятие сегодняшним подростком сталинской эпохи существенно отличается, например, от брежневского периода. При этом здесь явное различие касается аспектов, фиксируемых факторами F1 и F3. Так, если сталинскому периоду соответствовали «интеллект, мужественность, сила» и вместе с тем «интолерантность», то брежневская атмосфера характеризуется «интеллектуальной ограниченностью» и «толерантностью». По сути дела, это именно та оппозиция, которую мы обсуждали выше, сопоставляя квадранты II и IV при обсуждении рис. 2.

В связи с усиливающимися сегодня тенденциями по реабилитации Сталина особый интерес, на наш взгляд, представляет сопоставление его личностного профиля с восприятием действующего президента Путина. На рисунке видно, что сходство между Сталиным и Путиным касается лишь одной характеристики — «интеллектуальной силы» (F1). По остальным же параметрам они явно противоположны. Так, если для Сталина характерна выраженная «интолерантность», то Путин воспринимается подростками как «толерантный» лидер. В то же время, в отличие от Сталина, по мнению подростков, он честолюбив (F2) и обладает комплексом качеств, которые определяются отрицательным полюсом фактора F2 («безнравственность»).

Весьма показательно, что крайне близок, по мнению подростков, к Путину предыдущий президент РФ Мед-

ведев. Здесь наблюдаются совпадение тенденций в оценках по факторам F2, F3, и F4. Принципиальное же различие между ними касается фактора F1 «интеллект, мужественность, сила/ограниченность».

Завершая анализ, следует, на наш взгляд, отметить ряд достаточно интересных тенденций, которые определяют историческую динамику социально-психологических оценок лидеров страны современными подростками. Так, например, по сравнению со сталинским периодом последовательно снижается позитивная оценка нравственных качеств (см. динамику выраженности фактора F2 у Сталина, Брежнева, Горбачева, Медведева, Путина). По сути дела, это характеризует и своеобразие в восприятии перехода от СССР к современной России, от общества, декларирующего социальную справедливость, к обществу, в основе которого лежат рыночные отношения. Также обращают на себя внимание и своеобразные временные «волны» изменения оценок исторических лидеров по параметрам «интеллектуальная сила/ограниченность» (F1) и «интолерантность/толерантность» (F3). Подобные результаты свидетельствуют о принципиальной важности гуманитарных курсов (история, обществознание, литература) в современной школе. Роль личности (политического лидера) в истории действительно играет важную роль в формировании сознания подрастающего поколения.

Выше мы рассмотрели особенности размещения политических лидеров в пространстве выделенных факторов в подвыборке мальчиков. Приведем выборочные данные относительно подвыборки девочек (табл. 2).

Таблица 2

Значения оценок «я», «мой идеал», «идеальный лидер», Путин, Сталин и Ельцин по осям выделенных факторов в подвыборке девочек (F1 «сила, прямота, интеллект/лицемерие, ограниченность», F2 «толерантность/интолерантность, безнравственность», F3 «честолюбие, сложность, хитрость», F4 «эмоциональность»)

Категория	F1	F2	F3	F4
Я	0,48	0,78	0,77	2,09
Мой идеал	1,75	1,11	0,49	1,32
Идеальный лидер	1,87	1,71	1,28	-1,18
Путин	0,81	0,87	1,21	-0,23
Сталин	2,01	-1,67	1,75	-1,44
Ельцин	-0,65	0,19	-0,46	0,39

Из табл. 2 видно, что самооценка личностных особенностей у девочек имеет сходный характер со значениями их идеала («мой идеал»). Вместе с тем, выражено явное различие между категориями «мой идеал» и «идеальный лидер» по фактору F4 («эмоциональность»): идеальный лидер оценивается как сдержанный, контролирующий свои эмоциональные проявления. В этом отношении характерно, что максимально приближенным к идеальному лидеру оказывается В. Путин. В отличие от него И. Сталин воспринимается сегодняшними девочками-подростками как политический лидер с явно выраженной интолерантностью (об этом свидетельствуют высокие весовые нагрузки по фактору F2 таких характеристик, как «агрессивность», «грубость», «безнравственность», «невоспитанность», «порочность»). И, наконец, Б. Ельцин, отличается от категории «идеальный лидер» и оценок Путина и Сталина отрицательными значениями по фактору F1 («ограниченность, поверхностность»). В восприятии девочек он не оценивается как «сильный»,

«прямым» и «умный» политик (положительный полюс фактора F1). Отличается Ельцин и отрицательными значениями по фактору F3, т. е. он не воспринимается как «честолюбивый», «сложный», «хитрый». В то же время, в отличие от «идеального лидера», Путина и Сталина, Ельцин характеризуется как эмоционально открытая личность, жестко не регулирующая свои эмоциональные проявления (фактор F4). Таким образом, можно сделать вывод о том, что вытеснение первого президента России как успешного политического лидера из сознания современных девочек-подростков является тотальным и идет по трем линиям, фиксирующим его несоответствие образу идеального политика: отрицательные интеллектуальные характеристики, отсутствие дипломатичности, низкий эмоциональный контроль.

Выводы

Завершая статью, выделим три основных момента, которые касаются осо-

бенностей отношения старшеклассников к политическим лидерам.

1. Результаты факторного анализа показывают, что структура отношения к политическим лидерам в старшем подростковом возрасте у девочек и мальчиков имеет сходный характер и строится относительно следующих трех обобщенных семантических показателей: «интеллект, сила», «толерантность», «честолюбие». При этом явно проявляются и гендерные различия. Так, если мальчики выделяют в качестве особого фактора параметр морально-нравственной оценки политического лидера, то у девочек морально-нравственные аспекты специально не дифференцируются, а включены в структуру обобщенных факторов («интеллектуальной силы», «толерантности», «честолюбия»). Важным результатом является и то, что, в отличие от мальчиков, девочки явно выделяют при оценке политического лидера такой показатель, как «эмоциональность».

2. Используемая методика позволяет построить распределение политических лидеров в пространстве выделенных факторов и выявить как сходства, так и различия между конкретными политиками. Включение в процедуру эксперимента в качестве объектов многомерной семантической оценки политических лидеров таких категорий, как «идеальный политик», «мой идеал», «антипатичный

человек» и «Я» позволяет оценить позитивное/негативное отношение подростка к конкретным политикам, а также рассмотреть тенденции его самоидентификации в пространстве «политических персонажей».

3. Сопоставление полученных в эксперименте оценочных личностных профилей политических лидеров, руководивших СССР и современной Россией, позволяет охарактеризовать не только представления сегодняшних российских старшеклассников о личностных особенностях руководителей, но и оценить тенденции, характеризующие своеобразие понимания подростками психологической ситуации в стране на том или ином историческом этапе ее развития. Полученные материалы показывают явную тенденцию снижения значимости позитивных характеристик, касающихся морально-нравственных качеств лидера, что, в свою очередь, свидетельствует о негативной оценке старшеклассниками перехода от социалистического общества, декларировавшего принципы социальной справедливости, к социально-психологической ситуации в современной России.

4. Выявлены тенденции переоценки личностных качеств политика, которые определяют вытеснение его как успешного руководителя страны из структуры политических оценок современного подростка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
2. *Буреломова А.С.* Социально-психологические особенности ценностей современных подростков: дис. канд. ... психол. наук. М., 2013. 195 с.
3. *Гуревич П.С.* Политическая психология: учеб. пособие для студ. вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 543 с.
4. *Жуков О.* Ходорковский поддержал Навального [Электронный ресурс] // МК. RU. 1997. URL: <http://www.mk.ru/politics/2014/10/16/khodorkovskiy-pod>

- derzhal-navalnogo-ne-otdam-krym-esli-stanu-prezidentom.html (дата обращения: 13.06.2015).
5. Индексы. Оценка текущего положения дел в стране [Электронный ресурс] // Аналитический центр Юрия Левады. 2003. URL: <http://www.levada.ru/indeksy> (дата обращения: 13.06.2015).
6. *Макиавелли Н.* Государь. Размышления над первой декадой Тита Ливия. Минск: Харвест, 2004. 704 с.
7. Навальный выступил против присоединения Крыма к России [Электронный ресурс] // LENTA. RU. 1999. URL: <http://lenta.ru/news/2014/03/12/navalny/> (дата обращения: 13.06.2015).
8. Обама заявил о разрушенной санкциями экономике России [Электронный ресурс] // INTERFAX.RU. 1991. URL: <http://www.interfax.ru/business/419059> (дата обращения: 13.06.2015).
9. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 208 с.
10. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). Смоленск: СГУ, 1997. 210 с.
11. *Собкин В.С.* Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование. М.: ЦСО РАО, 1997. 320 с.
12. *Собкин В.С.* Подросток и политика: изменение ценностных ориентаций // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 180–216.
13. *Собкин В.С., Ваганова М.В.* Политические лидеры России: взгляд молодежи (по материалам психосемантического эксперимента) // Толерантность в подростковой и молодежной среде. Труды по социологии образования. Т. IX. Вып. XVI / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2004. С. 160–204.
14. *Собкин В.С., Грачева А.М.* Возрастные особенности ориентации в социально-профессиональной сфере // Жизненные ориентации учащихся и проблемы современного образования: сб. науч. трудов / Отв. ред. В.С. Собкин. М.: Изд. АПН СССР, 1990. С. 102–130.
15. *Собкин В.С., Мнацаканян М.А.* Особенности восприятия студенческой молодежью современных политических лидеров России (по материалам психосемантического исследования) // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 46–63. doi:10.17759/sps.2015060304
16. *Собкин В.С., Смылова М.М., Буреломова А.С.* Идеалы российского подростка: от личностных характеристик к культурным образцам // Социология образования. Труды по социологии образования. Т. XV. Вып. XXVI / Под ред. В.С. Собкина. М.: Институт социологии образования РАО, 2011. С. 7–25.
17. *Шестопал Е.Б.* Образ власти в России: желания и реальность (Политико-психологический анализ) // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 86.
18. *Эльконин Д.Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.
19. *Эриксон Э.* Идентичность юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.
20. *Osgood C.E.* The nature and measurement of meaning // Psychological Bulletin. 1952. V. 49. P. 197–237. doi: 10.1037/h0055737

Perception of Political Leaders in Modern School Students (A Psychosemantic Research)

V.S. SOBKIN*,

*Centre of Sociology of Education, Institute of Education Management
of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
sobkin@mail.ru*

M.A. MNATSAKANYAN**,

*Centre of Sociology of Education, Institute of Education Management
of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
0040000@inbox.ru*

The paper presents results of an empirical study on the features of perception of political leaders in modern high school students. The data was collected in the beginning of 2014, when the political situation in Russia was unstable, mostly due to the effects of the events in Ukraine. The study involved 110 students of 10–11 grades of Moscow schools (67 boys, 43 girls) aged from 15 to 18. A method of semantic differential was used: the subjects were asked to assess 29 political leaders, Russian as well as foreign, plus such categories as 'myself', 'my ideal', 'ideal political leader' and 'antipathetic person' according to 33 semantic characteristics (scales). As it is shown, the structure of the attitude to political leaders in late adolescents is built around three generalized semantic indicators: 'intelligence, power', 'tolerance' and 'ambition'. The way that the adolescent subjects perceive political leaders of the Soviet Union and modern Russia suggests that there is an obvious decrease in the significance of positive characteristics related the moral qualities of the leader.

Keywords: *political psychology, political socialization, semantic differential, attitude to political leaders, personality profiles of politicians.*

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. [*Questions of literature and aesthetics. studies in different years*] M.: Khudozh. lit., 1975. 504 p.

For citation:

Sobkin V.S., Mnatsakanyan M.A. Perception of Political Leaders in Modern School Students (A Psychosemantic Research). *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 4, pp. 41–59. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2015060404

* Sobkin Vladimir S. — Doctor in Psychology, director of the Centre of Sociology of Education, Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, sobkin@mail.ru

** Mnatsakanyan Milena A. — Junior research fellow, Centre of Sociology of Education, Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, 0040000@inbox.ru

2. Burelomova A.S. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti tsennostei sovremennykh podrostkov. Diss. kand. psikhol. nauk. [*Socio-psychological characteristics of the values of modern teenagers*] Moscow, 2013. 195 p.
3. Gurevich P.S. Politicheskaya psikhologiya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov. [*Political psychology: textbook for University students*] M.: YuNITI-DANA, 2008. 543 p.
4. Zhukov O. Khodorkovskii podderzhal Naval'nogo [Elektronnyi resurs] [Khodorkovsky has supported Navalny] MK. RU. 1997. Available at: <http://www.mk.ru/politics/2014/10/16/khodorkovskiy-podderzhal-navalnogo-ne-otdam-krym-esli-stanu-prezidentom.html> (Accessed 13.06.2015).
5. Indeksy. Otsenka tekushchego polozheniya del v strane [Elektronnyi resurs] [Indexes. Assessment of the current state of Affairs in the country]. *Analiticheskii tsentr Yuriya Levady* [*Analytical center of Yuri Levada*], 2003. Available at: <http://www.levada.ru/indeksy> (Accessed 13.06.2015)
6. Makiavelli N. Gosudar'. Razmyshleniya nad pervoi dekadoi Tita Liviya. [*Sire. Reflections on the first decade of Titus Livius*] Minsk: Kharvest, 2004. 704 p.
7. Naval'nyi vystupil protiv prisoedineniya Kryma k Rossii [Elektronnyi resurs] [Navalny spoke out against the annexation of Crimea to Russia]. LENTA. RU. 1999. Available at: <http://lenta.ru/news/2014/03/12/navalny/> (Accessed 13.06.2015)
8. Obama zayavil o razrushennoi sanktsiyami ekonomike Rossii [Elektronnyi resurs] [Obama announced destroyed by sanctions, Russia's economy]. INTERFAX.RU. 1991. Available at: <http://www.interfax.ru/business/419059> (Accessed 13.06.2015)
9. Petrenko V.F. Psikhosemantika soznaniya. [*Psychosemantics of consciousness*] M.: Izdvo Mosk. un-ta, 1988. 208 p.
10. Petrenko V.F., Mitina O.V. Psikhosemanticheskii analiz dinamiki obshchestvennogo soznaniya (na materiale politicheskogo mentalitete) [*Psychosemantic analysis of the dynamics of social consciousness (in the political mentality)*] Smolensk: SSU, 1997. 210 p.
11. Sobkin V.S. Starsheklassnik v mire politiki. Empiricheskoe issledovanie. [*High school Student in the world of politics. The empirical study.*] M.: ISO RAO, 1997. 320 p.
12. Sobkin V.S. Podrostok i politika: izmenenie tsennostnykh orientatsii [a Teenager and politics: the changing value orientations] *Voprosy obrazovaniya* [*Problems of education*], 2008. no. 4. pp. 180–216.
13. Sobkin V.S., Vaganova M.V. Politicheskie lidery Rossii: vzglyad molodezhi (po materialam psikhosemanticheskogo eksperimenta) [Russian Political leaders: a youth perspective (materials psychosemantic experiment)] *Tolerantnost' v podrostkovoi i molodezhnoi srede. Trudy po sotsiologii obrazovaniya* [*Tolerance in adolescence and youth. Proceedings of the sociology of education*] Vol IX. Vol. XVI. M.: Center for the sociology of education RAO, 2004. pp. 160–204.
14. Sobkin V.S., Gracheva A.M. Vozrastnye osobennosti orientatsii v sotsial'no-professional'noi sfere [*Age peculiarities of orientation in the socio-professional sphere*] Moscow: Izd. APN SSSR, 1990. pp. 102–130.
15. Sobkin V.S., Mnatsakanyan M.A. Osobennosti vospriyatiya studencheskoi molodezh'yu sovremennykh politicheskikh liderov Rossii (po materialam psikhosemanticheskogo issledovaniya) [*Peculiarities of the perception of students of modern political leaders of Russia (on materials of the psychosemantic research)*]. *Sotsial'naya psikhologiya i*

- obshchestvo [Social psychology and society]*, 2015. Vol. 6. no. 3. pp. 46–63. doi:10.17759/sps.2015060304.
16. Sobkin V.S., Smyslova M.M., Bureloмова A.S. Idealy rossiiskogo podrostka: ot lichnostnykh kharakteristik k kul'turnym obraztsam [The Russian Ideals of the adolescent: from personal characteristics to cultural samples] *Sotsiologiya obrazovaniya. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. [Sociology of education. Proceedings of the sociology of education]* T. XV. Vol. XXVI. M.: Institute of sociology of education RAO, 2011. pp. 7–25.
17. Shestopal E.B. Obraz vlasti v Rossii: zhelaniya i real'nost' (Politiko-psikhologicheskii analiz) [The authorities in Russia: desire and reality (Political-psychological analysis)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political research]*. 1995. no. 4. pp. 86.
18. El'konin D.B. K probleme periodizatsii psikhicheskogo razvitiya v detskom vozraste [To the problem of periodization of mental development in childhood]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*. 1971. no. 4. pp. 6–20.
19. Erikson E. Identichnost' yunost' i krizis [*Identity: youth and crisis*]. Moscow: Flinta, 2006. 342 p.
20. Osgood C. E. The nature and measurement of meaning. *Psychological Bulletin*. 1952. V. 49. pp. 197–237. doi: 10.1037/h0055737

Специфика социального познания в пожилом и старческом возрасте

А.И. МЕЛЁХИН*,
Институт психологии РАН, Москва, Россия,
clinmelehin@yandex.ru

Е.А. СЕРГИЕНКО**,
Институт психологии РАН, Москва, Россия,
elenas13@mail.ru

В статье представлены результаты исследований центрального компонента социального познания — модели психического в пожилом и старческом возрасте. Показано, что в пожилом (55–74 года) и старческом (75–90 лет) возрасте при нормальном старении происходят качественные изменения в аффективном (понимание, дифференциация эмоций) и когнитивном (понимание иронии и обмана) компонентах модели психического. Описано, что в позднем возрасте могут наблюдаться разные формы дефицита психического. К позднему возрасту снижается способность распознавать эмоции по лицам людей. Труднее распознаются негативные эмоции (печаль, страх, злость), нежели нейтральные и положительные (радость). Показано, что в пожилом и старческом возрасте наблюдаются особенности в прагматической интерпретации событий, понимании обмана и иронии.

Ключевые слова: *социальное познание, модель психического, дефицит модели психического, понимание эмоций, понимание иронии, понимание обмана, пожилой возраст, старческий возраст.*

За последние несколько лет в исследовании модели психического (theory of mind), способности понимать психические

состояния в разных областях изучения все больший интерес привлекает пожилой и старческий возраст. Так, в социальных

Для цитаты:

Мелёхин А.И., Сергиенко Е.А. Специфика социального познания в пожилом и старческом возрасте // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 60–77. doi:10.17759/sps.2015060405

* *Мелёхин Алексей Игоревич* — аспирант лаборатории психологии развития, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), Москва, Россия, clinmelehin@yandex.ru

** *Сергиенко Елена Алексеевна* — доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии развития, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), Москва, Россия, elenas13@mail.ru

нейронауках (social neuroscience) уделяется большое внимание нейронным и церебральным механизмам способности пожилого человека понимать психические состояния другого человека, а также делать вывод о его мыслях, планах и предположениях (модель психического, mindreading, mentalization).

Проводятся исследования модели психического при *патологическом старении*, в основе которой лежат цереброваскулярные [12; 29] и нейродегенеративные расстройства [7]. Например, у пожилых людей с различным *профилем деменции*: лобного типа [15], семантическая деменция [10], болезнь Альцгеймера [15], а также болезнь Паркинсона [11].

Есть исследования модели психического при *нормальном старении*, когда происходит закономерное ухудшение состояния двигательных, когнитивных функций, снижение мобилизационных возможностей организма [4; 15; 21; 24]. Появляются исследования эффективности тренингов по развитию навыков понимания психических состояний человека в позднем возрасте [21].

Усиление интереса к модели психического при старении связано с тем, что геронтологи, основываясь на данных о росте сердечно-сосудистых, нейродегенеративных заболеваний, а также расстройств депрессивно-тревожного спектра, уделяют внимание *эмоциональному благополучию* (emotional well-being) и *удовлетворенности старости* (aging satisfaction) в поздних возрастах (с 55 до 90 лет). Эмоциональное благополучие в позднем возрасте зависит от соматического и психического здоровья, социального взаимодействия и силы микро-социальной поддержки [16]. Существует динамическая связь между процессом старения, социальным взаимодействием

и качеством жизни [31]. У пожилых людей может наблюдаться рост трудностей в социальном взаимодействии с другими людьми (в понимании различных психических состояний, мотивации, потребностей других людей). Рассогласование собственных представлений и представлений других людей может приводить к недопониманию, развитию конфликтов и нарушению социального взаимодействия, что способствует увеличению психосоциальных проблем в позднем возрасте. Эти трудности могут приводить к снижению социальной активности, дистанцированию от круга значимых людей, усиливая чувство одиночества, невостребованности, чем способствуют развитию соматических и аффективных расстройств (например, депрессии позднего возраста) с последующим ухудшением состояния здоровья вплоть до инвалидизации [23].

Изменения в *модели психического* начинают наблюдаться с 50–60 лет и продолжают в течение всего пожилого возраста [30]. Механизмы, лежащие в структуре изменения компонентов модели психического (ТоМ – Theory of Mind) в пожилом возрасте, противоречивы и недостаточно изучены. Проводятся исследования влияния когнитивного дефицита, наличия соматических заболеваний (например, гипертензии, сахарного диабета, перенесенного инсульта), гендерных особенностей, уровня образования, уровня социально-экономического статуса, наличия психических расстройств (например, депрессии) на функционирование ТоМ в пожилом и старческом возрасте [15]. Отсутствуют исследования о связи эмоционально-личностных, психологических особенностей с пониманием психических состояний другого человека в позднем возрасте.

Исследования ТоМ в пожилом возрасте демонстрируют противоречивые результаты. С одной стороны, исследования показывают возрастное улучшение понимания человеком психического состояния другого [3], но вместе с тем отмечается наличие *дефицита компонентов модели психического* в пожилом и старческом возрасте [26].

А. Абу-Акель [1] выделяет следующие типы дефицита модели психического:

- отсутствие понимания психического состояния другого человека, предсказание поведения на основе фактического состояния, а не репрезентаций;
- понимание психического состояния другого, но с аномальными атрибуциями и распознаванием ментальных состояний;
- понимание психического состояния другого человека, но нарушение понимания собственного состояния.

До конца не ясно, зависит ли возрастное снижение модели психического от общих возрастных, когнитивных изменений или от конкретных психических функций, например, от исполнительных функций, слухоречевой и рабочей памяти, а также от скорости обработки информации. Однако исследования показывают, что изменения в других когнитивных процессах не в полной мере объясняют возрастные изменения в ТоМ. Например, Д.М. Бернштейн (D.M. Bernstein) показал, что возрастные различия в функционировании ТоМ остаются даже после учета изменений в исполнительных функциях, вербальной памяти, скорости обработки информации и вербальных функциях [2]. Наблюдаются определенные тенденции понимания функционирования ТоМ при нормальном старении.

Так, одни исследователи считают, что ТоМ строго детерминирована функ-

ционированием когнитивных процессов и морфофункциональных структур, и их изменение влияет на социальное функционирование [12; 27]. Когда человек стареет, ему становится все труднее дифференцировать психическое состояние другого и видеть вещи с иной точки зрения. В связи с этим отмечается наличие *социально-когнитивного дефицита* (Social-Cognitive Deficits) в пожилом и старческом возрасте [25].

Другие исследователи показали, что снижение когнитивных функций не является достаточным условием для дефицита ТоМ [12]. ТоМ связана с широким кругом познавательных способностей на протяжении всей жизни. В пожилом возрасте формируется *экономичная, кристаллизованная форма интеллекта*, которая позволяет лучше понимать психическое состояние других людей. Следует учитывать специфику общения в позднем возрасте, а также наличие защитного *когнитивного резерва*. Активный образ жизни, опыт, образование, социальная поддержка могут влиять на функционирование мозга с помощью нейро- и ангиогенеза, т. е. содействовать нейронной пластичности. При оценке влияния возраста на ТоМ стоит учитывать активность и конкретные аспекты предлагаемых диагностических задач ТоМ, чтобы точнее понять влияние нормального старения на социальное познание. Таким образом, хотя возрастные изменения и другие когнитивные способности, по-видимому, связаны со снижением ТоМ, однако важно учитывать, что способность к пониманию психического состояния другого относится к когнитивно сложной способности в пожилом возрасте [6]. Несмотря на то, что проводилось множество исследований когнитивных и социальных предикторов модели психического в пожилом и старческом возрасте,

необходимо более детальное и широкое изучение аффективного и когнитивного компонентов, внедрение новых методик исследования при изучении понимания психических состояний других людей в позднем возрасте. В связи с этим *целью исследования* является анализ влияния возраста, наличия и степени когнитивного дефицита, депрессии на точность оценки психических состояний в аффективной (распознавание, дифференциация эмоций) и когнитивной (понимание иронии, обмана) составляющей модели психического в пожилом и старческом возрасте. В исследовании проверялась *гипотеза* о том, что возраст, когнитивный и эмоциональный статус могут служить предикторами эффективности аффективного и когнитивного компонентов модели психического в позднем возрасте.

Участники и методы исследования

В исследовании приняли участие 193 респондента пожилого (55–74 года; средний возраст 64,5 лет) и старческого (75–90 лет; средний возраст 79,9 лет) возраста, которые обследовались в Государственном бюджетном учреждении здравоохранения «Консультативно-диа-

гностический центр № 2 Департамента здравоохранения г. Москвы». Большую часть респондентов составили женщины (90%), 40% респондентов имели высшее образование, 52% были замужем/женаты. Работали 44% респондентов. Были сформированы три группы респондентов: 55–60 лет (40 человек); 61–74 года (117 человек) и 75–90 лет (36 человек). Все участники были обследованы на наличие и степень когнитивного дефицита с помощью *краткой шкалы оценки когнитивных функций* (Mini Mental State Examination, сокр. MMSE). При этом были обнаружены существенные различия между группами, однако эти различия показывали отсутствие когнитивных нарушений. Наличие и степень депрессии у респондентов оценивалась с помощью гериатрической шкалы депрессии (Geriatric Depression Scale–30, сокр. GDS-30). Были отмечены существенные различия между группами респондентов, однако они лежали в границах умеренной степени субдепрессии. Среднее значение – 12,4 балла (табл. 1).

Критериями исключения респондентов из исследования являлись:

- выраженность когнитивного дефицита < 28 баллов по краткой шкале оценки психического статуса (MMSE);

Таблица 1

Степень когнитивного дефицита, депрессии и значимость различий у респондентов пожилого и старческого возраста (по группам)

Параметры оценки	55–60/ 61–74	Р	55–60/ 75–90	Р	61–74/ 75–90	Р
Шкала оценки психического статуса (MMSE)	29,8/29,1	0,419	29,8/28,6	0,652	29,1/28,6	0,632
Гериатрическая шкала депрессии (GDS-30)	10,2/13,3	0,011	10,2/13,8	0,014	13,3/13,8	0,617

Примечание: р – уровень значимости.

- выраженность депрессии с оценкой >20 баллов по Гериатрической шкале депрессии (GDS-30);
- серьезные нарушения слуха (тугоухость) и зрения (катаракта, возрастная макулярная дегенерация);
- нейродегенеративные заболевания (болезнь Альцгеймера, Пика, Паркинсона и др.);
- неврологические заболевания (метаболические, токсические или лекарственные энцефалопатии, инсульт, эпилепсия, инфекционные заболевания, демиелинизирующие заболевания ЦНС и др.);
- эндогенные психические расстройства (инволюционные бредовые психо-

зы, шизофрения, эндогенные депрессии и др.).

Социально-демографические и клинические характеристики респондентов пожилого и старческого возраста показаны в табл. 2.

Методики исследования. Для оценки *аффективного компонента* модели психического использовались субтесты из *Пенсильванской компьютеризированной стандартизированной нейропсихологической батареи (Penn Computerized Neurocognitive Battery, сокр. CNB)*. Данная батарея направлена на оценку степени когнитивного дефицита у пациентов с шизофренией [13]. Батарея состоит из

Таблица 2

Социально-демографические и клинические характеристики респондентов пожилого и старческого возраста (в %)

Характеристики	Группы		
	Пожилой возраст		Старческий возраст
	55–60 лет	61–74 лет	75–90 лет
Всего респондентов	40 человек	117 человек	36 человек
Возраст (M±SD)	57,7±2	66,8±4	79,7±3,62
Пол :			
мужчины,	10	10	8
женщины	90	90	92
Образование:			
средне,	0	0	0
неполное высшее,	52	58	66
высшее	48	42	34
Семейный статус:			
замужем/женат,	57	51	50
не замужем	43	49	50
Рабочий статус:			
работают,	75	37	22
не работают	25	63	78

нейропсихологических субтестов (оценка внимания, рабочей памяти, слухо-речевой памяти, пространственной памяти, речи) и субтестов оценки социального познания (память на лица, градиент эмоций, распознавание, дифференциация эмоций). Для оценки способности распознавать эмоции в зависимости от их экспрессий использовался разработанный Кристиной Кохлер (С.G. Kohler) Пенсильванский тест распознавания эмоций (Penn Emotion Recognition Test). В субтесте на распознавание эмоций [20] использовались 30–40 цветных фото лиц мужчин и женщин, принадлежащих к разным возрастным группам и национальностям (рис. 1).

В тесте лица людей выражают определенные эмоции: радость (happy), печаль (sad), злость (angry), страх (fear) или не выражают эмоций вовсе (no emotion). В соответствии с предъявляемыми эмоциями различают лица с высокой и низкой интенсивностью экспрессии (рис. 2).

Процедура исследования. Обследование проводится индивидуально. Респондента просили посмотреть внимательно на предъявленные лица и определить их эмоциональное состояние, выбрав один из предложенных вариантов. В рамках исследования использовался бумажный цветной вариант, каждая эмоция была распечатана на формате А4 – всего 30 лиц людей. Эмоции радости выражали 4, печаль – 7, злость – 9, страх – 5 и без эмоций – 5 лиц. Согласно ключу, верному выбору эмоций присваивался 1 балл, не верному – 0 баллов, что позволяло выявить степень распознавания эмоций. Подсчитывалась сумма баллов по 30 стимульным материалам. Максимальный балл – 30.

Для оценки дифференциации эмоций использовался Пенсильванский тест оценки способности дифференциации эмоций (Penn Measured Emotion Differentiation Task), также разработанный Кристиной

Виды интенсивности экспрессии
лиц в Пенсильванском тесте
распознавания эмоций

Рис. 1. Пример стимульного материала Пенсильванского теста распознавания экспрессии (С.G. Kohler)

Кохлер. Субтест состоит из 28 черно-белых фотографий лиц мужчин и женщин, принадлежащих к разным возрастным группам и национальностям. Лица людей выражают эмоции радости (счастья) или печали (грусти), что показано на рис. 2.

Процедура исследования В распечатанном виде на формате А4 респонденту предъявляется два одинаковых лица (рис. 2). Всего с эмоциями радости — 14 лиц, печали — 14 лиц. От респондента требовалось посмотреть на лица людей очень внимательно и определить то выражение лица (левое, правое или оба лица), которое в большей степени отражает эмоцию (радость или печаль). Согласно ключу, верному выбору выражения лица присваивался 1 балл, не верному — 0 баллов, что позволяло выявить степень распознавания эмоций. Подсчитывалась сумма баллов по 28-стимульным материалам. Максимальный балл — 28.

Для оценки когнитивного компонента модели психического использовался *тест на оценку способности прагматической интерпретации событий (The Pragmatic Interpretation Short Stories)* разработанный Еленой Виннер [32]. Целью данного теста является оценка понимания иронии и обмана. Полный тест включает в себя 16–22 нарратива (коротких рассказов), общий объем которых не более 250 слов. В них описываются ситуации, когда *герой-свидетель* наблюдает проступок *героя-нарушителя*. Все истории разделялись на два типа.

- *История обмана*, в которой герой-нарушитель не понимает, что он был замечен героем-свидетелем. Ситуация несправедливости возникает, когда нарушитель обманывает свидетеля, пытаясь скрыть свой проступок.

- *История иронии*, в которой герой-нарушитель понимает, что он был заме-

Виды экспрессии лиц в Пенсильванском тесте дифференциации эмоций

Счастливая экспрессия

Печальная экспрессия

Рис. 2. Пример стимульного материала Пенсильванского теста дифференциации эмоции (С.С. Kohler)

чен, и на вопрос героя-свидетеля отвечает иронической репликой, чтобы скрыть свой поступок.

Нами сделаны перевод и адаптация на русский язык теста оценки способности прагматической интерпретации событий. Сначала проводилась экспертная оценка соответствия содержания отобранных 10 из 22 историй социальному контексту, а также опыту пожилых респондентов. В исследовании участвовали 30 медицинских сотрудников ГБУЗ «Консультативно-диагностический центр № 2 ДЗМ», 7 научных сотрудников Института психологии РАН, 50 педагогов общеобразовательного и дошкольного сектора ГБОУ «Школа № 1349». Было отобрано 10 историй (8 — обмана и 2 — иронии). Все факторы (обман, ирония) в этих историях обладают достаточно высокими показателями надежности (коэффициент альфа Кронбаха от 0,638 до 0,755).

Респондентам в начале каждой истории требовалось оценить степень проступка героя по фрагменту ситуации (например, крадет деньги из кассы на работе) по шкале от 1 до 7 баллов, где 1 — не серьезный проступок, 4 — проступок средней тяжести, а 7 — крайне серьезный проступок. Максимальный балл по степени проступка в историях обмана — 56, в историях иронии — 14. Затем респондентам зачитывалась история. По ходу прослушивания истории их просили ответить на шесть вопросов о действиях героя-нарушителя.

Вопросы были направлены на:

- *понимание фактического вопроса* (например, Ольга работала допоздна в тот вечер?);

- *понимание ситуации первого порядка* (например, понял ли Дмитрий, что Ольга была на свидании, а не на работе?);

- *понимание ситуации второго порядка* (например, как Вы думаете, что Ольга ответила ему?);

- *дополнительный вопрос второго порядка* (например, думала ли Ольга, что сказанное ей правда?);

- *понимание ситуации ожидания* (например, когда Ольга сказала своему мужу, что успела сделать много дел по работе, так как ее ничто не отвлекало, думала ли она, что тот поверит ей?);

- *распознавание иронии или обмана* (например, когда Ольга сказала, что она успела сделать много дел по работе, так как ее ничто не отвлекало, она хотела: солгать, чтобы избежать разоблачения, или сострить, чтобы скрыть смущение?).

На вопросы, нужно было отвечать «Да» или «Нет», «А» или «Б». Согласно ключу, за правильный ответ ставился 1 балл, за неверный — 0 баллов. Максимальный балл за один вопрос во всех историях — 10Э, в историях обмана — 8, в историях иронии — 2 балла. Максимальный балл за выполнение одной истории — 6. Все истории — 60 баллов. За истории иронии — 12 баллов и за истории обмана — 48 баллов.

Обработка данных. Статистическая обработка данных проводилась при помощи пакета SPSS, версия 21. Анализировалась связь возраста, наличия и степени когнитивного дефицита по MMSE, депрессии по GDS-30 на точность *распознавания, дифференциации эмоций, понимание иронии и обмана с помощью U-критерия Манна—Уитни*. Взаимосвязи для каждого из факторов и их взаимодействий рассчитывались с помощью ранговой *корреляции Спирмена* с двусторонним критерием значимости. Взаимосвязь возраста, типа истории (обман, ирония) и типа вопросов (фактический, вопрос первого и второго порядка, пред-

восхищение, интерпретация) рассчитывалась с помощью *дисперсионного анализа (ANOVA)* по схеме $3 \times 2 \times 5$: фактор возраста группы (55–60 лет; 61–74 года; 75–90 лет), тип истории (обман, ирония) и тип вопросов (фактический, вопрос первого и второго порядка, предвосхищение, интерпретация).

Результаты

Распознавание и дифференциация эмоций в пожилом и старческом возрасте. Степень распознавания эмоций (радость, печаль, злость, страх, отсутствие эмоций) респондентами пожилого (55–74 года) и старческого (75–90 лет) возраста по Пенсильванскому тесту распознавания эмоций (Penn Emotion Recognition Test) приведены в табл. 3.

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что к позднему возрасту (75–90 лет) способность распознавать эмоции по лицам людей имеет тенденцию к сниже-

нию. Труднее всего распознавать эмоции страха, печали, злости, что подтверждают данные исследования С. МакПерсона [22]. Радостные (счастливые) или нейтральные (отсутствие эмоций) выражения лица распознаются в пожилом и старческом возрасте легче. В пожилом возрасте наблюдается меньше ошибок в распознавании данных категорий выражения лица. С возрастом распознавание *негативных выражений лица* (страх, печаль, злость) снижается, что также подтверждает исследование Т. Руффмана [28]. В позднем возрасте снижается оценка отрицательных эмоций по мимике лица, время распознавания и усилия, необходимые для идентификации отрицательных эмоций. Изменений в распознавании положительных эмоций в позднем возрасте не обнаружено, что также подтверждают данные исследований Д. Кемпа [18] и Т. Руффмана [28]. Трудности распознавания отрицательных эмоций в позднем возрасте могут быть вызваны церебральными изменениями

Таблица 3

Степень распознавания эмоций у респондентов пожилого и старческого возраста (по группам)

Параметры оценки	55–60 / 61–74	Р	55–60 / 75–90	Р	61–74 / 75–90	Р
Радость	0,95/0,97	0,714	0,95/0,99	0,711	0,97/0,99	0,716
Печаль	0,62/0,60	0,617	0,62/0,62	0,872	0,60/0,62	0,619
Злость	0,42/0,40	0,712	0,42/0,38	0,521	0,40/0,38	0,711
Страх	0,74/0,72	0,755	0,74/0,64	0,078	0,72/0,64	0,071
Отсутствие эмоций	0,69/0,702	0,682	0,69/0,56	0,062	0,702/0,56	0,083
Степень распознавания эмоций	0,66/0,61	0,512	0,66/0,60	0,511	0,61/0,60	0,712

Примечание: р – уровень значимости.

(например, активации миндалины), которые влияют на скорость обработки информации [18].

В табл. 4 приведены результаты Пенсильванского теста оценки способности дифференциации эмоций у респондентов пожилого и старческого возраста (по группам).

Данные табл. 4 свидетельствуют о том, что пожилым респондентам трудно дифференцировать эмоции радости и печали. Восприятие эмоции печали вызывает затруднения в пожилом и старческом возрасте, это подтверждают данные исследований М. Кейтли [17] и З. Ванга [30]. Дифференциация эмоции радости в пожилом возрасте (55–60 лет) выполняется лучше, чем эмоции печали. Пожилые респонденты способны дифференцировать эмоциональную экспрессию (положительную и отрицательную), однако для распознавания требуется больше времени реакции, ингибирования, что подтверждают результаты исследования Т. Руффмана. В более позднем возрасте (75–90 лет) трудно дифференцировать эмоции радости и печали. Это может объясняться проблемами со зрением, снижением общих когнитивных процессов, таких как восприятие и скорость обработки ин-

формации [18; 23]. Показатели по шкале оценки психического статуса (MMSE) в пожилом и старческом возрасте связаны с распознаванием эмоций злости ($r=0,311$, при $p<0,05$) и страха ($r=0,358$, при $p<0,05$): чем лучше состояние когнитивного статуса у людей в позднем возрасте, тем надежнее они распознают эмоции злости и страха. В более позднем возрасте (75–90 лет) наблюдается связь показателей когнитивного статуса с общим показателем распознавания эмоций ($r=0,242$, при $p<0,05$). Чем выше когнитивный статус в пожилом и старческом возрасте, тем лучше дифференциация эмоций радости и гнева, что подтверждается исследованием М. Найта [19]. Некоторые исследования показывают, что изменения памяти, снижение скорости обработки информации наблюдаются в период старения. Происходят заметные морфофункциональные изменения в отделах мозга, наиболее связанных с ТоМ: медиальной префронтальной коре, височной доле и зоне перекрытия. Есть также значимые корреляции между аффективным и когнитивным компонентами ТоМ и нарушениями белого вещества головного мозга при старении. Однако помимо этих изменений стоит учитывать эффект пластичности, или резерва,

Таблица 4
Степень дифференциации эмоций в пожилом и старческом возрасте

Параметры оценки	55–60/ 61–74	р	55–60/ 75–90	р	61–74/ 75–90	р
Радость	0,51/0,49	0,711	0,51/0,44	0,072	0,49/0,44	0,788
Печаль	0,40/0,42	0,712	0,40/0,44	0,618	0,42/0,44	0,791
Степень дифференциации эмоций	0,44/0,46	0,749	0,44/0,41	0,753	0,46/0,41	0,659

Примечание: р – уровень значимости.

головного мозга, который предполагает, что высокий уровень интеллекта, учебно-профессиональные навыки, активный образ жизни могут замедлять негативные последствия старения [28].

В старческом возрасте (75–90 лет) показатели гериатрической шкалы депрессии (GDS-30) связаны с распознаванием нейтральных эмоций. Пожилые люди с депрессией не воспринимают некоторые части изображений, они кажутся им тусклыми, лишеными красок, либо вовсе отсутствующими [9]. У них снижено понимание социальных условий и наблюдаются трудности интерпретации межличностной информации (эмоций и их выражения).

Когнитивный компонент модели психического в пожилом и старческом возрасте. Обнаружена значительная связь хронологического возраста ($F(1,23) 7,12; p < 0,05$) с выполнением теста оценки способности прагматической интерпретации событий. Пожилые респонденты (55–60 лет) более точно, чем другие группы респондентов, по-

нимают вопросы и распознают обман и иронию. Также анализ показал значительный эффект типа вопросов ($F(4,72) 18,04; p < 0,0001$); ответы на одни вопросы лучше, чем на другие у респондентов пожилого и старческого возраста. Выявлено значимое двустороннее взаимодействие с типами вопросов ($F(4,68) 2,54; p < 0,05$) и типом истории ($F(5,72) 6,19; p < 0,0001$). Наблюдаются три линии значимых взаимодействий хронологического возраста группы с типом историй (нарративов) и типом вопросов в этих историях ($F(4,18) 3,52; p < 0,01$). Для изучения трехстороннего взаимодействия была проанализирована средняя точность понимания отдельно для каждого типа вопросов, при этом использовалась схема 3×2 дисперсионного анализа между фактором возраста группы (55–60 лет; 61–74 года; 75–90 лет) и типом истории (обман, ирония). Анализ показал, что для всех типов вопросов существуют различия между группами респондентов пожилого и старческого возраста (рис. 3).

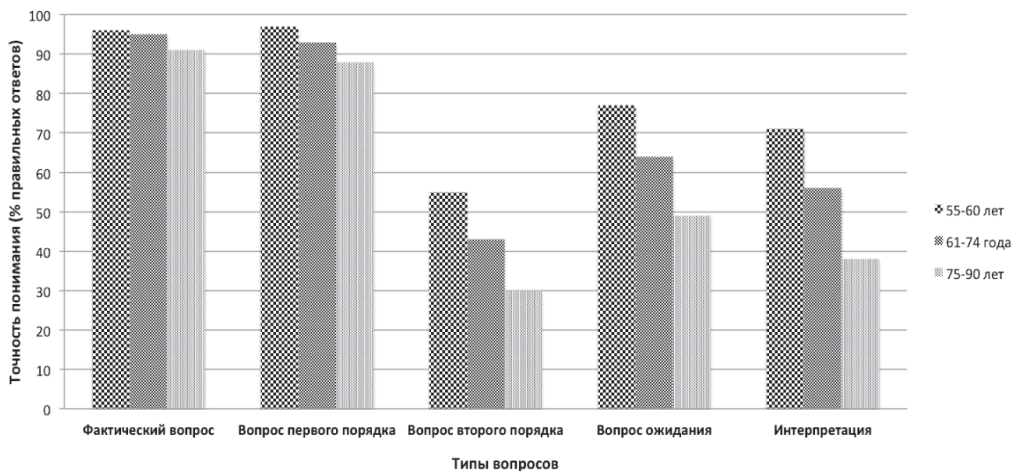

Рис. 3. Средняя точность (% правильных ответов) понимания вопросов в тесте оценки способности прагматической интерпретации событий в позднем возрасте

При ответе на *фактический вопрос* не было обнаружено трудностей, отмечалась высокая степень понимания данного вопроса в историях обмана и историях иронии во всех группах респондентов (табл. 5, 6). Полученные данные указывают на то, что все участники исследования показали высокий уровень концентрации внимания и понимания, пока слушали рассказ (нарратив). *Понимание вопроса первого порядка.* Ошибки в этом вопросе будут влиять на интерпретацию типа истории (обман или ирония). 92% респондентов пожилого возраста (55–74 года) и 89% старческого возраста ответили верно на вопрос первого порядка, который позволяет построить простое представление о психическом состоянии другого человека. Дисперсионный анализ обнаружил эффект возраста группы ($F(1,32) 6,43$; $p < 0,05$), респонденты

старческого возраста (75–90 лет) допускали больше ошибок в данном вопросе. Существуют статистически значимые различия между точностью понимания вопроса первого порядка в историях обмана ($p < 0,006$) и историях иронии ($p < 0,006$) в пожилом и старческом возрасте. Проведенный анализ связи типа истории, возраста группы с точностью ответа на вопрос первого порядка показал, что в историях иронии респонденты (74–90 лет) допускали больше ошибок ($F(3,12) 4,42$; $p < 0,05$).

Понимание вопросов второго порядка. Верное понимание вопроса второго порядка, по Е. Виннер, оценивалось в зависимости от того, как респонденты отвечали по одному из следующих вариантов: 1) они правильно ответили на вопрос второго порядка, а на последующий вопрос заявили, что герой-нару-

Таблица 5

Точность распознавания обмана в тесте оценки способности прагматической интерпретации событий в позднем возрасте и значимость групповых различий

Параметры оценки	55–60/ 61–74	Р	55–60/ 75–90	Р	61–74/ 75–90	Р
Фактический вопрос	7,3±0,41/ 7,3±0,52	0,811	7,3±0,41/ 7,1±0,73	0,617	7,3±0,52/ 7,1±0,73	0,619
Вопрос первого порядка	7,2±0,44/ 7,1±0,67	0,751	7,2±0,44/ 6,8±0,45	0,417	7,1±0,67/ 6,8±0,45	0,421
Вопрос второго порядка	5,3±1,56/ 5,4±1,62	0,759	5,3±1,56/ 4,1±1,28	0,092	5,4±1,62/ 4,6±1,28	0,038
Вопрос ожидания	6,1±1,47/ 5,8±1,41	0,711	6,1±1,47/ 5,1±1,38	0,081	5,8±1,41/ 5,1±1,38	0,311
Интерпретация	6,2±1,5/ 5,9±1,49	0,719	6,2±1,5/ 4,8±2,3	0,035	5,9±1,49/ 4,8±2,3	0,034
Общий показатель понимания обмана	32,1±1,7/ 31,5±2,3	0,843	32,1±1,7/ 28,4±0,9	0,417	31,5±2,3/ 28,4±0,9	0,414

Примечание: р – уровень значимости.

Таблица 6

Точность распознавания иронии в тесте оценки способности прагматической интерпретации событий в позднем возрасте и значимость групповых различий

Параметры оценки	55–60/ 61–74	р	55–60/ 75–90	р	61–74/ 75–90	р
Фактический вопрос	1,9±0,27/ 1,9±0,24	0,719	1,9±0,27/ 1,8±0,31	0,721	1,9±0,24/ 1,8±0,31	0,720
Вопрос первого порядка	1,9±0,36/ 1,8±0,42	0,711	1,9±0,36/ 1,7±0,62	0,612	1,8±0,42/ 1,7±0,62	0,719
Вопрос второго порядка	1,2±0,87/ 1,1±0,82	0,722	1,2±0,87/ 0,9±0,86	0,712	1,1±0,82/ 0,9±0,86	0,711
Вопрос ожидания	1,7±0,64/ 1,52±0,71	0,519	1,7±0,64/ 1,43±0,76	0,659	1,52±0,71/ 1,43±0,76	0,642
Интерпретация	1,2±0,93/ 1,2±0,94	0,724	1,2±0,93/ 0,85±0,89	0,614	1,2±0,94/ 0,85±0,89	0,632
<i>Общий показатель понимания иронии</i>	7,8±0,32/ 7,6±0,9	0,719	7,8±0,32/ 6,6±0,86	0,138	7,6±0,9/ 6,6±0,86	0,079

Примечание: р – уровень значимости.

нитель думал, что сказанное им правда; 2) они неправильно ответили на вопрос второго порядка, но потом верно ответили, что герой-нарушитель не думал, что сказанное им правда [32]. Когда оценка происходила таким образом, результаты показали, что респонденты пожилого возраста (55–74 года) были более точными, чем респонденты старческого возраста (75–90 лет). Дисперсионный анализ обнаружил влияние эффекта возраста группы на точность понимания вопросов второго порядка ($F(1,36) 7,48$; $p < 0,01$). Наблюдался эффект взаимодействия типа истории (ирония, обман) с точностью понимания вопросов второго порядка ($F(2,19) 3,34$; $p < 0,05$). Респонденты пожилого и старческого возраста совершали больше ошибок в историях иронии, чем обмана.

Понимание вопроса ожидания. Напомним, что этот вопрос оценивает способ-

ность респондента учитывать ожидания героя-нарушителя о сказанном. На рис. 3 показано, что у респондентов пожилого и старческого возраста этот вопрос вызывал трудности. Дисперсионный анализ показал влияние эффекта возраста группы на способность понимать ожидания от совершенного действия ($F(4,58) 2,17$; $p < 0,05$). Участники пожилого возраста (55–74 года) совершали 30% ошибок, а старческого возраста (75–90 лет) – до 50%. Эти ошибки равномерно распределены по разным историям.

Интерпретация. В конце рассказа респондентов спрашивали о том, как они поняли, говорил ли герой-правонарушитель неправду или сделал иронический комментарий; 65% пожилых респондентов (55–74 года) ответили более точно, чем 40% респондентов старческого возраста (75–90 лет), что отражено на рис. 4. Дисперсионный анализ показал значи-

мый эффект возраста группы ($F(2,11) 3,29; p < 0,05$); респонденты старческого возраста допускают больше ошибок при интерпретационном вопросе. Анализ обнаружил эффект типа рассказа (обман, ирония) $F(1,23) 17,04; p < 0,0001$, а также значимое взаимодействие возраста группы и типа истории ($F(1,37) 8,72; p < 0,01$). Использование апостериорного критерия Тьюки парных сравнений показало, что респонденты пожилого и старческого возраста лучше распознают обман, чем иронию.

Респонденты старческого возраста (75–90 лет) в значительно меньшей степени могут распознавать обман и иронию, что отражено на рис. 4. Дополнительный анализ показал, что существует связь между пониманием вопроса второго порядка и интерпретацией ($r=0,412$, при $p < 0,05$). Этот факт позволяет предположить, что все участники исследования использовали свое понимание репрезентаций второго порядка через

призму опыта, чтобы построить соответствующую прагматическую интерпретацию проступка героя-нарушителя.

В пожилом (55–74 года) и старческом (75–90 лет) возрасте обнаружена связь между показателями психического статуса (MMSE) и пониманием фактического вопроса ($r=0,259$, при $p < 0,05$), вопроса второго порядка ($r=0,362$, при $p < 0,05$), интерпретации ($r=0,219$, при $p < 0,05$). В старческом возрасте (75–90 лет) существует связь показателей MMSE с пониманием вопроса ожидания ($r=0,5$, при $p < 0,05$). Исследования Л. Монетты показали, что понимание вопроса второго порядка требует значительных ресурсов исполнительных функций [5]. К тому же с возрастом происходят изменения фронто-стриальной системы, которая вносит свой вклад в способность прагматически интерпретировать события, понимать иронию и обман. Трудности понимания иронии в позднем возрасте можно объяснить с помощью

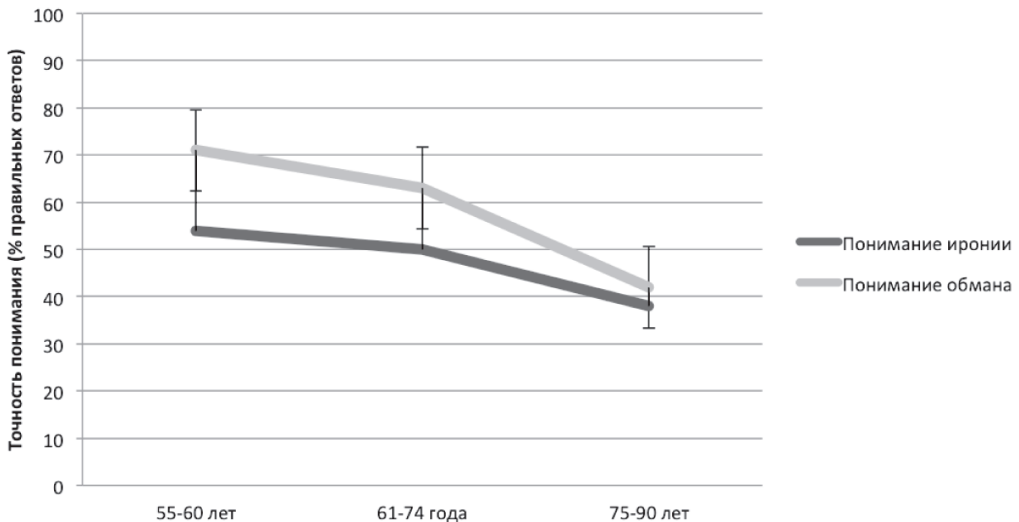

Рис. 4. Средняя точность понимания (% правильных ответов) иронии и обмана в пожилом и старческом возрасте

психолингвистической модели М. Шампань-Лавау и И. Жонетт, предполагающей, что обработка буквального и метафорического (non-literal) значения слова/фразы происходит одновременно. При иронии процессы ингибирования должны способствовать тому, чтобы метафорическое значение преобладало над буквальным для адекватного понимания ситуации. Эти процессы требуют больших ресурсов со стороны скорости обработки информации, когнитивной гибкости, чтобы активировать метафорическую интерпретацию [5].

Заключение

В контексте нормального старения происходят качественные изменения в когнитивном и аффективном компонентах модели психического, связанные, по видимому, с когнитивными изменениями (исполнительных функций, рабочей памяти, скорости обработки информации), со снижением социального участия, чувством одиночества, субдепрессией и развитием соматических недугов. Снижение аффективного и когнитивного компонентов модели психического можно объяснить также изменением когнитивных функций (снижение с возрастом скоро-

сти обработки эмоциональной информации), активационными изменениями структур головного мозга, сосудистыми изменениями, нарушениями восприятия, обусловленного снижением зрения и слуха. К позднему возрасту способность распознавать эмоции по лицам людей снижается. Больше страдает распознавание негативных эмоций (печаль, страх, злость), нежели нейтральных и положительных (радость). Когнитивный и аффективный статус (субдепрессия, депрессия) в позднем возрасте вносит вклад в интерпретацию межличностной информации (эмоций и их выражения).

Пожилые респонденты (55–60 лет) более точно, чем другие, более возрастные группы респондентов, распознают обман и иронию. В пожилом и старческом возрасте лучше распознается обман, чем ирония, что можно объяснить изменениями процессов ингибирования. Пожилой человек использует свое понимание репрезентаций второго порядка через призму опыта, чтобы построить соответствующую прагматическую интерпретацию события. В позднем возрасте фактическое понимание события, его интерпретация, оценка психического состояния другого человека связаны с повышенным требованием к когнитивным ресурсам пожилых людей.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. *Abu-Akel A.* The neurochemical hypothesis of theory of mind // *Med Hypotheses*. 2003. Vol. 60. № 3. P. 382–286. doi: [http://dx.doi.org/10.1016/S0306-9877\(02\)00406-1](http://dx.doi.org/10.1016/S0306-9877(02)00406-1)
2. *Bernstein D.M.* Theory of mind through the ages: older and middle-aged adults exhibit more errors than do younger adults on a continuous false belief task // *Exp Aging Res*. 2011. Vol. 37. № 5. P. 481–502. doi: 10.1080/0361073X.2011.619466
3. *Castelli I., Pini A.* Mapping levels of theory of mind in Alzheimer's disease: A preliminary study // *Aging and Mental Health*. 2011. Vol. 15. P. 157–168. doi: 10.1080/13607863.2010.513038
4. *Cavallini E., Lecce S.* Beyond false belief: theory of mind in young, young-old, and old-old adults // *Int J Aging Hum Dev*. 2013. Vol. 76. № 3. P. 181–198. doi: 10.2190/AG.76.3.a

5. *Champagne-Lavau M., Joannette Y.* Pragmatics, theory of mind and executive functions after a right-hemisphere lesion: Different patterns of deficits // *Journal of Neurolinguistics*. 2009. Vol. 22. P. 413–426. doi:10.1016/j.jneuroling.2009.02.002
6. *Charlton R.A., Barrick T.R.* Theory of mind associations with other cognitive functions and brain imaging in normal aging // *Psychol Aging*. 2009. Vol. 24. № 2. P. 338–348. doi: 10.1037/a0015225
7. *Choong C., Doody G.* Can theory of mind deficits be measured reliably in people with mild and moderate Alzheimer's dementia? // *BMC Psychology*. 2013. Vol. 28. № 1. P. 1–9. doi:10.1186/2050-7283-1-28
8. *Calder A.J., Keane J.* Facial expression recognition across the adult life span // *Neuropsychologia*. 2003. Vol. 41. P. 195–202. doi: 10.1016/S0028-3932(02)00149-5
9. *Demiralp E., Thompson R.J.* Feeling Blue or Turquoise? Emotional Differentiation in Major Depressive Disorder // *Psychological Science*. 2012. Vol. 23. № 11. P. 1410–1416. doi: 10.1177/0956797612444903
10. *Duval C., Bejanin A.* Theory of mind impairments in patients with semantic dementia // *Brain*. 2012. Vol. 135. P. 228–241. doi: 10.1093/brain/awr309
11. *Eddy C.M., Beck S.R.* Theory of mind deficits in Parkinson's disease: a product of executive dysfunction? // *Neuropsychology*. 2013. Vol. 27. № 1. P. 37–47. doi: 10.1037/a0031302
12. *Fischer A.L., Bernstein D.M.* Vascular health modifies theory of mind performance in older adults // *Gerontol B Psychol Sci Soc Sci*. 2014. Vol. 69. № 2. P. 219–227. doi:10.1093/geronb/gbs120
13. *Gur R.C.* A cognitive neuroscience based computerized battery for efficient measurement of individual differences: Standardization and initial construct validation // *J Neurosci Methods*. 2010. Vol. 187. № 2. P. 254–262. doi:10.1016/j.jneumeth.2009.11.017
14. *Henry J.D., Ruffman L.H.* A meta-analytic review of age differences in theory of mind // *Psychol Aging*. 2013. Vol. 28. № 3. P. 826–839. doi: 10.1037/a0030677
15. *Henry J.D., Phillips L.H.* A meta-analytic review of theory of mind difficulties in behavioural-variant frontotemporal dementia // *Neuropsychologia*. 2014. Vol. 56. P. 53–62. doi: 10.1016/j.neuropsychologia
16. *Jeste D.V.* Successful cognitive and emotional aging // *World Psychiatry*. 2010. № 9. P. 78–84. doi: 10.1002/j.2051-5545.2010.tb00277
17. *Keightley M.L., Winocur G.* Age effects on social cognition: faces tell a different story // *Psychol Aging*. 2006. Vol. 21. № 3. P. 558–572. doi: 10.1037/0882-7974.21.3.558
18. *Kemp J., Despres O.* Theory of Mind in normal ageing and neurodegenerative pathologies // *Ageing Res Rev*. 2012. Vol. 11. № 2. P. 199–219. doi: 10.1016/j.arr.2011.12.001
19. *Knight M.* Aging and Goal-Directed Emotional Attention: Distraction Reverses Emotional Biases & // *Emotion*. 2007. Vol. 7. №. 4. P. 705–714. doi:10.1037/1528-3542.7.4.705
20. *Kohler C.G., Barrett F.S.* Association between facial emotion recognition and odor identification in schizophrenia // *Neuropsychiatry Clin Neurosci*. 2007. Vol. 19. № 2. P. 128–31.
21. *Lecce S., Bottiroli S.* Training older adults on Theory of Mind (ToM): transfer on metamemory // *Arch Gerontol Geriatr*. 2015. Vol. 60. № 1. P. 217–226. doi: 10.1016/j.archger.2014.10.001

22. MacPherson S.E., Phillips L.H. Age, executive function, and social decision making: A dorsolateral prefrontal theory of cognitive aging // *Psychology and Aging*. 2002. Vol. 17. P. 598–609. doi: 10.1037//0882-7974.17.4.598
23. Mahy E.V., Vetter N. The influence of inhibitory processes on affective theory of mind in young and old adults Caitlin // *Aging, Neuropsychology, and Cognition*. 2014 Vol. 21. № 2. P. 129–145. doi: 10.1080/13825585.2013.789096
24. Maylor E.A., Moulson J.M. Does performance on theory of mind tasks decline in old age? // *Br J Psychol*. 2002. Vol. 93. P. 465–485. doi: 10.1348/000712602761381358
25. Moran J.M., Jolly E. Social-cognitive deficits in normal aging // *J Neurosci*. 2012. Vol. 32. № 16. P. 5553–5561. doi: 10.1523/JNEUROSCI.5511-11.2012
26. Moran J.M. Lifespan development: the effects of typical aging on theory of mind // *Behav Brain Res*. 2013. Vol. 15. P. 237–240. doi: 10.1016/j.bbr.2012.09.020
27. Poletti M., Enrici I. Cognitive and affective Theory of Mind in neurodegenerative diseases: Neuropsychological, neuroanatomical and neurochemical levels // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2012. Vol. 36. P. 2147–2164. doi: 10.1016/j.neubiorev.2012.07.004
28. Ruffman T., Henry J.D. A meta-analytic review of emotion recognition and aging: Implications for neuropsychological models of aging. // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2008. Vol. 32. P. 863–881. doi: 10.1016/j.neubiorev.2008.01.001
29. Yu Rwei-Ling, Wu Ruey-Meei. Social brain dysfunctions in patients with Parkinson's disease: a review of theory of mind studies // *Translational Neurodegeneration*. 2013. Vol. 2. № 7. P. 1–6. doi:10.1186/2047-9158-2-7
30. Wang Z., Su Y. Age-related differences in the performance of theory of mind in older adults: a dissociation of cognitive and affective components // *Psychol Aging*. 2013. Vol. 28. № 1. P. 284-291. doi: 10.1037/a0030876
31. Weiss D. Plasticity: Attitudes and Social Cognition [Электронный ресурс]. URL: <http://aging.columbia.edu/plasticity-attitudes-and-social-cognition-0> (дата обращения: 20.07.2015).
32. Winner E., Brownell H. Distinguishing lies from jokes: Theory of mind deficit and discourse interpretation in right hemisphere brain damage patients // *Brain and Language*. 1998. Vol. 62. P. 89–106. doi:10.1006/brln.1997.1889

Features of Social Cognition in Late Adulthood

A.I. MELEHIN*,

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
clinmelehin@yandex.ru*

E.A. SERGIENKO**,

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
elenas13@mail.ru*

The paper presents outcomes of researches on the central component of social cognition — theory of mind in late adulthood. The outcomes show that, in normal aging, in advanced adulthood (55–74 years) as well as in old age (75–90 years) there are several qualitative changes in the affective (understanding and differentiation of emotions) and cognitive (understanding irony and deceit) components of theory of mind. Also, at these ages individuals may develop various forms of theory of mind deficits. They may encounter difficulties with reading facial expressions and recognizing other people's emotions. It becomes harder for them to recognize negative emotions (such as sorrow, fear, anger) than positive ones (joy). The paper describes features of pragmatic interpretation of events and understanding of deceit and irony in late adulthood.

Keywords: *social cognition, theory of mind, theory of mind deficit, understanding emotions, understanding irony, understanding deceit, late adulthood.*

For citation:

Melehin A.I., Sergienko E.A. Features of Social Cognition in Late Adulthood. Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society, 2015. Vol 6, no. 4, pp. 60–77. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2015060405

* *Melehin Alexey I.* — PhD student at the Laboratory of Developmental Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, clinmelehin@yandex.ru

** *Sergienko Elena A.* — Doctor in Psychology, professor, head of the Laboratory of Developmental Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, elenas13@mail.ru

Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста

Т.А. ШКУРКО*,
Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
shkurko@sfedu.ru

Е.Г. НИКОЛАЕВА**,
ООО «ДонМатрас», Ростов-на-Дону, Россия,
katy_nikolaeva@mail.ru

В статье обсуждается проблема восприятия возраста (своего и другого человека), которая рассматривается как частный случай социальной перцепции. Целью проведенного исследования является анализ компонентов внешнего облика другого человека в структуре восприятия визуальных презентаций возраста. В основу исследования легла специально сконструированная методика «Идентификация возраста личности с использованием фотовизуализации» (Т.А. Шкурко, Е.Г. Николаева). Эмпирическим объектом исследования выступили: в качестве «моделей» (объектов восприятия) — 20 человек (10 мужчин, 10 женщин в возрасте от 18 до 58 лет); в качестве субъектов восприятия — 60 человек (47 женщин, 13 мужчин в возрасте от 18 до 77 лет). В работе показано, что центральное место в структуре восприятия визуальных презентаций возраста занимают устойчивые, среднеустойчивые и динамические компоненты внешнего облика, среди которых доминирующее положение принадлежит устойчивым параметрам внешнего облика. Лицо, как средоточие устойчивых, среднеустойчивых и динамических компонентов внешнего облика, выступает наиболее значимым элементом внешнего облика при восприятии возраста другого человека.

Ключевые слова: *возраст, восприятие возраста, воспринимаемый возраст, внешний облик, социальная перцепция, структура восприятия возраста.*

Для цитаты:

Шкурко Т.А., Николаева Е.Г. Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 78–90. doi:10.17759/sps.2015060406

* *Шкурко Татьяна Алексеевна* — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Академия психологии и педагогики, Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, shkurko@sfedu.ru

** *Николаева Екатерина Геннадьевна* — бакалавр психологии, директор, ООО «ДонМатрас», Ростов-на-Дону, Россия, katy_nikolaeva@mail.ru

Введение

В последние десятилетия исследователями фиксируется значительный интерес общества и науки к проблемам омоложения внешнего облика [1–3; 5; 7, 8; 10]. В современных социально-экономических, социокультурных условиях наблюдается все более углубляющийся разрыв между хронологическим, биологическим, психологическим и лицевым возрастом, что приводит к появлению у современного человека переживаний и комплексов в условиях общения с другими людьми. Также возраст становится одним из ведущих факторов дискриминации (эйджизм), что ставит перед исследователями проблемы изучения социально-психологических факторов, критериев, структуры восприятия возраста.

В настоящее время в психологии, геронтологии, медицине имеется значительный интерес к данной тематике. Все работы можно разделить на два основных направления:

1) изучение оценки возраста («*age estimation*») [19; 21; 22; 24], в рамках которого исследуются оценка возраста по лицу, параметры, факторы точности оценки, разрабатываются программы тренировок точности оценки возраста и т. п.;

2) изучение восприятия возраста незнакомого человека другими людьми («*perceived age*») [18; 20; 23] — анализируются отдельные компоненты внешнего облика, участвующие в процессе восприятия возраста другого, изучается их «вклад» в восприятие возраста другого, проводится поиск психофизиологических коррелятов воспринимаемого возраста.

На сегодняшний день обозначена группа факторов, влияющих на точность оценки и специфику восприятия возраста другого человека: пол, возраст объ-

екта и субъекта восприятия [19; 20; 24]; принадлежность их к одной возрастной группе, и, в более широком контексте, принадлежность их к одной социальной группе [19; 21]; наличие специальных обучающих программ, включающих в себя технологию обратной связи [22]; выражение лица объекта восприятия [24]. В исследованиях было обнаружено, что: 1) способность к оценке возраста другого человека снижается в связи с возрастом субъекта восприятия; 2) молодые и пожилые определяют возраст членов своих групп более точно, чем возраст представителей других групп; 3) эксперты женского пола в определении возраста светлокотких женщин демонстрируют большую точность, чем мужчины; 4) оценка возраста пожилого человека, в целом, является более сложной задачей, чем оценка молодого; 5) возраст лиц с нейтральным выражением определяется наиболее точно, возраст лиц со счастливым выражением занижается.

Проанализированы наиболее важные с точки зрения восприятия возраста компоненты лица (область глаз, губ, однородность цвета кожи) [20]. Также в ряде работ доказано [18; 23], что воспринимаемый возраст (результат социального восприятия одного человека другим) является маркером психофизиологических и биологических характеристик человека (показателей физического и когнитивного функционирования, длины теломер лейкоцитов, риска смерти и т. п.).

Несмотря на очевидную научную актуальность и существенное прикладное значение данной проблематики, в отечественной социальной психологии еще недостаточно работ, посвященных данной тематике. Исследователи в большей степени ориентированы на изучение оценок своего возраста субъектом восприятия

(психологического возраста) [14; 15], рассматривают различные личностные переменные, влияющие на соотношение хронологического и психологического возраста. В работах В.А. Лабунской [5–8] и ее учеников Е.В. Белугиной [3], Д.В. Погонцевой [12], Я.Б. Наровской [8; 10] убедительно показаны роль и место отношения к своему внешнему облику (в том числе оценки его соответствия возрасту) в системе отношений личности, в удовлетворенности жизнью на различных этапах жизненного пути, в выборе практик преобразования внешнего облика. В работах Н.Л. Белопольской [1; 2], Е.М. Шафировой [1; 2], В.В. Виссарионовой [2], В.А. Виссарионова [1], посвященных определению хронологического возраста по лицу человека, особое внимание уделяется лицевому возрасту человека, выделены параметры «немолодого» лица, типы старения в соответствии с визуально воспринимаемыми признаками, проведена оценка лицевого возраста женщин после проведения омолаживающих операций.

В целом, если рассматривать восприятие возраста (своего и другого человека) как частный случай социальной перцепции, то можно утверждать, что в отечественной социальной психологии, в школе А.А. Бодалева [4; 13], накоплен огромный объем теоретико-эмпирических исследований, раскрыты социально-психологические закономерности восприятия человека человеком, которые распространяются и на восприятие возраста другого человека. В психологии социального познания, в частности, показано, что в качестве главных факторов восприятия другого выступают психологические и социально-психологические характеристики субъекта восприятия, объекта восприятия, особенности от-

ношений между субъектом и объектом восприятия, социальная ситуация взаимодействия. Также в известной работе А.А. Бодалева [4] показано, что возраст другого представлен воспринимающему его субъекту в различных компонентах внешнего облика: в физическом внешнем облике; в выразительном поведении (А.А. Бодалев говорит о «старческой» походке); во внешнем оформлении облика, который, по словам А.А. Бодалева, «... служит дополнительным признаком возраста» [4, с. 28]. При этом на сегодняшний день нет данных о соотношении различных компонентов внешнего облика при восприятии возраста другого человека, о «вкладе» каждого из компонентов в восприятие возраста другого, что и стало основной целью проведенного нами исследования. Методологическими и теоретическими предпосылками работы явились представления о восприятии человека человеком (А.А. Бодалев [4; 13], В.Н. Панферов [11], В.А. Лабунская [5–8]); представления о внешнем облике человека, его структуре и социально-психологических функциях (В.А. Лабунская [5–8]); представление о возрасте как совокупности психологического, биологического, хронологического, социального и лицевого возрастов (А.В. Микляева [9], Е.В. Белугина [3], Н.Л. Белопольская, В.В. Виссарионова, Е.М. Шафирова [2]).

Целью работы явился анализ компонентов внешнего облика другого человека в структуре восприятия визуальных презентаций возраста. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что компоненты внешнего облика неравномерно представлены в структуре восприятия визуальных презентаций возраста другого человека.

Методы исследования

В качестве основной методики исследования выступила специально сконструированная методика «Идентификация возраста личности с использованием фотовизуализации» (Т.А. Шкурко, Е.Г. Николаева). Были сфотографированы люди различных возрастов, профессий и типов (профессиональная фотосъемка, с правильно подобранным светом, единообразным фоном, но без применения технологий «фотошоп»). Моделей не просили принять какие-либо позы или выражения лица, от них требовалось их обычное повседневное поведение. Далее из всего массива фотографий были выбраны 40 фотографий, которые отвечали следующим требованиям: по две женские и мужские портретные и ростовых фотографии из каждого десятилетия, начиная с 1950 г. рождения и заканчивая 1999 (т. е. на одно десятилетие приходится 4 человека и 8 фото). Фотографии были помещены в альбом таким образом, чтобы испытуемый мог видеть только одно фото, и не переходил к следующему, не оценив предыдущего, при этом сначала показывалась карточка с ростовым изображением человека, затем с портретным. Порядок фотографий был определен так, чтобы чередовались мужские и женские образы, при этом рожденные в одном десятилетии люди повторялись через четыре на пятую картинку. К данной процедуре прилагалась специально разработанная анкета, которая содержала, помимо сведений о субъекте восприятия, следующие вопросы относительно каждой из 40 фотографий: 1) «Сколько лет человеку на данном фото?»; 2) «Что в этом человеке позволяет Вам сделать этот вывод?». В качестве субъектов восприятия выступили 60 человек: 47 женщин

и 13 мужчин в возрасте от 18 до 77 лет. Каждый из них оценивал возраст человека, представленного на 40 фотографиях.

В результате проведенной работы нами было получено 3268 высказываний (единичных реплик, законченных по смыслу), к которым был применен контент-анализ. При разработке единиц контент-анализа мы опирались на представления о структуре внешнего облика человека, предложенные В.А. Лабунской: «...внешний облик рассматривается как сложное образование, состоящее из ряда компонентов, отличающихся степенью изменчивости под влиянием естественных и искусственных факторов: 1) устойчивый компонент внешнего облика (индивидуально-конституциональные характеристики человека); 2) среднеустойчивый (оформление внешности: прическа, косметика, украшения, одежда) и динамический компонент (экспрессивное, невербальное поведение, сопряженное с состояниями и отношениями личности), взаимодействие между которыми образует пространственно — временную целостность (внешность человека), которая, в первую очередь, презентует гендерно-возрастную и статусно-ролевую идентичность личности и ее отношения с миром» [5].

В качестве единиц контент-анализа выступили следующие 32 категории: внешний облик в целом (ВО), оценочные бессодержательные высказывания (ОБ), профессионально-ролевые стереотипы (ПРС), гендерно-возрастные стереотипы (ГВС), этнокультурные стереотипы (ЭКС), шея (УШ), руки (УР), фигура (УФ), ноги (УН), лицо в целом (УЛ), губы (УГГ), морщины (УМ), лысина (УЛЛ), пигментация (УП), кожа лица (УК), брови (УБ), щеки, подбородок (УЩ), прыщи (УПП), грудь (УГ),

полнота (УЖ), худоба (УХ), прическа (СП), одежда и обувь (СО), борода и усы (СБ), украшения (СУ), макияж (СМ), очки (СОО), поза (ДП), взгляд (ДВ), осанка (ДО), улыбка (ДУ), выражение лица (ДВВ).

Значительная часть вышеназванных категорий представляет собой единицы контент-анализа первого уровня, которые затем группировались в более общие блоки (единицы контент-анализа второго и третьего уровней). Например, устойчивые компоненты внешнего облика (У – единица контент-анализа третьего уровня) состоят из лица (УЛ), шеи (УШ), рук (УР), фигуры (УФ), ног (УН), которые, в свою очередь, группируются из единиц контент-анализа первого уровня. Так, восприятие лица как источника информации о возрасте другого состоит из восприятия элементов лица, которые в нашем исследовании представлены единицами контент-анализа первого уровня: губы (УГГ), морщины (УМ), лысина (УЛЛ), пигментация (УП), оценка лица в целом, без выделения каких либо частных признаках (УЛ), кожа лица (УК), брови (УБ), щеки, подбородок (УЩ), прыщи (УПП).

Итак, 32 единицы контент-анализа были сгруппированы в более общие блоки (единицы контент-анализа третьего уровня), а именно: 1) устойчивые компоненты внешнего облика (У); 2) среднеустойчивые компоненты внешнего облика (С); 3) динамические компоненты внешнего облика (Д); 4) оценочные бессодержательные суждения (ОБ); 5) внешний облик в целом (ВО) (оценка возраста с опорой на внешний облик, не дифференцированный по каким-либо критериям); 6) восприятие возраста через соответствие внешнего облика стереотипам (гендерно-возрастным (ГВС),

этно-культурным (ЭКС); профессионально-ролевым (ПРС)).

Результаты исследования

В соответствии с классической процедурой проведения контент-анализа, нами была подсчитана абсолютная и относительная частота встречаемости выделенных категорий в общем количестве высказываний. Проведенный анализ позволил обозначить место компонентов внешнего облика (долю устойчивых (У), среднеустойчивых (С) и динамических (Д) параметров) в структуре восприятия визуальных презентаций возраста другого человека. Результаты анализа приведены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, при восприятии возраста другого человека субъекты восприятия опираются, в первую очередь, на устойчивые параметры внешнего облика (высказывания типа: «дряблая шея», «молодые кисти рук», «поношенное лицо», «глубокие морщины в области глаз» и т. п.). Среднеустойчивые параметры внешнего облика упоминались в два раза реже (высказывания типа: «отсутствие седины», «стрижка, характерная для взрослых людей», «не современная одежда», «еще не бреется», «детские побрякушки», «возрастной макияж» и т. п.), динамические компоненты внешнего облика составили десятую часть всех высказываний относительно возраста воспринимаемых «моделей» (высказывания типа: «глубокий взрослый взгляд», «нет молодецкой осанки», «молодая улыбка», «забитое выражение лица» и т. п.). Внешний облик в целом, без уточнения конкретных характеристик, являлся отправной точкой для восприятия возраста в 14,08% всех случаев, оценоч-

Таблица 1

Компоненты внешнего облика (устойчивые, среднеустойчивые и динамические) в структуре восприятия визуальных презентаций возраста другого человека

Категория	Абсолютная частота встречаемости категорий в массиве высказываний	Относительная частота встречаемости категорий в массиве высказываний (%)
У	1358	41,55 %
С	576	17,63 %
Д	340	10,4 %
ВО	460	14,08%
ОБ	278	8,51 %
ГВС	196	6 %
ПРС	33	1,01 %
ЭКС	27	0,83 %
Итого	3268	100 %

Примечание: У – устойчивые компоненты внешнего облика; С – среднеустойчивые; Д – динамические; ВО – внешний облик в целом; ОБ – оценочные бессодержательные высказывания; ПРС – восприятие возраста через соответствие внешнего облика профессионально-ролевым стереотипам; ГВС – гендерно-возрастным стереотипам; ЭКС – этнокультурным стереотипам.

ные бессодержательные высказывания составляют почти десятую часть всех ответов респондентов. На периферии восприятия возраста другого человека находится фиксация субъектом восприятия соответствия/несоответствия внешнего облика объекта восприятия гендерно-возрастным («баба ягодка опять», «выглядит, как подросток», «поджарый мужичок», «похожа на бабушку», «тетка», «тинэйджер»), этнокультурным («ковбой среднего возраста», «похожая на цыганку бабуля», «северянин», «татарка») и профессионально-ролевым стереотипам («выглядит, как доярка», «выглядит, как коллега», «выглядит, как программист», «замученный студент»). Таким образом, центральное место (69,58%) в

структуре восприятия визуальных презентаций возраста занимают устойчивые, среднеустойчивые и динамические компоненты внешнего облика, среди которых доминирующее положение принадлежит устойчивым параметрам внешнего облика (41,55%).

Нами был проделан более детальный анализ устойчивого компонента внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста. В качестве параметров данного компонента внешнего облика в нашем исследовании рассматривались: лицо (УЛ), шея (УШ), руки (УР), фигура (УФ), ноги (УН) (единицы контент-анализа второго уровня). Ниже в тексте будет приведена относительная частота встречаемо-

сти категорий второго уровня в общем массиве высказываний (для того, чтобы можно было сравнить частоту категорий разного уровня между собой). Как показали полученные данные, ведущую роль среди устойчивых параметров конструирования взрослыми испытуемыми возраста другого человека играет лицо (30,7% при общей доле устойчивого компонента внешнего облика в структуре восприятия возраста 41,55%). Вторым по выраженности параметром устойчивого компонента внешнего облика, влияющим на восприятие возраста, является фигура (7,37%). Остальные три параметра занимают всего 3,5 % в структуре восприятия: руки – 1,8%, шея – 1,56%, ноги – 0,12%.

Детальный анализ среднеустойчивого компонента внешнего облика в структуре восприятия возраста другого человека показал, что особенности одежды и обуви более других среднеустойчивых показателей оказывают влияние на восприятие возраста испытуемыми (8,96 %). Следующим по значимости показателем является прическа – 4,47%. Далее – макияж у женщин (1,35%) и любые манипуляции с бородой (щетина, бородка и т. п.) – у мужчин (1,69%). Украшения были отмечены в 25 высказываниях из 3268 (всего 0,76 %), хотя присутствовали на 9 моделях из 20, что составляет почти 50%.

Детальный анализ динамического компонента внешнего облика в структуре восприятия возраста другого человека показал, что, решая задачу определения возраста другого человека, субъект восприятия, которому представлены разнообразные выразительные движения другого (поза, жесты, мимика, взгляд), опирается, прежде всего, на взгляд и мимику объекта восприятия (8,21%). В целом, использованная в исследовании

процедура, а именно, то, что субъектам восприятия были представлены фотографии, а не сам человек, может объяснять относительно невысокую долю динамического компонента внешнего облика в структуре восприятия возраста. Выявление специфики восприятия возраста с опорой на динамический компонент внешнего облика нуждается в особой процедуре исследования, включающей непосредственный контакт воспринимающего человека с «моделью».

Из выделенных 32 единиц контент-анализа были выбраны 16 категорий, касающихся конструирования возраста другого человека на основании лицевых признаков (которые относились и к устойчивым, и к среднеустойчивым, и к динамическим компонентам внешнего облика). Абсолютная частота встречаемости этих 16 категорий в массиве высказываний участников исследования относительно возраста «моделей» составила 1527 высказываний, относительная частота – 46,7%. Полученные данные позволяют сделать следующий вывод: центральное место в структуре восприятия возраста принадлежит лицу, которое является средоточием устойчивых, среднеустойчивых и динамических компонентов внешнего облика.

Выводы исследования

Обобщение полученных в исследовании результатов позволяет сделать ряд выводов.

1. Центральное место в структуре восприятия визуальных презентаций возраста занимают устойчивые, среднеустойчивые и динамические компоненты внешнего облика, среди которых доминирующее положение принадлежит устойчивым параметрам внешнего облика.

2. Среди устойчивых параметров внешнего облика на восприятие возраста влияют (по мере убывания): лицо, фигура, руки, шея, ноги; среди среднеустойчивых параметров — особенности одежды и обуви, прическа; макияж (у женщин) / поросль на лице (у мужчин), украшения; среди динамических параметров внешнего облика — взгляд, мимика, поза, осанка.

3. Также в структуре восприятия возраста другого человека выделены такие элементы, как: опора на внешний облик в целом, без уточнения конкретных характеристик; оценочные бессодержательные высказывания; восприятие возраста с опорой на соответствие внешнего облика объекта восприятия гендерно-возрастным, этнокультурным и профессионально-ролевым стереотипам.

4. Лицо как средоточие устойчивых, среднеустойчивых и динамических компонентов внешнего облика выступает наиболее значимым элементом внешнего облика при восприятии возраста другого человека.

Заключение

Проведенное исследование позволило описать «вклад» различных компонентов внешнего облика в структуру восприятия возраста, понять, на что в первую очередь опирается субъект восприятия при анализе возраста другого человека, еще раз подтвердить исключительное место лица человека в процессах социального восприятия и познания другого человека (в частности, в процессе восприятия возраста другого). Полученные в нашем исследовании результаты подтверждают выводы, сделанные в ряде исследований [2; 20; 24], которые

показали влияние на оценку возраста другого различных лицевых параметров, а также выражения лица объекта восприятия.

Сделанные выводы позволяют выстроить иерархию способов и средств омоложения с точки зрения того, насколько они влияют на восприятие человека как более молодого, чем он есть, с точки зрения его хронологического возраста. На первом месте находится пластическая хирургия и различные нехирургические средства омоложения, способные изменить устойчивые компоненты внешнего облика: изменить овал лица, убрать глубокие морщины, подтянуть фигуру и т. д. На втором месте находится индустрия моды и красоты — разнообразные стилисты и визажисты, способные оформить внешний облик человека, чтобы он выглядел как более молодой или более зрелый (в зависимости от целей и задач самого человека, ситуации общения или какой-либо иной причины). И на третьем месте находятся разнообразные психологические тренинги и психологические практики омоложения (к примеру, танцевально-экспрессивные технологии [17]), направленные на «психологическое омоложение» (по аналогии с психологическим возрастом). Это так называемое «психологическое омоложение» достигается, на наш взгляд, преимущественно двумя способами: 1) прямым способом, а именно — участники тренингов учатся вести себя как более молодые — двигаться раскованно, улыбаться, вести себя более непосредственно и т. д.; 2) опосредованным способом, через появление за счет эффектов тренинговой работы новых планов и жизненных целей, что субъективно удлиняет жизненную перспективу, и, соответственно, влияет на пережи-

вание собственного возраста человеком (уменьшает его субъективный возраст). В.А. Лабунская справедливо подчеркивает, что «...омоложение — это не только преобразование внешнего облика (несмотря на то, что в символическом плане именно он указывает на соответствие человека конструкту «молодость»), но и переструктурирование всего жизненного опыта» [6, с. 32].

В качестве развития данной проблематики, опираясь на модель восприятия и понимания человека человеком, разработанную в школе А.А. Бодалева [4; 13], можно наметить следующие перспективы исследования восприятия возраста

другого человека. Это, в первую очередь, анализ влияния ряда социально-психологических факторов (гендерно-возрастные особенности, отношение к своему внешнему облику субъекта и объекта восприятия и т. д.) на восприятие возраста другого человека; выявление роли социальных потребностей человека (в частности, в контроле себя и других людей) [16] в управлении впечатлением о собственном возрасте; выявление характеристик динамического компонента внешнего облика объекта восприятия, участвующих в конструировании возраста, в процессе непосредственного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белопольская Н.Л., Виссарионов В.А., Шафирова Е.М. Психологические аспекты эстетической медицины // Актуальные вопросы пластической хирургии и косметологии. Москва: Институт пластической хирургии и косметологии, 2012. С. 349–360.
2. Белопольская Н.Л., Виссарионова В.В., Шафирова Е.М. Определение хронологического возраста по лицу человека // Лицо человека как средство общения: Междисциплинарный подход / Отв. ред. В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов, Д.А. Дивеев. М.: Когито-Центр, 2012. С. 33–44
3. Белугина Е.В. Отношение к своему внешнему облику в период середины жизни: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д, 2003.
4. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ, 1982. 200 с.
5. Лабунская В.А. Проблема удовлетворенности внешним обликом: субъектный подход [Электронный ресурс] // Концепт. 2014. Современные научные исследования. Вып. 2. ART 55035. URL: <http://e-koncept.ru/2014/55035.htm> (дата обращения: 12.05.2015).
6. Лабунская В.А. «Видимый человек» как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 26–39.
7. Лабунская В.А. Субъективная интерпретация феномена «нормативной неудовлетворенности внешним обликом» // Субъектный подход в психологии: серия «Интеграция академической и университетской психологии» / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 2009. С. 355–372.
8. Лабунская В.А., Наровская Я.Б. Типы преобразования внешнего облика как отражение направленности преобразовательной активности субъекта в социальном общении // Мир психологии. 2006. № 4. С. 96–104.
9. Микляева А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. СПб: Речь, 2009. 160 с.

10. Наровская Я.Б. Социально-психологические особенности женщин, преобразующих свой внешний облик: автореф. дисс. ...канд. психол. наук. Ростов-н/Д, 2007.
11. Панферов В.Н. Восприятие и интерпретация внешности людей // Вопросы психологии. 1974. № 2. С. 59—64.
12. Погонцева Д.В. Красивая женщина: социально-демографический анализ представлений // Социальная психология и общество. 2011. № 1. С. 73—82.
13. Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2015. 672 с.
14. Сергиенко Е.А. Субъективный возраст в самоопределении человека на временной дистанции его жизнедеятельности // Мир психологии. 2011. № 3. С. 104—119.
15. Сергиенко Е.А. Субъективный и хронологический возраст человека [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2013. Т. 6. № 30. С. 10. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/853-sergienko30.html> (дата обращения: 12.05.2015).
16. Шкурко Т.А. Социально-психологические особенности личности с выраженной потребностью в контроле себя и других людей // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 177—184.
17. Шкурко Т.А. Танцевально-экспрессивный тренинг. СПб: Речь, 2005. 192 с.
18. Christensen K., Thinggaard M., McGue M., Rexbye H., Hjelmborg J.V.B., Aviv A., Gunn D., Van Der Ouderaa F., Vaupel J.W. Perceived age as clinically useful biomarker of ageing: Cohort study // BMJ (Online). 2009. Vol. 339. Issue 7735. Article number b5262. P. 1433. doi:<http://dx.doi.org/10.1136/bmj.b5262>
19. George P.A., Hole G.J. Factors influencing the accuracy of age estimates of unfamiliar faces // Perception. 1995. Vol. 24. Issue 9. P. 1059—1073. doi: 10.1068/p241059
20. Nkengne A., Bertin C., Stamatas G.N., Giron A., Rossi A., Issachar N., Fertil B. Influence of facial skin attributes on the perceived age of Caucasian women // Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology. 2008. Vol. 22. Issue 8. P. 982—991. doi: 10.1111/j.1468-3083.2008.02698.x
21. Rhodes M.G. Age estimation of faces: A review // Applied Cognitive Psychology. 2009. Vol. 23. Issue 1. P. 1—12. doi: 10.1002/acp.1442
22. Sörqvist P., Eriksson M. Effects of training on age estimation // Applied Cognitive Psychology. 2007. Vol. 21. Issue 1. P. 131—135.
23. Uotinen V., Rantanen T., Suutama T. Perceived age as a predictor of old age mortality: A 13-year prospective study // Age and Ageing. 2005. Vol. 34. Issue 4. P. 368—372. doi: 10.1093/ageing/afi091
24. Voelkle M.C., Ebner N.C., Lindenberger U., Riediger M. Let me guess how old you are: Effects of age, gender, and facial expression on perceptions of age // Psychology and Aging. 2012. Vol. 27. Issue 2. P. 265—277. doi: 10.1037/a0025065

Components of Appearance in the Structure of Perception of Visual Representations of Age

T.A. SHKURKO*,
*Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
shkurko@sfedu.ru*

E.G. NIKOLAEVA**,
*LLC «DonMatras», Rostov-on-Don, Russia,
katy_nikolaeva@mail.ru*

The article discusses the problem of perception of age (one's own and that of other people), which is regarded as a special case of social perception. The aim of this study was to analyze the components of another person's appearance in the structure of perception of visual representations of age. For these purposes the authors created a special technique, "Identifying Age through Photo Visualization" (Shkurko T.A., Nikolaeva E. G.). The study enrolled 20 individuals (10 men, 10 women aged 18 to 58 years) as "models" (i.e. objects of perception) and 60 individuals (47 women and 13 men aged 18 to 77 years) as subjects of perception. The paper shows that in the structure of perception of visual representations of age the most important are stable, moderately stable and dynamic components of appearance, among which the stable parameters prevail. The face as the focus of the stable, moderately stable and dynamic components of appearance is the key element of appearance in one's perception of other people's age.

Keywords: *age, perceived age, perception of age, appearance, social perception, structure of perception of age.*

REFERENCES

1. *Belopol'skaya N.L., Vissarionov V.A., Shafirova E.M. Psikhologicheskie aspekty esteticheskoi meditsiny [Psychological Aspects of Aesthetic Medicine]. Aktual'nye voprosy plasticheskoi khirurgii i kosmetologii [Urgent Issues of Plastic Surgery and Cosmetology]. Moscow: Institute of plastic surgery and cosmetology, 2012. pp. 349–360.*

For citation:

Shkurko T.A., Nikolaeva E.G. Components of Appearance in the Structure of Perception of Visual Representations of Age. Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo = Social Psychology and Society, 2015. Vol 6, no. 4, pp. 78–90. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2015060406

* *Shkurko Tatyana A.* — PhD in Psychology, associate professor, Social Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, shkurko@sfedu.ru

** *Nikolaeva Ekaterina G.* — Bachelor (Psychology), Director, LLC «DonMatras», Rostov-on-Don, Russia, katy_nikolaeva@mail.ru

2. *Belopol'skaya N.L., Vissarionova V.V., Shafirova E.M.* Opredelenie khronologicheskogo vozrasta po litsu cheloveka [Estimating of Chronologic Age from Somebody's Face]. Litsa cheloveka kak sredstvo obshcheniya: Mezhdistsiplinarnyi podkhod [Human Face as a Means of Communication: an Interdisciplinary Approach] / In Barabanshchikov V.A., Demidov A.A., Diveev D.A. (eds.), Moscow: Cogito-centre, 2012, pp. 33–44.
3. *Belugina E.V.* Otnoshenie k svoemu vneshnemu obliku v period serediny zhizni. Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. [Attitude to One's Own Appearance in the Mid-life Period. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Rostov-na-Donu, 2003.
4. *Bodalev A.A.* Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom [Perception and Understanding of a Human by a Human]. Moscow: MGU, 1982. 200 p.
5. *Labunskaya V.A.* Problema udovletvorennosti vneshnim oblikom: sub"ektnyi podkhod [Elektronnyi resurs] [The Problem of Satisfaction with Appearance: a Subjective Approach]. Kontsept. 2014. Sovremennye nauchnye issledovaniya [Concept. 2014. Modern Research Studies]. Issue 2. ART 55035. URL: <http://e-koncept.ru/2014/55035.htm>. (Accessed 12.05.2015).
6. *Labunskaya V.A.* «Vidimyi chelovek» kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen ["A Visible Man" as a Social-Psychological Phenomenon]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2010, no. 1, pp. 26–39. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. *Labunskaya V.A.* Sub"ektivnaya interpretatsiya fenomena «normativnoi neudovletvorennosti vneshnim oblikom» [A Subjective Interpretation of the Phenomenon of "a Normative Dissatisfaction with Appearance"] // Sub"ektnyi podkhod v psikhologii: seriya "Integratsiya akademicheskoi i universitetskoi psikhologii" [The Subjective Approach in Psychology: «Integration of Academic and University Psychology» Series] / In Zhuravlev A.L., Znakov V.V., Ryabikina Z.I., Sergienko E.A. (eds.), M.: IP RAN, 2009. pp. 355–372.
8. *Labunskaya V.A., Narovskaya Ya.B.* Tipy preobrazovaniya vneshnego oblika kak otrazhenie napravlenosti preobrazovatel'noi aktivnosti sub"ekta v sotsial'nom obshchenii [Types of Transformation of the Appearance as a Reflection of the Focus of Transforming Activity of a Subject in Social Communication]. *Mir psikhologii [The World of Psychology]*. 2006, no. 4, pp. 96–104. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. *Miklyaeva A.V.* Vozrastnaya diskriminatsiya kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Age Discrimination as a Social and Psychological Phenomenon]. St. Petersburg: Rech, 2009. 160 p.
10. *Narovskaya Ya.B.* Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti zhenshchin, preobrazuyushchikh svoi vneshnii oblik. Avtoref. diss. ...kand. psikhol. nauk [Social-Psychological Characteristics of Women Transforming Their Appearance. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Rostov-na-Donu, 2007.
11. *Panferov V.N.* Vospriyatie i interpretatsiya vneshnosti lyudei [Perception and Interpretation of People's Appearance]. *Voprosy psikhologii [Questions of Psychology]*. 1974, no. 2, pp. 59–64.
12. *Pogontseva D.V.* Krasivaya zhenshchina: sotsial'no-demograficheskii analiz predstavlenii [A Beautiful Woman: Social-Demographic Analysis of the Notions]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social psychology and society]*. 2011, no. 1, pp. 73–82. (In Russ., abstr. in Engl.).

13. Psikhologiya obshcheniya. Entsiklopedicheskii slovar' [Psychology of Communication. Encyclopaedia] / In Bodalev A.A. (ed.), Moscow: Cogito-centre, 2015. 672 p.
14. *Sergienko E.A.* Sub"ektivnyi vozrast v samoopredelenii cheloveka na vremennoi distantsii ego zhiznedeyatel'nosti [A Subjective Age in the Self-Determination of a Person at a Temporal Distance of his/her Life Activity]. *Mir psikhologii [The World of Psychology]*. 2011, no. 3, pp. 104–119. (In Russ., abstr. in Engl.).
15. *Sergienko E.A.* Sub"ektivnyi i khronologicheskii vozrast cheloveka [Elektronnyi resurs] [A Subjective and Chronologic Age of a Person]. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal [Psychological Research: Electronic Scientific Journal]*. 2013, vol. 6, no. 30, p. 10. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/853-sergienko30.html> (Accessed 12.05.2015). (In Russ., abstr. in Engl.).
16. *Shkurko T.A.* Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti lichnosti s vyrazhennoi potrebnost'yu v kontrole sebya i drugikh lyudei [Social-Psychological Features of a Person with an Intense Need for Others' and Self-Control]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Bulletin]*. 2011, no. 349, pp. 177–184. (In Russ., abstr. in Engl.).
17. *Shkurko T.A.* Tantserval'no-ekspressivnyi trening [Dance-Expressive Training]. St. Petersburg: Rech, 2005. 192 p.
18. *Christensen K., Thinggaard M., McGue M., Rexbye H., Hjelmborg J.V.B., Aviv A., Gunn D., Van Der Ouderaa F., Vaupel J.W.* Perceived age as clinically useful biomarker of ageing: Cohort study. *BMJ (Online)*. 2009. V. 339. Issue 7735. Article number b5262. p. 1433. doi: <http://dx.doi.org/10.1136/bmj.b5262>
19. *George P.A., Hole G.J.* Factors influencing the accuracy of age estimates of unfamiliar faces. *Perception* Volume 24, Issue 9, 1995, pp. 1059–1073. doi: 10.1068/p241059
20. *Nkengne A., Bertin C., Stamatias G.N., Giron A., Rossi A., Issachar N., Fertil B.* Influence of facial skin attributes on the perceived age of Caucasian women. *Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology*. 2008. V. 22. Issue 8. pp. 982–991. doi: 10.1111/j.1468-3083.2008.02698.x
21. *Rhodes M.G.* Age estimation of faces: A review. *Applied Cognitive Psychology*. 2009, V. 23, Issue 1. pp. 1–12. doi: 10.1002/acp.1442
22. *Sörqvist P., Eriksson M.* Effects of training on age estimation. *Applied Cognitive Psychology*. 2007. V. 21. Issue 1. pp. 131–135.
23. *Uotinen V., Rantanen T., Suutama T.* Perceived age as a predictor of old age mortality: A 13-year prospective study. *Age and Ageing*. 2005. V. 34. Issue 4. pp. 368–372. doi: 10.1093/ageing/afi091
24. *Voelkle M.C., Ebner N.C., Lindenberger U., Riediger M.* Let me guess how old you are: Effects of age, gender, and facial expression on perceptions of age. *Psychology and Aging*. 2012. V. 27, Issue 2, pp. 265–277. doi: 10.1037/a0025065

Точность межличностного восприятия в условиях опосредованного знакомства в социальных сетях

Е.П. БЕЛИНСКАЯ*,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
elena_belinskaya@list.ru

И.Д. БРОНИН**,
Психологический институт РАО, Москва, Россия,
idbronin@gmail.com

Статья посвящена проблеме точности межличностного восприятия в условиях компьютерно-опосредованного общения. Продемонстрированы возможности применения модели социальной точности восприятия Дж. Биесанза для изучения межличностного восприятия в ситуации опосредованного знакомства — через персональные страницы в социальных сетях. Незнакомые с оцениваемыми оценищики (15 человек) на основе ограниченного по времени просмотра персональных страниц оцениваемых в сети «ВКонтакте» (30 страниц) оценивали их по шкалам Краткого личностного опросника (сокращенная версия «Большой Пятерки»). Результаты исследования показывают, за счет каких именно объективных параметров персональных страниц оцениваемых в социальных сетях повышается точность восприятия оценищиков, а также доказано, что точность межличностного восприятия при этом формируется за счет своей нормативной, а не различительной составляющей. Последний факт позволяет выдвинуть предположение о большей стереотипизации восприятия партнера по виртуальной коммуникации по сравнению с реальным общением, которое требует дальнейшей эмпирической проверки.

Ключевые слова: социальная перцепция, межличностное восприятие, точность межличностного восприятия, социальные сети, опосредованное знакомство.

Для цитаты:

Белинская Е.П., Бронин И.Д. Точность межличностного восприятия в условиях опосредованного знакомства в социальных сетях // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 91–108. doi:10.17759/sps.2015060407

* Белинская Елена Павловна — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, *elena_belinskaya@list.ru*

** Бронин Игорь Дмитриевич — аспирант лаборатории психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия, *idbronin@gmail.com*

К постановке проблемы

Изучение процессов социальной перцепции и, в частности, межличностного восприятия традиционно мыслится как одна из «основ» психологии социального познания в целом. Задача понимания всей совокупности механизмов, которые задействованы в процессе конструирования человеком образа социального мира и себя в нем, неразрывно связана с изучением процессов социального взаимодействия, в которых, собственно, это конструирование и происходит. С 50-х гг. двадцатого столетия в исследованиях процессов социальной перцепции, начавшихся в рамках когнитивистского направления в социальной психологии, накоплен убедительный материал, свидетельствующий об их качественной специфике, принципиально не сводимой к общепсихологическим особенностям восприятия. Более того, изучение последнего во многом «подпитывалось» открываемой социальными психологами феноменологией (как, например, это произошло с изучением стереотипизаций и атрибуций).

Демонстрация сложной природы социальной перцепции (как межличностной, так и межгрупповой) закономерно ставила вопрос о возможных процедурах ее измерения, что, в свою очередь, привело к изучению проблемы ее точности [6]. Подчеркнем, что на протяжении всего «классического» периода изучения точности межличностного восприятия многие вопросы данной проблематики «упирались» в две основные методологические проблемы: во-первых, необходимость соотносительного анализа характеристик субъекта и объекта восприятия, а во-вторых — необходимость реконструкции самого механизма межличностного восприятия [1]. На уровне эмпирических работ и первая, и

вторая проблемы фактически сводились к анализу различных «помех» межличностного восприятия, затрудняющих его точность: влиянию тех или иных социально-перцептивных способностей субъекта межличностного восприятия; развитию последних либо в ходе специально организованных процедур (например, в процессе тренинга), либо в ситуации активизации обратной связи; исследованиям различных эффектов межличностного восприятия, атрибутивных ошибок и т. п. Очевидно, однако, что понимание «затруднений» межличностного восприятия не всегда отвечало на вопрос о причинах его возможной точности, хотя и проясняло принципиальные отличия социальной перцепции от процессов восприятия в обще-психологическом смысле.

Современное возрождение интереса исследователей к проблеме точности межличностного восприятия во многом связано с более широким пониманием контекста социального взаимодействия и его роли в процессах общения. Обращение к изучению «средовых» факторов коммуникации (в том числе к ее предметно-пространственным характеристикам), интерес к языковым особенностям коммуникаторов и специфике складывающегося дискурса, анализ возможностей построения образа партнера по взаимодействию на основе исключительно его невербальных проявлений или же статичных изображений сочетался при этом с утверждением конструкционистского понимания идентичности человека как множественной и ситуационно обусловленной [16; 19]. Подобное сочетание привело к возникновению ряда новых теоретических моделей точности межличностного восприятия и стратегий ее эмпирического исследования, в центре

которых встало понимание задачи оценки точности как процессуальной [см. об этом подробнее: 3]

С этой точки зрения, точность суждения о другом проявляется инструментально, это своего рода суждение *ad hoc*: важно, насколько хорошо данное суждение «работает» в данной конкретной ситуации, а не насколько восприятие коммуникативного партнера точно *per se*. Соответствующие эмпирические данные свидетельствуют, что большинство людей озабочены только точностью своего впечатления в конкретной ситуации общения и взаимодействия с определенным человеком, когда именно динамика социальной интеракции, контекст позволяют дать корректное, но локально значимое суждение о другом [19; 20].

Изучение точности межличностного восприятия в условиях опосредованной и ситуативно обусловленной коммуникации «подпитывалось» и объективными современными изменениями процессов общения и взаимодействия в целом, которые все более и более разворачиваются в полистилистической (с точки зрения культуры) среде. Как справедливо отмечает Г.М. Андреева, поликультурность все более и более становится неотъемлемым свойством социальной реальности, и доказательством тому является бурное развитие Интернет-коммуникации [2]. Последняя все более превращается в особую *среду* сосуществования культур, демонстрирующую «множественность культур в действии» [там же] и задающую, тем самым, новые специфики социальной перцепции, разворачивающейся в условиях все более умножающихся самопрезентаций. Отметим, однако, что сегодня исследования собственно закономерностей межличностного восприятия в условиях такого опосредствования, како-

вым являются коммуникации в социальных сетях, все еще не так уж многочисленны — преимущественная часть работ сосредоточена на изучении соотношения личностных особенностей пользователей и их «виртуальных субличностей» [см. об этом подробнее: 5].

В целом, результаты исследований опосредованного знакомства позволили зафиксировать два важных факта. Во-первых, согласно опубликованным данным, человек способен сформировать относительно точное впечатление о другом, даже не будучи знакомым с ним, но познакомившись исключительно с некоторой средой, автором которой является оцениваемый [10; 17]. Во-вторых, эти исследования показали, что различные объективные параметры среды вносят различный вклад в формирование относительно точного впечатления о незнакомом человеке [8; 15].

Подчеркнем, что, однако, авторы исследований межличностного восприятия в условиях опосредованного знакомства, как правило, по-прежнему оперируют классическими метриками его точности: такими, как «согласованность “я—другой”» (корреляция между впечатлением оценщика и самовосприятием оцениваемого) и/или «согласованность оценщиков» (коэффициент внутриклассовой корреляции). Между тем, в рамках своей модели социальной точности восприятия Дж. Биесанз обращает внимание на то, что точность межличностного восприятия не однородна: следует выделять ее различительную и нормативную составляющие [13; 14]. Под различительной точностью межличностного восприятия понимается ситуация, когда оценщику удастся «уловить» ту выраженность личностной характеристики оцениваемого, которая свойственна именно ему и которая отличает его от «средней» для культуры личности.

Под нормативной точностью понимается ситуация, когда оценщик оказывается точен в восприятии оцениваемого, но только за счет того, что личность оцениваемого, в целом, оказывается близка к «средней» для данной культуры. Основным преимуществом данной модели является — среди прочих — возможность ответить на вопрос о причинах точности межличностного восприятия: связана ли она лишь с тем, что личностные характеристики оцениваемого очень близки к «средним» для данной культуры, или же с тем, что оценщику действительно удалось «уловить» специфические личностные характеристики оцениваемого. Представляется, что приложение этой модели к изучению точности межличностного восприятия в условиях опосредованного знакомства в социальных сетях открывает новые перспективы для решения вопроса о том, какие именно «помехи» социальной перцепции имеют наибольшее ситуативное значение для Интернет-коммуникации.

Программа эмпирического исследования

Задачи исследования.

Пилотажный характер исследования ставил перед нами две основных задачи:

1) показать, что условия ситуации «нулевого» и опосредованного знакомства достаточны для формирования точного межличностного восприятия;

2) определить, какие именно объективные параметры такой ситуации влияют на степень точности межличностного восприятия.

В качестве модели использовалась ситуация восприятия оценщиками персональных страниц оцениваемых в социальной сети «ВКонтакте».

Участники исследования.

В исследовании приняли участие 15 оценщиков ($M_{\text{возраст}} = 19$, $SD = 0,96$) и 30 оцениваемых ($M_{\text{возраст}} = 19,2$, $SD = 1,29$), ранее незнакомых друг с другом. Оцениваемые добровольно обеспечили доступ к своим персональным страницам.

Процедура исследования.

Сначала оценщики и оцениваемые индивидуально заполняли Краткий личностный опросник (адаптированная версия Ten Item Personality Inventory). Далее оценщики просматривали персональные страницы социальных сетей оцениваемых, получая доступ к ним непосредственно перед процедурой оценки с целью контроля условий «нулевого знакомства». На знакомство с каждой персональной страницей социальной сети оценщику отводилось две минуты. С целью контроля эффекта порядка каждый оценщик получал список персональных страниц, оцениваемых в случайном порядке. После каждой просмотренной страницы оценщик сообщал свои впечатления о личности автора страницы, заполняя тот же личностный опросник. Заключительным этапом являлось постэкспериментальное интервью с оценщиком о том, что на страницах оцениваемых помогало ему определить степень выраженности той или иной черты личности.

Методы исследования.

Измерение личностных характеристик производилось с помощью Краткого личностного опросника, в оригинале — Ten Item Personality Inventory или TIPI [16], валидизированного на российской выборке [4], который является модифицированной версией опросника пятифакторной модели личности. Опросник состоит из 10 вопросов; на каждую из шкал Большой пятерки приходится по два пункта (один из них — прямой, второй — обратный). Пункты являются вопросами лайктерговского типа

(7-балльная шкала). С помощью опросника измерялось самовосприятие оцениваемых, самовосприятие оценщиков и впечатление оценщиков об оцениваемых.

Отдельно экспериментатором оценивались такие объективные характеристики страниц персональной сети, как: количество строк в разделах «Общая информация», «Контакты», «Образование», «Жизненная позиция» (в данном разделе пользователь может указать свои политические и религиозные предпочтения, «главное в жизни», например, семья и дети, карьера и деньги и др., «главное в людях», например, ум и креативность); количество любимых цитат, указанных автором страницы; количество интересов автора страницы, обозначенных в разделе «Личная информация»; количество групп (сообществ), в которые вступил автор страницы; количество друзей; количество фотографий и видеозаписей и др.

В инструкции, которую получали оценщики, не содержалось требования специально обращать внимание на каждый из этих параметров. Так как встречи с оценщиками проводились в течение достаточно длительного времени, а для оценки использовались реальные страницы социальной сети, то они могли изменяться их авторами естественным образом. Это приводило к тому, что разные оценщики фактически сталкивались с разными страницами одного и того же автора. Поэтому мы посчитали необходимым оценить, происходят ли в ходе исследования какие-либо существенные изменения страниц с количественной точки зрения. Для этого измерялись их объективные характеристики четыре раза в течение 4-х месяцев; далее с помощью критерия Колмогорова–Смирнова было проанализировано, существуют ли различия между каждым из распределе-

ний, а также между средним арифметическим по четырем измерениям и каждым из распределений в отдельности. Все различия оказались статистически незначимыми. В итоге в качестве выраженности объективных параметров каждой страницы использовалось среднее арифметическое четырех измерений.

Метрики точности межличностного восприятия.

1. *Согласованность «оценщик–оцениваемый» (согласованность «я–другой»)*. Эта метрика показывает, в какой степени представление оцениваемого о себе совпадает с впечатлением о нем оценщика, и является коэффициентом корреляции между впечатлением оцениваемого о себе и впечатлением оценщика об оцениваемом. Она рассчитывалась как для каждой из шкал Краткого личностного опросника, так и в целом для личностного профиля. Вариацией ее являлась метрика общей согласованности (overall observer assiguasy), когда в качестве оценок впечатлений оценщиков использовались агрегированные по оценщикам данные (т. е. средние арифметические оценок оценщиков по каждому из оцениваемых).

2. *Согласованность оценщиков*. Восприятие оценщиков можно считать точным, если оценщики согласны в том, какими личностными характеристиками обладает оцениваемый. Технически, согласованность оценщиков является коэффициентом внутригрупповой корреляции (intra-class correlation, ICC). Из шести возможных видов ICC была использована степень абсолютного согласия (two-way random single measure).

3. *Метрики модели социальной точности восприятия*. Как уже отмечалось, в модели Дж. Биесанза выделяются такие метрики точности восприятия, как различительная и нормативная точность, а также

точность впечатления оценщика, точность выразительности оцениваемого и точность диады «оценщик—оцениваемый». Первые две метрики являются фиксированными нестандартизированными регрессионными коэффициентами. Оставшиеся метрики являются показателями дисперсии нестандартизированных регрессионных коэффициентов первых двух метрик по оценщикам, оцениваемым и диадам «оценщик—оцениваемый». Технически, все эти параметры закладываются в регрессионную модель со случайными предикторами (mixed random effect regression model) [13; 14]. Расчеты регрессионной модели производились с помощью статистического пакета R Statistics [11].

Результаты исследования

Первая задача, которая требовала решения в рамках данного исследования, это способны ли оценщики сформировать относительно точное впечатление о другом, основываясь исключительно на впечатлении от персональной страницы социальной сети оцениваемого. В целом, наше исследование позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. Результаты по всем использованным в данной работе метрикам точности восприятия показаны в табл. 1.

Можно видеть, что точность восприятия как согласованность «я—другой»

Таблица 1

Сравнение данных по точности межличностного восприятия текущего исследования с аналогичными данными других авторов

Переменная	Согласованность «я—другой» отдельного наблюдателя			Общая точность «я—другой»		Точность как согласованность оценщиков		
	Текущее исследование	[Gosling, Vazire, 2004]	[Back et al., 2010]	Текущее исследование	[Gosling, Vazire, 2004]	Текущее исследование	[Gosling, Vazire, 2004]	[Back et al., 2010]
Экстраверсия	.27***	.26*	.25***	.56***	.38**	.23***	.32**	.31***
Доброжелательность	.12**	.31**	.1**	.34***	.28**	.082**	.28**	.13***
Сознательность	.05, ns	.35**	.17***	.18, ns	.43**	.084, ns	.27**	.27***
Эмоциональная стабильность	.08 .	.21*	.06, ns	.27, ns	.31**	.055**	.18*	.09***
Открытость опыту	.14***	.42**	.24***	.29, ns	.63**	.14***	.32**	.23***
Профайловая точность	.21***	-	-	-	-	.16***	-	-

Примечание: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$; . $p < 0,1$; ns $p \geq 0,1$.

не одинакова для разных шкал. Оценщики оказываются относительно точны при оценке Экстраверсии, Доброжелательности, Открытости опыту и Личностного профиля в целом, а по шкалам Сознательности и Эмоциональной стабильности формируют неточное впечатление об авторе странице. Эти данные лишь отчасти согласуются с результатами, полученными в сходных исследованиях других авторов [10; 17].

Из табл. 1 также можно видеть, что метрика общей точности восприятия имеет меньшие значения, нежели метрика точности отдельного оценщика: общая точность восприятия фиксируется для Экстраверсии и Доброжелательности, но не для Сознательности, Эмоциональной стабильности и Открытости опыту. Как и в предыдущем случае, наши данные лишь отчасти совпадают с данными, полученными в сходном исследовании [17].

Далее отметим, что при декомпозиции точности межличностного восприятия на различительную и нормативную точность восприятия, согласно Дж. Биесанзу [13; 14], нам не удалось зафиксировать различительную точность восприятия. Нормативная точность восприятия оказалась, напротив, значимой. Иными словами, оказалось, что при знакомстве с персональной страницей социальной сети оценщику практически невозможно составить относительно точное впечатление о том, в чем отличие данного оцениваемого от «средней» личности. Отметим, что эти данные следует рассматривать с определенной осторожностью, так как в других исследованиях не проверялась возможность в схожих условиях формировать высокую различительную точность межличностного восприятия.

Для решения второй задачи исследования необходимо было определить,

какие именно параметры персональных страниц оцениваемых значимо опосредуют точность их восприятия оценщиками.

Для достижения этой цели мы воспользовались регрессионным анализом и тестом Собеля [18]. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Можно видеть, что удалось зафиксировать лишь частичное опосредование точности межличностного восприятия объективными параметрами страниц социальных сетей, причем точность восприятия по разным шкалам Краткого личностного опросника опосредуется различными объективными параметрами. В целом полученные результаты оказались достаточно ожидаемыми. Так, точность восприятия по шкале Экстраверсии опосредуется теми объективными параметрами страниц социальной сети, которые связаны с общительностью (количество друзей, публикаций за последний месяц, указанных контактов). В свою очередь, точность восприятия по шкале Открытости опыту опосредуется такими объективными параметрами страниц, как количество строк в разделе «Контакты», групп, в которых состоит оцениваемый, выложенных на странице фотографий. Точность же восприятия по шкале Доброжелательности определяется преимущественно количеством заполненных строк в разделе «О себе».

Обсуждение результатов и перспективы исследования

В целом можно говорить о том, что результаты нашего исследования более близки к результатам работы М. Бека [10], нежели С. Гослинга и коллег [17]. Полное совпадение обнаруживается только для шкалы Экстраверсии. Одна

Таблица 2

Опосредование точности межличностного восприятия объективными параметрами страниц социальных сетей (по шкалам Краткого личностного опросника)

Объективный параметр страниц социальной сети (стандартное отклонение)	Экстраверсия Шаг 1: b1 = .217***			Доброжелательность Шаг 1: b1 = .173***			Открытость опыту Шаг 1: b1 = .160**			Профайловая точность Шаг 1: b1 = .174***		
	b1	b2	Опосредующее влияние	b1	b2	Опосредующее влияние	b1	b2	Опосредующее влияние	b1	b2	Опосредующее влияние
Количество строк в разделе «Общая информация», M = 4,84 (SD = 1,60)	.205***	.082*	.018 .	.114 .	.068 .	.061 .	.158**	-.016, ns	.003, ns	.172***	.040*	.002, ns
	.177***	.193***	.054**	.180**	-.040, ns	-.003, ns	.127*	.162**	.030*	.168***	.068***	.008**
Количество строк в разделе «Контакты», M = 2,94, SD = 1,43												

Объективный параметр страницы социальной сети (среднее, стандартное отклонение)	Экстраверсия Шаг 1: $b1 = .217^{***}$			Доброжелательность Шаг 1: $b1 = .173^{***}$			Открытость опыту Шаг 1: $b1 = .160^{**}$			Профильная точность Шаг 1: $b1 = .174^{***}$		
	b1	b2	Опосредующее влияние	b1	b2	Опосредующее влияние	b1	b2	Опосредующее влияние	b1	b2	Опосредующее влияние
Количество строк в разделе «Жизненная позиция», $M = 2,51$ ($SD = 2,70$)	.217***	.000, ns	.064, ns	.209***	-.055***	-.021*	.162**	.055*	-.004, ns	.174***	.006, ns	.000, ns
	.202***	.080**	.019*	.156*	.032, ns	.016, ns	.146**	.047, ns	.016, ns	.169***	.043***	.008**
Количество строк в разделе «Образование», $M = 5,33$ ($SD = 2,19$)	.215***	-.005, ns	.017, ns	.162**	.027.	.006, ns	.160**	-.001, ns	.000, ns	.175***	.009, ns	-.001, ns
	.202***	.080**	.019*	.156*	.032, ns	.016, ns	.146**	.047, ns	.016, ns	.169***	.043***	.008**
Количество питат., $M = 1,53$ ($SD = 3,80$)	.215***	-.005, ns	.017, ns	.162**	.027.	.006, ns	.160**	-.001, ns	.000, ns	.175***	.009, ns	-.001, ns
	.202***	.080**	.019*	.156*	.032, ns	.016, ns	.146**	.047, ns	.016, ns	.169***	.043***	.008**

Объективные параметры страницы социальной сети (среднее, стандартное отклонение)	Экстраверсия Шаг 1: $b1 = .217^{***}$			Доброжелательность Шаг 1: $b1 = .173^{***}$			Открытость опыту Шаг 1: $b1 = .160^{**}$			Профильная точность Шаг 1: $b1 = .174^{***}$		
	б1	б2	Опосредующее влияние	б1	б2	Опосредующее влияние	б1	б2	Опосредующее влияние	б1	б2	Опосредующее влияние
Количество строк в разделе «Личная информация», $M = 6,24$ ($SD = 10,14$)	.209***	-.017**	.004, ns	.167**	.004, ns	.006, ns	.158**	-.001, ns	.010, ns	.174***	-.000, ns	.002, ns
	.217***	.020, ns	-.001, ns	.200**	.051*	.010*	.172**	.031, ns	-.006, ns	.177***	.032***	-.006*
Количество «татов» в разделе «О себе» $M = 1,10$ ($SD = 2,58$)	.209***	.001, ns	.039, ns	.160*	.001, ns	.021, ns	.208***	-.005***	-.034**	.181***	-.001*	-.001*
	.217***	.020, ns	-.001, ns	.200**	.051*	.010*	.172**	.031, ns	-.006, ns	.177***	.032***	-.006*
Количество групп, в которых состоит оце- ниваемый, $M = 20,01$ ($SD = 41,82$)	.209***	.001, ns	.039, ns	.160*	.001, ns	.021, ns	.208***	-.005***	-.034**	.181***	-.001*	-.001*
	.217***	.020, ns	-.001, ns	.200**	.051*	.010*	.172**	.031, ns	-.006, ns	.177***	.032***	-.006*

Объективные параметры страницы социальной сети (среднее, стандартное отклонение)	Экстраверсия Шаг 1: $b1 = .217^{***}$			Доброжелательность Шаг 1: $b1 = .173^{***}$			Открытость опыту Шаг 1: $b1 = .160^{**}$			Профильная точность Шаг 1: $b1 = .174^{***}$		
	b1	b2	Опосредующее влияние	b1	b2	Опосредующее влияние	b1	b2	Опосредующее влияние	b1	b2	Опосредующее влияние
Количество фотографий на «стенке» за последний месяц, $M = 8,59$ (SD = 7,90)	.260 ^{***}	-.020 ^{**}	-.006 ^{**}	.173 ^{**}	-.002, ns	.001, ns	.153 ^{**}	.017 [*]	.005, ns	.175 ^{***}	.004, ns	-.001, ns
	.217 ^{***}	.000, ns	.001, ns	.178 ^{**}	.000, ns	.001, ns	.134 [*]	.000 [*]	.027 [*]	.174 ^{***}	.000 ^{**}	-.001, ns
Количество подарков, $M = 11,01$ (SD = 14,52)	.210 ^{***}	.004, ns	.023, ns	.181 ^{**}	-.005, ns	-.005, ns	.144 ^{**}	.007 [.]	.018, ns	.174 ^{***}	.000, ns	.001, ns

Объективный параметр страницы социальной сети (оценка, среднее (стан- дартное отклонение))	Экстраверсия Шаг 1: b1 = .217***			Доброжелательность Шаг 1: b1 = .173***			Открытость опыту Шаг 1: b1 = .160**			Профайловая точность Шаг 1: b1 = .174***			
	Шаг 2			Шаг 2			Шаг 2			Шаг 2			
	Опосредующее влияние	b1	b2	Опосредующее влияние	b1	b2	Опосредующее влияние	b1	b2	Опосредующее влияние	b1	b2	Опосредующее влияние
Количество друзей, M = 178,39 (SD = 105,13)	.086 .	.003***	.283***	.171**	-.000, ns	.003, ns	.111*	.001*	.060*	.165***	.001*	.025*	
Количество «интересных» страниц, на которые под- писан оцениваемый, M = 47,18 (SD = 39,30)	.187***	.002, ns	.110, ns	.162**	.001, ns	.017, ns	.118*	.003, ns	.061, ns	.170***	.001*	.009 .	
Количество видео, M = 205,77 (D = 351,66)	.217***	.000, ns	.050, ns	.175**	.000, ns	-.001, ns	.137*	.000 .	.027 .	.175***	.000*	-.002, ns	

Примечание. Для шкал Сознательности и Эмоциональной стабильности данные по опосредованию не приведены, так как обнаружено статистически значимой связи между впечатлением оценщиков и самовосприятием оцениваемых для этих шкал. Уровень р-значимости: *** p < 0,001; ** p < 0,01; * p < 0,05; . p < 0,1; ns p ≥ 0,1.

из возможных причин расхождения может быть связана с разницей в процедурах исследования. Так, С. Гослинг и его коллеги использовали не вполне полноценные страницы персональных сетей: ими оценщикам предъявлялись скриншоты страниц оцениваемых. Это позволило повысить экспериментальный контроль, равно как и предъявлять всем оценщикам совершенно одинаковые стимулы, но это же снизило экологичность условий. В нашем же исследовании оценщики работали с реально существующими и функционирующими персональными страницами социальных сетей оцениваемых. Это повышало экологичность условий исследования, но побочным эффектом явилось то, что, фактически, два оценщика, просматривая страницу одного и того же оцениваемого, работали с отличными друг от друга стимулами (хотя в количественном плане отличия и были, как отмечалось, статистически незначимы).

Кроме того, тот факт, что в исследовании С. Гослинга и С. Вазир оценщики работали со «срезами» страниц социальных сетей, не позволяло, как представляется, оценщикам полноценно использовать свои собственные стили и способы познания другого через страницы социальных сетей. В нашем же исследовании уникальные для каждого стили и способы познания другого могут быть рассмотрены как переменные, повлиявшие на согласованность оценщиков. Любопытно, что содержания постэкспериментальных интервью действительно свидетельствуют о том, что разные оценщики не только различно интерпретируют одну и ту же информацию на странице социальной сети, но и в принципе обращают внимание на различные элементы страниц социальных сетей оцениваемых.

Вторым важным результатом исследования можно считать то, что были получены результаты по метрикам точности межличностного восприятия, предложенные Дж. Биесанзом: нам не удалось зафиксировать различительную точность восприятия, но лишь нормативную. Это значит, что природа зафиксированной точности межличностного восприятия связана с тем, что личности оцениваемых оказываются близкими к средней для культуры личности, а не с тем, что оценщикам удается «уловить» ту особенную выраженность личностной характеристики конкретного оцениваемого, которая характерна именно для него. До сих пор не было опубликовано ни одного исследования по точности межличностного восприятия в условиях опосредованного знакомства, в котором бы были представлены данные по метрикам Дж. Биесанз или по метрикам другого компонентного подхода. Поэтому мы имеем возможность предложить — с известной долей осторожности — некоторую общую гипотезу, а именно: в условиях опосредованного знакомства фиксирование различительной точности межличностного восприятия невозможно. Обоснование этой гипотезы может быть связано с тем, что те объективные параметры, на которые обращают внимание оценщики и которые позволяют им сформировать относительно точное впечатление о другом, позволяют вывести лишь некоторую стереотипную информацию о другом, но не позволяют «уловить» те особенности черт личности, которые отличают данного конкретного оцениваемого от других.

Наконец, третьим важным результатом исследования можно считать то, что нам удалось выяснить, какие именно объективные параметры страницы соци-

альных сетей позволяют или, напротив, затрудняют формирование относительно точного впечатления о другом. Отчасти, наши результаты повторяют те, что описаны в других работах [8; 9].

Таким образом, в рамках исследования были получены как новые данные, так и подтверждающие результаты других исследований. При этом, хотя тема точности межличностного восприятия является достаточно традиционной для социальной психологии, можно говорить и о больших перспективах ее развития, особенно в условиях такой новой и одновременно ставшей уже повседневностью реальности как восприятие людьми друг друга в социальных сетях. Одним из наиболее перспективных на-

правлений нам представляется дальнейшее исследование различительной и нормативной точности межличностного восприятия в ситуации опосредованного знакомства. Полученный результат относительно возможности фиксирования лишь нормативной точности позволяет предположить в качестве отличительной особенности межличностного восприятия в социальных сетях по сравнению с реальным взаимодействием высокую степень стереотипизации партнера по коммуникации. Заметим, что подобное предположение противоречит данным других исследований специфики межличностного восприятия в социальных сетях [7], а потому его проверка требует дальнейшей эмпирической работы.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 14-06-00730 «Трансформации высших психических функций в условиях развития информационного общества (культурно-исторический подход)».

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Психология социального познания: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология в пространстве современной науки и культуры // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.09.2015).
3. Белинская Е.П., Бронин И.Д. Проблема точности межличностного восприятия: современные концептуальные модели и эмпирические исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 1, № 1(61). С. 109–114.
4. Бронин И.Д., Иванова К.Л. Психометрические характеристики Краткого личностного опросника: пилотажное исследование // Материалы Международного научного форума «Ломоносов-2014». М.: МАКС Пресс, 2014. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/2644/2200_69312_c910fa.pdf (дата обращения: 21.11.2015)
5. Войскунский А.Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2014. № 2. С. 90–104.
6. Жуков Ю.М. Проблемы измерения точности межличностного восприятия // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1978. № 1. С. 26–34.
7. Обыденкова В.К. Межличностное восприятие в контексте киберсоциализации человека в социальных сетях интернет-среды // Сборник докладов V Межвузовской

конференции молодых ученых по результатам исследований в области психологии, педагогики, социокультурной антропологии. М.: Издательский отдел Центра исследовательских технологий REDU, 2012. С. 400–404.

8. *Astrid S., Bernd M., Machilek F.* Personality in Cyberspace: Personal Web Sites as Media for Personality Expressions and Impressions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 90. Issue 6. P. 1014–1031. doi: 10.1037/0022-3514.90.6.1014

9. *Austin E., Gill A.J., Oberlander J.* Rating E-mail Personality at Zero-Acquaintance // *Journal of Personality and Individual Differences*. 2006. Vol. 40. Issue 3. P. 497–507. doi:10.1016/j.jpaid.2005.06.027

10. *Back M.D., Egloff B., Gaddis S., Gosling S.D., Stopfer J.M., Schmukle S.C., Vazire S.* Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idelization // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21. Issue 3. P. 372–374. doi: 10.1177/0956797609360756

11. *Bates D., Bolker B., Maechler M., Walker S.* Linear Mixed-Effects Models Using Eigen and S4 [Электронный ресурс] // R Package version 1.1–7. 2015. URL: <http://cran.r-project.org/web/packages/lme4/index.html>... (дата обращения: 21.11.2015).

12. *Berry D., Finch-Wero J.L.* Accuracy in Face Perception: A View from Ecological Psychology // *Journal of Personality*. 1993. Vol. 61. P. 497–520. doi: 10.1111/j.1467-6494.1993.tb00780.x

13. *Biesanz J.* The Social Accuracy Model of Interpersonal Perception: Assessing Individual Differences in Perceptive and Expressive Accuracy // *Multivariate Behavioral Research*. 2010. Vol. 45. Issue 5. P. 853–885. doi: 10.1080/00273171.2010.519262

14. *Biesanz J.C., Chan M., Human L.J., Paquin A.C., Parisotto K.L., Sarracino J.* Do We Know When Our Impressions of Others Are Valid? Evidence for Realistic Accuracy Awareness in First Impressions of Personality // *Social Psychological and Personality Science*. 2011. Vol. 2. Issue 5. P. 452–459. doi: 10.1177/1948550610397211

15. *Gosling S., Ko S., Mannarelli T., Morris M.* A Room with a Cue: Personality Judgments Based on Offices and Bedrooms // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82. Issue 3. P. 379–398. doi: 10.1037/0022-3514.82.3.379

16. *Gosling S.D., Rentfrow P., Swann W.A.* Very Brief Measure of the Big-Five Personality Domains // *Journal of Research in Personality*. 2003. Vol. 37. Issue 6. P. 504–528. doi:10.1016/S0092-6566(03)00046-1

17. *Gosling S., Vazire S.* E-Perceptions: Personality Impressions Based On Personal Websites // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. Vol. 87. Issue 1. P. 123–132. doi: 10.1037/0022-3514.87.1.123

18. *Kenny D., Baron R.* The Moderator-Mediator Variable Distinction in Social Psychological Research: Conceptual, Strategic, and Statistical Considerations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol. 51. Issue 6. P. 1173–1182. doi:10.1037/0022-3514.51.6.1173

19. *Swann W.B.* The Self and Identity Negotiation // *Interaction Studies*. 2005. Vol. 6. Issue 1. P. 69–83. DOI: 10.1075/is.6.1.06swa

20. *Tenney E.R., Spellman B.A.* Complex Social Consequences of Self-Knowledge // *Social Psychological and Personality Science*. 2011. Vol. 2. Issue 4. P. 343–350. doi: 10.1177/1948550610390965

Accuracy of Interpersonal Perception in Mediated Contacts in Social Media

E.P. BELINSKAYA*,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
elena_belinskaya@list.ru

I.D. BRONIN**,
Psychological Institute, Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
idbronin@gmail.com

The paper focuses on the issue of accuracy of interpersonal perception in computer-mediated communication. It shows how J.Biesanz's social accuracy model of interpersonal perception may be used in explorations of interpersonal perception in mediated contacts – via personal webpages in social media. In the study the subjects (15 people) were asked to assess individuals with whom they were unacquainted basing on their webpages in VKontakte (30 web pages) using a brief version of the Big Five Inventory. The outcomes reveal which objective parameters of the assessed webpages contribute most to the accuracy of interpersonal perception in the subjects, and also prove that the accuracy of interpersonal perception in this case is shaped by its normative component, not by the distinctive one. This suggests that in virtual communication one's perception of a partner may be more affected by stereotypes than in real communication – a hypothesis that needs to be further tested.

Keywords: social perception, interpersonal perception, accuracy of interpersonal perception, social media, mediated contacts.

Financing

The research was conducted with the assistance of the Russian Foundation for Humanities, project 14-06-00730 “Transformations of Higher Mental Functions in the Context of Information Society Development (A Cultural-Historical Approach)”

REFERENCES

1. *Andreeva G.M.* Psihologija social'nogo poznanija: uchebnoe posobiye dlja studentov vyscsih uchebnyh zavedeniy [Psychology of social knowledge: textbook for students of higher educational institutions]. Moscow: Aspekt Press, 2000. 288 p. (In Russ.).
-

For citation:

Belinskaya E.P., Bronin I.D. Accuracy of Interpersonal Perception in Mediated Contacts in Social Media. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 4, pp. 91–108. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2015060407

* *Belinskaya Elena P.* – Doctor in Psychology, professor, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, elena_belinskaya@list.ru

** *Bronin Igor D.* – PhD student, Laboratory of Adolescent Psychology, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, idbronin@gmail.com

2. *Andreeva G.M.* Social'naja psihologija v prostranstve sovremennoj nauki i kul'tury [Social psychology in space of modern science and culture]. *Psihologicheskie issledovanija* [Psychological Studies], 2013, V. 6, no 30, URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 02.09.2015). (In Russ., abstr. in Engl.).
3. *Belinskaja E.P., Bronin I.D.* Problema tochnosti mezhlichnostnogo vosprijatija: sovremennye konceptual'nye modeli i jempiricheskie issledovanija [The problem of accuracy in interpersonal perception: a theoretical and empirical study]. *Vestnik Kemerovskogo gosuniversiteta* [Bulletin of the Kemerovo state University], 2015, V. 1, no 1(61), pp. 109–114. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. *Bronin I.D., Ivanova K.L.* Psihometricheskie karakteristiki Kratkogo lichnostnogo oprosnika: pilotazhnoe issledovanie [Psychometric characteristics of the brief personal questionnaire: pilot study]. *Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma «Lomonosov-2014»* [Proceedings of the international scientific forum "Lomonosov – 2014"]. Moscow: MAKS Press, 2014. (In Russ.). URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/2644/2200_69312_c910fa.pdf (Accessed: 21.11.2015).
5. *Vojskunskij A.E.* Social'naja percepcija v social'nyh setjah [Social perception on social networks]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow state University], Ser. 14. Psihologija, 2014, no 2, pp. 90–104. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. *Zhukov Ju. M.* Problemy izmerenija tochnosti mezhlichnostnogo vosprijatija [The problem of measuring the accuracy of interpersonal perception]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow state University]. Ser. 14. Psihologija, 1978, no 1, pp. 26–34. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. *Obydenkova V.K.* Mezhlichnostnoe vosprijatie v kontekste kibersocializacii cheloveka v social'nyh setjah internet-sredy [Interpersonal perception in the context of cybersocialization of the person social media Internet environment]. *Sbornik dokladov V Mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh po rezul'tatam issledovanij v oblasti psihologii, pedagogiki, sociokul'turnoj antropologii* [The collection of reports of V interuniversity conference of young scientists on the research results in the field of philosophy, pedagogy, socio-cultural anthropology]. Moscow: Izdatel'skij otdel Centra issledovatel'skih tehnologij REDU, 2012, pp. 400–404. (In Russ.).
8. *Astrid S., Bernd M., Machilek F.* Personality in Cyberspace: Personal Web Sites as Media for Personality Expressions and Impressions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, Vol. 90, Issue 6, pp. 1014–1031. doi: 10.1037/0022-3514.90.6.1014
9. *Austin E., Gill A.J., Oberlander J.* Rating E-mail Personality at Zero-Acquaintance. *Journal of Personality and Individual Differences*, 2006, Vol. 40, Issue 3, pp. 497–507. doi:10.1016/j.jpaid.2005.06.027
10. *Back M.D., Egloff B., Gaddis S., Gosling S.D., Stopfer J.M., Schmukle S.C., Vazire S.* Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idelization. *Psychological Science*, 2010, Vol. 21, Issue 3, pp. 372–374. doi: 10.1177/0956797609360756.
11. *Bates D., Bolker B., Maechler M., Walker S.* Linear Mixed-Effects Models Using Eigen and S4. R Package version 1.1–7. 2015. URL: <http://cran.r-project.org/web/packages/lme4/index.html> (Accessed: 21.11.2015).
12. *Berry D., Finch-Wero J.L.* Accuracy in Face Perception: A View from Ecological Psychology. *Journal of Personality*, 1993, Vol. 61, pp. 497–520. doi: 10.1111/j.1467-6494.1993.tb00780.x

13. Biesanz J. The Social Accuracy Model of Interpersonal Perception: Assessing Individual Differences in Perceptive and Expressive Accuracy. *Multivariate Behavioral Research*, 2010, Vol. 45, Issue 5, pp. 853–885. doi: 10.1080/00273171.2010.519262
14. Biesanz J.C., Chan M., Human L.J., Paquin A.-C., Parisotto K.L., Sarracino J. Do We Know When Our Impressions of Others Are Valid? Evidence for Realistic Accuracy Awareness in First Impressions of Personality. *Social Psychological and Personality Science*, 2011, Vol. 2, Issue 5, pp. 452–459. doi: 10.1177/1948550610397211
15. Gosling S., Ko S., Mannarelli T., Morris M. A Room with a Cue: Personality Judgments Based on Offices and Bedrooms. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002, Vol. 82, Issue 3, pp. 379–398. doi: 10.1037/0022-3514.82.3.379
16. Gosling S.D., Rentfrow P., Swann W.A. Very Brief Measure of the Big-Five Personality Domains. *Journal of Research in Personality*, 2003, Vol. 37, Issue 6, pp. 504–528. doi:10.1016/S0092-6566(03)00046-1
17. Gosling S., Vazire S. E-Perceptions: Personality Impressions Based On Personal Websites. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2004, Vol. 87, Issue 1, pp. 123–132. doi: 10.1037/0022-3514.87.1.123
18. Kenny D., Baron R. The Moderator-Mediator Variable Distinction in Social Psychological Research: Conceptual, Strategic, and Statistical Considerations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986, Vol. 51, Issue 6, pp. 1173–1182. doi:10.1037/0022-3514.51.6.1173
19. Swann W.B. The Self and Identity Negotiation. *Interaction Studies*, 2005, Vol. 6, Issue 1, pp. 69–83. doi: 10.1075/is.6.1.06swa
20. Tenney E.R., Spellman B.A. Complex Social Consequences of Self-Knowledge. *Social Psychological and Personality Science*, 2011, Vol. 2, Issue 4, pp. 343–350. doi: 10.1177/1948550610390965

Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан

Р.М. ШАМИОНОВ*,

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия,
shamionov@mail.ru*

В статье изложены и обсуждены результаты исследования культурных установок и базовых убеждений как предикторов психологического и эмоционального благополучия жителей города и села. Показано, что убеждения вносят вклад в эмоциональное и психологическое благополучие как сельчан, так и горожан. Показатели регрессии, объясняющей вариации психологического благополучия убеждениями, у сельчан выше, чем у горожан, а эмоционального благополучия — напротив, выше у горожан. Наиболее важным предиктором субъективного благополучия выступает убеждение в ценности собственного Я и в доброте людей. Большое прогностическое значение для благополучия горожан (в отличие от сельчан) имеет убеждение в удаче. Влияние культурного контекста на психологическое благополучие больше у сельчан, чем у жителей города, а влияние на эмоциональное благополучие не определено. Однако если в городе выражено влияние вертикального индивидуализма, то в селе значимыми предикторами являются горизонтальный индивидуализм и коллективизм. Таким образом, убеждения и культурный контекст в большей степени объясняют вариации психологического благополучия жителей села, чем города. Включенность в социально-территориальную общность также предопределяет различия в предикции эмоционального и психологического благополучия.

Ключевые слова: *личность, эмоциональное благополучие, психологическое благополучие, культура, базовые убеждения, предикция.*

Для цитаты:

Шамионов Р.М. Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 109–122. doi:10.17759/sps.2015060408

* *Шамионов Раиль Мунирович* — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВПО СГУ имени Н.Г. Чернышевского), Саратов, Россия, shamionov@mail.ru

Сравнительные исследования предикторов субъективного благополучия личности активно ведутся в последнее десятилетие. Основанием для сравнений, как правило, являются национальные или цивилизационные признаки [2; 15; 18; 24], либо этнические [1; 5; 6; 11; 15] различия, за которыми закрепляются определенные культурные характеристики. Сегодня сложилось несколько теоретических подходов, на основе которых они реализуются (гедонистический, эвдемонистический, комплексный, субъектно-бытийный и т. д.), а также осуществляются попытки теоретически обобщить проведенные исследования, благодаря чему постепенно складывается интегральная теория субъективного благополучия.

Анализ психологических механизмов формирования субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью у представителей разных социально-территориальных общностей (большой и малый город, село) является важной задачей современной социальной психологии. В рамках данной проблемы предполагается как изучение различий структур субъективного благополучия, так и анализ множественных социокультурных и личностных детерминант благополучия/неблагополучия, а также влияния последних на планируемое (и в некоторых случаях реализуемое) социальное поведение личности.

Научные основания, актуализирующие данные исследования связаны с недостаточностью знания о качественных различиях субъективного благополучия или неблагополучия жителей города и деревни (а также мигрантов из деревни в город) и социокультурных и личностных предикторах этих явлений. Отметим, что подавляющее большинство

исследований субъективного благополучия выполнены на эмпирическом материале без социально-территориальной дифференциации участников. Вероятно считается, что это единая социокультурная общность.

Результаты множества исследований субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью, счастья позволили накопить определенный эмпирический материал о факторах и предикторах этих явлений. Однако за редким исключением они не затрагивают вопросов о качественных различиях субъективного благополучия личности в зависимости от принадлежности к социально-территориальным общностям. По сути, отсутствуют исследования субъективного благополучия и его факторов у жителей больших и малых поселений, определяемых как социальные общности, обладающие культурными характеристиками.

Однако в ряде исследований российских психологов анализируются параметры субъективного благополучия в соотношении с социально-территориальными характеристиками. В частности, раскрываются показатели удовлетворенности жизнью жителей мегаполиса и малых городов [4], жителей экологически неблагополучных регионов [14] культурные и региональные особенности источников счастья [7] и др. Определенные шаги в решении данной проблемы предприняты в социологии [9; 10; 20]. Однако здесь речь идет в большей степени о соотношении удовлетворенности жизнью и социально-экономических параметров.

Сравнительные исследования субъективного благополучия личности горожан и сельчан проведены китайскими психологами. Прежде всего в них затрагиваются вопросы влияния социальных изменений, характера социальной поддержки

на субъективное благополучие горожан и сельчан [22], изменения субъективного благополучия в связи с миграцией сельчан в город [19], эффекта влияния социального неравенства сельчан и горожан на благополучие [17]; показано также, что при отсутствии значимых различий уровня благополучия жителей города и села в большей степени оказывают влияние на благополучие отсутствие образования, занятости и степень социального обеспечения [21] и др. Корейские психологи установили, что семейные и социальные отношения сильнее влияют на субъективное благополучие в сельской местности, чем в городской [20]. Американские психологи [16] на основе соотнесения данных Gallup World Poll установили прямую зависимость удовлетворенности жизнью горожан и сельчан от объективных показателей социального развития стран. Выяснилось, что в менее развитых странах уровень субъективного благополучия сельчан существенно ниже, однако в более развитых странах он может выравниваться и даже становиться значимо выше.

Между тем город и село различаются не только уровнем дохода жителей или доступностью услуг, но прежде всего характеристиками социальных связей людей и определенными культурными характеристиками. Территориальное сообщество выступает транслятором соответствующих норм и установок, что обуславливает качественное своеобразие переживания субъективного благополучия в разных условиях. Поэтому анализ социокультурно обусловленных особенностей переживания субъективного благополучия (общей удовлетворенности жизнью, психологического и эмоционального благополучия) является весьма значимым для выяснения универсальных и специфических его

факторов и оснований. В условиях социального расслоения общества эта проблема приобретает не только научное, но и социальное значение. Ее решение позволит реализовать практические задачи, связанные с выравниванием условий самореализации личности в разных территориальных образованиях, а также будет способствовать укреплению позитивного социального настроения и, как следствие, социальной стабильности и согласию в обществе.

Цель данного исследования заключается в сравнительном анализе культурных и личностных предикторов психологического и эмоционального благополучия жителей города и села.

Программа эмпирического исследования

Эмпирическое исследование предполагало сравнительный анализ обобщенных показателей эмоционального и психологического благополучия и их предикторов у горожан и сельчан. В качестве независимых переменных в процессе регрессионного анализа последовательно были введены социально-демографические показатели, показатели культурного контекста и базовых убеждений личности. В исследовании приняли участие 205 жителей Саратова и Саратовской области (107 жителей города и 93 жителя села, в возрасте 20–52 года; $M=28,2$; $СД=11,8$; 40% мужчин). Выборки составлены пропорционально в соответствии с социально-демографической структурой Саратова и Саратовской области.

Методика. В ходе исследования применялись различные шкалы.

Шкала субъективного благополучия (ESB), рассчитанная на измерение эмо-

ционального компонента психологического благополучия (Perrudet-Badoux, Mendelsohn, Chiche) в адаптации Г.Н. Соколовой.

Шкала психологического благополучия (PSB) К. Рифф в адаптации Л.В. Жуковской и Е.Г. Трошихиной (полный вариант).

Для определения доминирующих культурных измерений использовалась Шкала воспринимаемого культурного контекста (горизонтальный коллективизм (SHC)/горизонтальный индивидуализм (SHI) и вертикальный коллективизм (SVC)/вертикальный индивидуализм (SVI) В.И. Чиркова.

Для выявления степени выраженности убеждений применили Шкалу базовых убеждений (SFB) R. Janoff-Bulman в адаптации О. Кравцовой. В соответствии с методикой выделены следующие измерения убеждений: BW — благосклонность мира; BP — доброта людей; J — справедливость мира; C — контролируемость мира; R — случайность событий; SW — ценность собственного Я; SC — степень самоконтроля; L — степень удачи.

Методы обработки данных. Для обработки первичных данных как нельзя лучше подошла статистическая программа Statistical Package for the Social Sciences (SPSS 20.0). Для определения внутренней согласованности психологических шкал вычислялся коэффициент α Кронбаха. В ходе исследования были использованы параметрический метод сравнения выборок (t-критерий Стьюдента), а также корреляционный и регрессионный анализы.

Результаты и их обсуждение

Данные, представленные в табл. 1, показывают, что обобщенные абсолютные

значения параметров эмоционального и психологического благополучия в двух выборках достаточно близки (показатели t-критерия Стьюдента свидетельствуют о сходстве средних величин). Однако анализ компонентов позволяет выделить два параметра психологического благополучия, более высокий уровень которых отмечается у горожан — личностный рост и автономность (на уровне $p < 0,06$). Отметим, что при близости средних показателей существуют значимые различия вертикального коллективизма ($t = 3,2$; $p < 0,001$) и горизонтального индивидуализма ($t = 2,26$; $p < 0,05$) у сельчан и горожан. Более высокие показатели вертикального коллективизма и горизонтального индивидуализма у сельчан свидетельствуют об их восприятии культуры одновременно и как более иерархической, и как более равноправной. Различия между этими параметрами у сельчан кажутся противоречивыми, поскольку отражают разные (противоположные) феномены. Это может свидетельствовать о более длительном процессе социальных изменений в условиях села, подтверждением чему служит и положительная корреляционная связь между вертикальным коллективизмом и возрастом ($r = 0,196$ $p < 0,01$) в сельской выборке, а также о сопряженности возраста и восприятия отношений как иерархических. Вместе с тем полученные данные согласуются с теоретическими воззрениями Г. Триандиса [7; 22], который считает, что к горизонтальному и вертикальному индивидуализму и коллективизму следует относиться как к «инструментам», которые индивид может применять в различных комбинациях в зависимости от ситуации. То есть индивид, скорее всего, будет использовать все эти инструменты, но в конкретных ситуациях может вести себя как горизонталь-

Таблица 1

Описательные статистики и корреляции

	Mr	SD	Mc	SD	PWB	ESB	SHC	SHI	SVC	SVI	BW	BP	J	C	R	SW	SC
PSB	193,1	26,8	189,2	29,2													
ESB	56,9	15,5	53,5	17,7	0,34**												
SHC	28,0	5,3	27,9	7,1	0,16*	-0,09											
SHI	28,0	6,8	30,3	7,0	0,19**	-0,14*	0,18**										
SVC	26,1	5,8	29,1	6,6	-0,01	-0,03	0,31**	0,35**									
SVI	26,2	7,2	27,3	7,0	0,14*	-0,08	0,28**	0,31**	0,07								
BW	4,1	0,9	4,1	1,0	0,38**	-0,18**	0,11	0,14*	-0,02	0,01							
BP	3,6	0,9	3,9	0,9	0,13	-0,15*	0,16*	-0,02	0,03	-0,16*	0,55**						
J	3,8	0,9	3,7	0,8	0,16*	-0,12	0,20**	0,24**	0,12	0,14*	0,25**	0,16*					
C	4,1	0,7	4,1	0,9	0,26**	-0,14*	0,05	0,22**	0,08	0,21**	0,10	-0,02	0,41**				
R	3,9	0,9	3,7	0,9	-0,03	0,06	0,01	0,11	0,04	0,08	-0,06	-0,03	0,06	-0,13			
SW	4,2	0,9	4,3	1,0	0,49**	-0,26**	0,11	0,14	0,01	0,12	0,33**	0,12	0,06	0,13	-0,01		
SC	3,8	0,9	3,7	0,8	0,14*	-0,12	0,18**	0,24**	0,11	0,13	0,26**	0,16*	0,98**	0,38**	0,03	0,06	
L	3,8	0,9	3,9	0,9	0,39**	-0,28**	0,21**	0,11	0,07	0,09	0,23**	0,14*	,28**	0,26**	-0,07	0,33**	0,27**

Примечание: **уровень значимости:** «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; **приянты следующие сокращения:** PSB — психологическое благополучие, ESB — эмоциональное благополучие, SHC — горизонтальный коллективизм, SHI — горизонтальный индивидуализм, SVC — вертикальный коллективизм, SVI — вертикальный индивидуализм, BW — благосклонность мира, BP — доброта людей, J — справедливость мира, C — контролируемость мира, R — случайность событий, SW — ценность собственного Я, SC — степень самоконтроля, L — степень удачи.

ный или вертикальный идиоцентризм или аллоцентризм. Тем не менее, в городских и сельских условиях могут доминировать разные культурные модели в соответствии с характером социальных отношений и жизнедеятельности.

Данные, представленные в табл. 2, позволяют сделать вывод, что горизонтальные и вертикальные стратегии (индивидуализма и коллективизма) горожан внутренне не противоречивы при более высоком значении горизонтальных стратегий (ГК-ВК: $t=2,24$, $p<0,01$; ГИ-ВИ: $t=3,78$, $p<0,001$). Это свидетельствует о более явном принятии горожанами идеи принципиального равенства людей, что согласуется с исследованиями ряда авторов [7] о превалировании горизонтальных характеристик в средних слоях общественной пирамиды. Различий средних показателей убеждений не выявлено.

Данные корреляционного анализа между показателями психологического благополучия и другими параметрами достаточно высоки, что позволяет прогнозировать перспективность регрессионного анализа с включением психологического благополучия в качестве зависимой переменной. Перспективы регрессионного анализа с включением эмоционального благополучия в качестве зависимой переменной сомнительны из-за слабой связи с изучаемыми параметрами.

Обратимся к данным регрессионного анализа (табл. 2), выполненного методом принудительного включения. Данный метод был выбран специально для выяснения общего вклада отдельной функции в вариации переменной психологического благополучия.

Из результатов регрессионного анализа следует, что 14% дисперсии психологического благополучия объясняются

социально-демографическими показателями и горожан, и сельчан. Однако если у горожан основными предикторами являются доход и возраст, то у сельчан — только доход. Эти данные согласуются с результатами исследований Л.В. Жуковской и Е.Г. Трошихиной, в которых указывается, что по ряду параметров благополучия у испытуемых до 40 лет выявлены более высокие показатели, чем у испытуемых старше 40 лет [3], что в нашем случае проявилось только у горожан. Фактор дохода в обоих случаях говорит об общей тенденции и согласуется с результатами исследования В.А. Хащенко, в котором показано достаточно сильное влияние дохода на общую удовлетворенность жизнью и самореализацией в странах с трансформационной экономикой [12]. В наших исследованиях данный эффект был также обнаружен ранее при изучении этнических групп [14].

Весьма интересная картина сложилась в результате регрессионного анализа при включении параметров культурного контекста. 19% вариаций психологического благополучия объясняются показателями культурного контекста: положительно — в случае горизонтальных индивидуализма и коллективизма, и отрицательно — в случае вертикального индивидуализма. Таким образом, психологическое благополучие сельчан обеспечивается убежденностью в равных правах, а признание иерархических и статусных отношений подрывают его. Совершенно противоположная картина наблюдается в случае предикции субъективного благополучия горожан. Здесь основным предиктором выступает вертикальный индивидуализм, хотя вклад культурного контекста не велик (9%). Очевидно, условия городской сре-

Таблица 2

Предикторы психологического благополучия

Предикторы	Горожане			Сельчане		
	β	t	p	β	t	p
Пол	0,105	1,270	0,206	-0,002	-0,019	0,985
Доход	0,233	2,816	0,006	0,366	2,893	0,005
Возраст	-0,320	-3,938	0,000	-0,102	-0,893	0,375
	R ² =0,14; F=7,13; p<0,001			R ² =0,14; F=3,55; p<0,01		
Горизонтальный коллективизм	0,013	0,146	0,885	0,316	2,549	0,01
Горизонтальный индивидуализм	0,108	1,188	0,237	0,333	2,585	0,01
Вертикальный коллективизм	-0,103	-1,157	0,249	-0,122	-0,908	0,367
Вертикальный индивидуализм	0,239	2,601	0,010	-0,235	-1,992	0,051
	R ² =0,09; F=3,36 p<0,01			R ² =0,19; F=3,81; p<0,01		
BW благосклонность мира	0,292	3,125	0,002	0,179	1,565	0,123
BP доброта людей	-0,201	-2,273	0,025	0,188	1,777	0,081
J справедливость мира	-0,139	-0,308	0,759	0,241	0,647	0,520
C контролируемость мира	0,111	1,302	0,195	0,173	1,726	0,089
R случайность событий	-0,018	-0,230	0,819	0,019	0,206	0,837
SW ценность собственного Я	0,288	3,651	0,000	0,428	4,180	0,000
SC степень самоконтроля	0,065	,145	0,885	-0,242	-0,675	0,502
L степень удачи	0,245	2,986	0,003	0,145	1,443	0,154
	R ² =0,32; F=7,67; p<0,001			R ² =0,55; F=9,33; p<0,001		

ды таковы, что способность считаться с тем, что люди вокруг автономны и не равны, является значимым фактором психологического благополучия горожан. Результаты исследования отчасти согласуются с результатами исследования Н.М. Лебедевой и Е.В. Осиповой, в котором было показано, что горизонтальный коллективизм и индивидуализм, а также вертикальный индивидуализм связаны с психологическим благополучием (в выборке русских) [6]. Однако в нашем случае выявлено принципиальное различие относительно предикции психологического благополучия, заключающееся в положительном эффекте влияния вертикального индивидуализма в городских условиях и отрицательного — в сельских.

Обратимся к данным, полученным в результате регрессионного анализа с введением характеристик убеждений. Следует отметить весьма высокие показатели R^2 в обеих выборках, что свидетельствует о достаточно высокой обусловленности вариаций благополучия убеждениями.

Принципиальным различием является то, что в городе значимую роль для психологического благополучия личности играют убеждения в благосклонности мира и оценка удачного стечения обстоятельств. Вместе с тем вера в доброту людей снижает благополучие. Психологическое благополучие сельчан в большей степени детерминировано ценностью собственного Я и как тенденцией — убеждением в доброте людей и контролируемости мира. Кажущееся сходство выражается в том, что в обоих случаях убеждение в ценности собственного Я занимает первую позицию в уравнении регрессии, однако в случае с сельчанами — это ведущая и самая главная детерминанта.

В результате реализации метода шагового отбора нам удалось уточнить предикцию психологического благополучия убеждениями. Так, в сельской выборке выделены три предиктора: ценность собственного Я ($\beta=0,542$; $t=6,15$; $p<0,001$), доброта людей ($\beta=0,293$; $t=3,39$; $p<0,001$) и контролируемость мира ($\beta=0,199$; $t=2,29$; $p<0,25$) ($R^2=0,51$ $F=22,9$ $p<0,001$). В городской выборке — немногим отличается от процедуры принудительного включения ценность собственного Я ($\beta=0,296$; $t=3,81$; $p<0,001$), степень удачности ($\beta=0,259$; $t=3,43$; $p<0,001$), благосклонность мира ($\beta=0,290$; $t=3,23$; $p<0,01$) и доброта людей ($\beta=-0,217$; $t=2,52$; $p<0,01$) [$R^2=0,31$; $F=14,97$; $p<0,001$]. Данная процедура позволила представить переменные более контрастно и рассмотреть явное отличие, заключающееся в *противоположном вкладе* убеждения в доброте людей — положительном в случае сельчан и отрицательном в случае горожан.

Общий вклад отдельной функции в вариации эмоционального благополучия определяется лишь в условиях проживания в городе. Поэтому ограничимся использованием метода шагового отбора для выяснения того, какие убеждения и в какой степени оказывают влияние на вариации эмоционального благополучия. Шаговый отбор позволил установить, что в сельской выборке наиболее важным убеждением для переживания эмоционального благополучия является убеждение в доброте людей ($\beta=0,301$, $t=2,61$; $p<0,01$ ($R^2=0,09$; $F=6,80$; $p<0,01$), в городской выборке — степень удачности ($\beta=0,317$, $t=3,99$; $p<0,001$) и ценность собственного Я ($\beta=0,253$ $t=3,18$; $p<0,001$) ($R^2=0,20$; $F=17,66$; $p<0,001$). Как показывают эти данные, вариации эмоционального благополучия в меньшей степени, чем психологическое благополучие, обусловлены базовыми убеждениями.

Между тем, из полученных результатов следует, что наиболее важными детерминантами эмоционального благополучия сельчан и горожан являются убеждения, которые максимально соответствуют представлениям о коллективистских и индивидуалистических установках. Однако культурные измерения не оказывают особого влияния на эту переменную (по выборке горожан всего 3% вариаций детерминированы культурной установкой «горизонтальный индивидуализм»), из чего можно сделать вывод о слабой детерминации данными культурными характеристиками переживания эмоционального благополучия.

Можно сделать несколько **выводов** из результатов, полученных в нашем исследовании.

При отсутствии явных различий уровневых показателей общего психологического благополучия имеются различия его характеристик: более выраженный личностный рост и автономность (на уровне тенденции) горожан в сравнении с сельчанами.

Доход и возраст в условиях города и доход в условиях села вносят значимый вклад в переживание психологического благополучия личности.

Культурные характеристики обуславливают принципиальное различие в детерминации психологического благополучия в условиях городской и сельской жизни. В городе и селе востребованы разные стратегии адаптации — основанные на горизонтальном индивидуализме и коллективизме у сельчан и вертикальном индивидуализме — у горожан.

Весомый вклад в переживание психологического благополучия вносят убеждения. Наиболее сильным предиктором в обоих случаях выступает убежденность в ценности собственного Я. Отличительной особенностью является противоположная в разных условиях предикция убеждения в доброте людей: отрицательная у горожан и положительная у сельчан, что, очевидно, связано с адекватным (реализуемым) ожиданием помощи и поддержки со стороны других (в условиях общины) у деревенских жителей и неадекватным (нереализуемым) — в случае с горожанами.

Эмоциональное благополучие в меньшей степени обусловлено культурными характеристиками и не очень чувствительно к выраженности тех или иных убеждений. Наиболее важным предиктором эмоционального благополучия сельчан является убеждение в доброте людей, у горожан — степень удачи и ценность собственного Я.

Таким образом, убеждения и культурный контекст в большей степени объясняют вариации психологического благополучия жителей села, чем города. Включенность в социально-территориальную общность также предопределяет различия в предикции эмоционального и психологического благополучия. Вместе с тем остаются невыясненными вопросы о ценностных источниках субъективного благополучия сельчан и горожан, а также требуется конкретизация содержания социально- или индивидуально-ориентированного благополучия личности.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №14-06-00250а «Структура и предикторы субъективного благополучия личности: этнопсихологический анализ».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарова Е.Е., Тарасова Л.Е. Субъективное благополучие и социальная активность личности в различных социокультурных условиях [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 8. С. 16. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues.html> (дата обращения: 27.06.2015).
2. Джидарьян И.А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001. 268 с.
3. Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г. Шкала психологического благополучия К.Рифф // Психологический журнал. 2011. № 32(2). С. 82–93.
4. Котина О.С., Сулова Е.А., Заикин Е.В. Экспресс-диагностика уровня психоэмоционального напряжения и его источников // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 119–132.
5. Лебедева Н.М. Ценностный компонент в характеристике русского национального характера и его влияние на экономическое развитие России // Мир психологии. 2009. № 3. С. 58–68.
6. Лебедева Н.М., Осипова Е.В. Взаимосвязь социокультурного контекста и мотивации личности с поведением и установками студентов по отношению к здоровью в России и Канаде // Альманах современной науки и образования. 2011. № 5 (48). С. 97–106.
7. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Что нужно для счастья: культурные, региональные и индивидуальные различия и инварианты источников счастья // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2006. № 2. С. 3–12.
8. Мацумото Д. (ред.) Психология культуры. СПб.: Питер, 2003. 718 с.
9. Мишианов Е.С. Качество жизни сельчан как объект социологической науки // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5–1 (55). С. 143–150.
10. Соколова Г.Н., Сечко Н.Н. Качество жизни населения Беларуси в контексте финансово-экономического кризиса // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 31–40.
11. Тарасова Л.Е. Представления о счастье в фольклорном и обыденном сознании // Проблемы социальной психологии личности. Вып. 9. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2011. С. 60–68.
12. Хащенко В.А. Субъективное экономическое благополучие как предиктор субъективного качества жизни. Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. 4(4). С. 13–29.
13. Хащенко Н.Н. Социально-психологические аспекты жизнедеятельности личности в различных экологических условиях // Психология человека в современном мире. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2009. С. 186–193.
14. Шамионов Р.М. Групповые ценности и установки как предикторы психологического благополучия русских и казахов [Электронный ресурс] // Психологические исследования: Электронный научный журнал. 2014. Т. 7. № 35. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (Дата обращения: 27.06.2015)
15. Chirkov V.I., Ryan R.M., Willness C. Cultural context and psychological needs in Canada and Brazil: Testing a self-determination approach to internalization of cultural

- practices, identity and well-being // *Journ. of cross-cultural Psychology*. 2005. Vol. 36. № 4. P. 425–443. doi: 10.1177/0022022105275960
16. *Easterlin R.A., Angelescu L., Zweig J.S.* The impact of modern economic growth on urban -rural differences in subjective well-being // *World development*. 2011. 39(12). P. 2187–2198. doi:10.1016/j.worlddev.2011.04.015
17. *.Han Ch.* Explaining the subjective well-being of urban and rural Chinese: income, personal concerns, and societal evaluations // *Social science research*. 2015. № 49. P. 179–190. doi: 10.1016/j.ssresearch.2014.08.006 .
18. *Inglehart R.* Modernization and postmodernization: cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton: Princeton University Press, 1997.
19. *Jin, L., Wen M., Fan J.X., et al.* Trans-local ties, local ties and psychological well-being among rural-to-urban migrants in Shanghai // *Social science & medicine*. 2012. Vol. 75. № 2. P. 288–296. doi:10.1016/j.socscimed.2012.03.014
20. *Kim Gh.* The effect of social capital on psychological well-being of rural residents // *Journal of Agricultural Education and Human Resource Development*. 2010. Vol. 42. № 2. P. 81–97.
21. *Liang Y., Wang P.* Influence of prudential value on the subjective well-being of Chinese urban-rural residents // *Social indicators research*. 2014. Vol. 118. № 3. P. 1249–1267. doi: 10.1007/s11205-013-0471-z
22. *Liu H., Li Sh., Xiao Q., et al.* Social Support and psychological well-being under social change in urban and rural China // *Social indicators research*. 2014. Vol. 119. № 2, P. 979–996. doi: 10.1007/s11205-013-0534-1
23. *Sheldon K.M., Hoon T.H.* The multiple determination of well-being: independent effects of positive traits, needs, goals, selves, social supports, and cultural context // *Journ. of Happiness Studies*. 2007. V. 8. I. 4. P. 565–592. doi: 10.1007/s10902-006-9031-4
24. *Triandis H.C.* Cultural syndromes and subjective well-being // *Culture and subjective well-being* / Eds. E. Diener, E.M. Suh. Cambridge, MA.: The MIT Press, 2000. P. 13–36.

Basic Beliefs and Cultural Attitudes as Predictors of Emotional and Psychological Well-Being in Urban and Rural Populations

R.M. SHAMIONOV*,

Pedagogical Institute of N.G. Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia, shamionov@mail.ru

The paper presents and discusses outcomes of a research on cultural attitudes and basic beliefs as predictors of psychological and emotional well-being in urban and rural populations. As it was revealed, beliefs contribute to the emotional and psychological well-being of both people living in urban and in rural areas. The rates of regression explaining the variations in psychological well-being by beliefs are higher in those living in rural areas, whereas the rates explaining emotional well-being are higher in urban population. The most significant predictor of the subjective well-being is one's belief in the worth of his/her Self and in other people's kindness. Also, of much importance for the well-being of those living in the cities (in contrast to the rural population) is their belief in luck. The impact of cultural context on the psychological well-being is higher in the rural population, while its impact on their emotional well-being remains unclear. However, if the city represents the impact of vertical individualism, in the rural areas it is horizontal individualism and collectivism that play an important role in the prediction. Thus beliefs and cultural context to a greater extent account for the variations in the psychological well-being in the rural population than in the urban one. Inclusion in a social territorial community also predetermines the differences in the prediction of the emotional and psychological well-being.

Keywords: *personality, emotional well-being, psychological well-being, culture, basic beliefs, prediction.*

Financing

The research was conducted with the assistance of the Russian Foundation for Humanities, project № 14-06-00250a "Structure and Predictors of Subjective Well-Being: Ethnopsychological Analysis".

REFERENCES

1. *Bocharova E.E., Tarasova L.E.* Sub"ektivnoe blagopoluchie i sotsial'naya aktivnost' lichnosti v razlichnykh sotsiokul'turnykh usloviyakh [Subjective well-being and social active of the person in different social and cultural conditions]. *Sovremennye issledovaniya*

For citation:

Shamionov R.M. Basic Beliefs and Cultural Attitudes as Predictors of Emotional and Psychological Well-Being in Urban and Rural Populations. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 4, pp. 109–122. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2015060408

* *Shamionov Rail M.* — Doctor in Psychology, professor, head of the Chair of Social Psychology of Education and Development, Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia, shamionov@mail.ru

- sotsial'nykh problem [Modern Research of Social Problems]*. 2012. no. 8. P. 16. <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues.html> (Accessed 27.06.2015).
2. *Dzhidar'yan I.A.* Predstavlenie o schast'e v rossiiskom mentalitete [The concept of happiness in the Russian mentality]. Sankt Petersburg: Aleteiya, 2001. 268 p.
  3. *Zhukovskaya L.V., Troshikhina E.G.* Shkala psikhologicheskogo blagopoluchiya K.Riff [K. Ryff's scale of psychological well-being]. *Psikhologicheskii zhurnal [Journal of psychology]*. 2011. 32(2), pp. 82–93.
  4. *Kopina O.S., Suslova E.A., Zaikin E.V.* Ekspres-diagnostika urovnya psikhoemotsional'nogo napryazheniya i ego istochnikov. *Voprosy Psichologii*, 1995. no. 3. pp. 119–132.
  5. *Lebedeva N.M.* Tsennostnyi komponent v kharakteristike russkogo natsional'nogo kharaktera i ego vliyanie na ekonomicheskoe razvitie Rossii [Value component in the characteristic of the Russian national character and its influence on the economic development of Russia]. *Mir psichologii [World of psychology]*. 2009. no. 3. pp. 58–68.
  6. *Lebedeva N.M., Osipova E.V.* Vzaimosvyaz' sotsiokul'turnogo konteksta i motivatsii lichnosti s povedeniem i ustanovkami studentov po otnosheniyu k zdorov'yu v Rossii i Kanade [Relationship sociocultural context and motivation a person with students behavior and attitudes to health in Russia and Canada]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya [Almanac of Modern Science and Education]*, 2011. no. 5 (48). pp. 97–106.
  7. *Leontev D.A., Rasskazova E.I.* Chto nuzhno dlya schast'ya: kul'turnye, regional'nye i individual'nye razlichiya i invarianty istochnikov schast'ya [What is necessary for happiness: cultural, regional and individual distinctions and variants of sources of happiness]. *Vestnik KRAUNTs [Herald of KRAUNT]*. Gumanitarnye nauki. 2006. no. 2. pp. 3–12.
  8. *Matsumoto D. (red.)* Psikhologiya kul'tury [Kultural psychology]. Sankt Petersburg: Piter, 2003. 718 p.
  9. *Mishanov E.S.* Kachestvo zhizni sel'chan kak ob"ekt sotsiologicheskoi nauki [Quality of a life of peasants as object of a sociological science]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Samara State University]*. 2007. no. 5–1 (55). pp. 143–150.
  10. *Sokolova G.N., Sechko N.N.* Kachestvo zhizni naseleniya Belarusi v kontekste finansovo-ekonomicheskogo krizisa [Quality of life of Belarus' population in the context of financial and economic crisis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*. 2013. no. 5. pp. 31–40.
  11. *Tarasova L.E.* Predstavleniya o schast'e v fol'klornom i obydennom soznanii [The concepts of happiness in folk and everyday consciousness]. *Problemy sotsial'noi psichologii lichnosti [The problems of social psychology]*. Vyp. 9. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 2011. pp. 60–68.
  12. *Khashchenko V.A.* Sub"ektivnoe ekonomicheskoe blagopoluchie kak prediktor sub"ektivnogo kachestva zhizni [Subjective economic well-being as a predictor of subjective quality of life]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psichologiya [Theoretical and Experimental Psychology]*, 2011. 4(4), pp.13–29.
  13. *Khashchenko N.N.* Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty zhiznedeyatel'nosti lichnosti v razlichnykh ekologicheskikh usloviyakh [Social and psychological aspects of life of the individual in different environmental conditions]. *Psikhologiya cheloveka v sovremennom*

- mire* [Human psychology in modern world]. Moscow: Izd-vo Institut psikhologii RAN, 2009. pp. 186–193.
14. *Shamionov R.M.* Gruppovye tsennosti i ustanovki kak prediktory psikhologicheskogo blagopoluchiya russkikh i kazakhov [Group values as predictors of subjective well-being of Russians and Kazakhs]. *Psikhologicheskije issledovaniya. [Psychology studies]* 2014. T. 7. no. 35. P. 12. <http://psystudy.ru> (Accessed 27.06.2015)
  15. *Chirkov V.I., Ryan R.M., Willness C.* Cultural context and psychological needs in Canada and Brazil: Testing a self-determination approach to internalization of cultural practices, identity and well-being. *Journ. of cross-cultural Psychology*. 2005. Vol. 36(4). pp. 425–443. doi: 10.1177/0022022105275960
  16. *Easterlin R.A., Angelescu L., Zweig J.S.* The impact of modern economic growth on urban -rural differences in subjective well-being. *World development*, 2011, 39(12), pp. 2187–2198. doi:10.1016/j.worlddev.2011.04.015
  17. *Han Ch.* Explaining the subjective well-being of urban and rural Chinese: income, personal concerns, and societal evaluations. *Social science research*, 2015, 49, pp. 179–190. doi: 10.1016/j.ssresearch.2014.08.006
  18. *Inglehart R.* Modernization and postmodernization: cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton: Princeton University Press. 1997.
  19. *Jin, L., Wen M., Fan J.X., et al.* Trans-local ties, local ties and psychological well-being among rural-to-urban migrants in Shanghai. *Social science & medicine*, 2012, Vol. 75(2), pp. 288–296. doi:10.1016/j.socscimed.2012.03.014
  20. *Kim Gh.* The effect of social capital on psychological well-being of rural residents. *Journal of Agricultural Education and Human Resource Development*, 2010, Vol. 42(2), pp. 81–97/
  21. *Liang Y., Wang P.* Influence of prudential value on the subjective well-being of Chinese urban-rural residents // *Social indicators research*, 2014, Vol. 118(3), 1249–1267. doi: 10.1007/s11205-013-0471-z
  22. *Liu H., Li Sh., Xiao Q., et al.* Social Support and psychological well-being under social change in urban and rural China // *Social indicators research*, 2014, Vol. 119(2), pp. 979–996. doi: 10.1007/s11205-013-0534-1
  23. *Heldon K.M., Hoon T.H.* The multiple determination of well-being: independent effects of positive traits, needs, goals, selves, social supports, and cultural context. *Journ. of Happiness Studies*. 2007, V. 8. I. 4. pp. 565–592. doi: 10.1007/s10902-006-9031-4
  24. *Triandis H.C.* Cultural syndromes and subjective well-being. Culture and subjective well-being / Eds. E. Diener, E.M. Suh. Cambridge, MA.: The MIT Press, 2000. pp. 13–36.

Взаимосвязь идентичности потребителя и индивидуальности бренда как фактор приверженности бренду

Н.В. АНТОНОВА*,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
nvantonova@hse.ru

В.Д. МОРОЗОВА**,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
vdmorozova@gmail.com

В статье анализируется взаимосвязь идентичности потребителя и индивидуальности бренда как фактор приверженности потребителя к бренду. Гипотезы исследования: а) существует связь между идентичностью потребителя и индивидуальностью предпочитаемого им бренда; б) чем выше сходство между идентичностью потребителя и индивидуальностью предпочитаемого бренда, тем выше приверженность потребителя данному бренду. Выборка составила 150 человек в возрасте 18–25 лет. Методы исследования: методика Дж. Аакер для исследования индивидуальности бренда и ее модификация — для исследования идентичности, а также методика Ю.Ю. Бровкиной для выявления уровня приверженности бренду. Результаты исследования: получены высокие корреляции между образом себя и образом бренда по шкалам Мужественность, Утонченность, Эмоциональная яркость, а также высокие корреляции между приверженностью и модулем разницы между значениями образа себя и индивидуальности бренда по этим же шкалам. По шкалам Компетентность и Искренность корреляции оказались ниже, хотя также значимы. Таким образом, гипотезы были подтверждены: а) показано, что существует связь между

Для цитаты:

Антонова Н.В., Морозова В.Д. Взаимосвязь идентичности потребителя и индивидуальности бренда как фактор приверженности бренду // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 123–138. doi:10.17759/sps.2015060409

* *Антонова Наталья Викторовна* — кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии, руководитель научно-учебной группы «Психология потребительского поведения», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, nvantonova@hse.ru

** *Морозова Вероника Дмитриевна* — бакалавр психологии, магистрант, сотрудник научно-учебной группы «Психология потребительского поведения», факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, vdmorozova@gmail.com

идентичностью потребителя и индивидуальностью бренда; б) чем выше данная связь, тем выше приверженность предпочитаемому бренду.

Ключевые слова: *бренд, бренд-коммуникация, отношения бренд–потребитель, приверженность бренду, индивидуальность бренда, идентичность потребителя.*

За последние десятилетия возрос интерес к психологическим аспектам маркетинговых коммуникаций, в частности, к психологии воздействия бренд-коммуникации. Начиная с 1998 г., когда С. Фурньер [22] написала статью с теоретическим и эмпирическим обоснованием области Consumer-Brand Relationship, исследователи начали изучать различные аспекты этих отношений [21]. Особенности такого взаимодействия объяснялись с точки зрения самых разных подходов. В фокусе внимания исследователей оказались: взаимосвязь Я-концепции и бренда; преданность бренду; страсть и влюбленность по отношению к бренду [21]. В результате имеется огромное количество раздробленных исследований, которые содержат действительно интересные результаты, но не дают целостной картины взаимоотношений «Бренд–Потребитель».

С. Фурньер [22] сравнивает бренд с живым человеком, отмечая, что бренд не просто является участником межличностного общения, имеющим определенные характеристики, но выступает во взаимодействии с потребителем в качестве «партнера», наделенного человеческими чертами. С. Фурньер выделяет пятнадцать видов взаимоотношений между потребителем и брендом. Она построила иерархию таких отношений, которая состоит из шести основных факторов: 1) взаимозависимость; 2) духовная связь; 3) благосклонность; 4) любовь; 5) близкие отношения; 6) качество отношений. Фурньер утверждает, что упомянутые факторы

служат главными показателями при применении любых методов измерения силы бренда, поэтому их понимание способно повысить результативность управленческих решений.

Последующие исследования в области взаимоотношений «Бренд–Потребитель» позволили установить следующие закономерности:

1. Потребитель идентифицирует себя с брендом, который выбирает [11; 12; 17; 21].

2. Индивидуальность бренда обеспечивает ему приверженных потребителей; чем ярче индивидуальность бренда, тем больше вероятность успешной конкуренции с сильными брендами [11; 12].

3. Личностные особенности потребителей опосредуют их отношение к брендам [27].

4. При взаимодействии бренда и личности происходит коммуникация, причем двусторонне направленная [2].

Приверженность потребителя конкретному бренду рассматривается исследователями как обязательное условие долгосрочных отношений «Бренд–Потребитель» [24; 11]. Термин «лояльность к бренду» (brand loyalty), в переводе с английского означает «верность бренду». Исследователи потребительской лояльности часто апеллируют к пониманию лояльности в организационной психологии, где данное понятие проработано значительно лучше. Однако если в организационной психологии объектом лояльности однозначно рассматривается организация, то в психологии потребительского поведения вопрос об объекте лояльности

не так однозначен [3]. В отечественной психологии потребительского поведения лояльность к бренду рассматривают как аттитюд положительной валентности, направленный на потребление бренда [8]. Бренд рассматривается как основание для категоризации товаров и услуг, так как запускает определенный поток ассоциаций по отношению к продукту [7].

Как в английском языке, так и в русском, у слова «лояльность» есть несколько синонимов: «приверженность», «привязанность», «преданность». В научной литературе термины «лояльность» и «приверженность» к бренду часто используют как синонимичные, эти слова указывают на тесную связь между объектами. В нашем случае такая связь возникает у потребителя с брендом, который он предпочитает чаще остальных.

Начиная с 1930 г., когда исследователи занялись изучением бренда, стало понятно, что бренд вызывает у потребителя сильную эмоциональную привязанность [4]. Практика показывает, что у потребителя складываются определенные «отношения» с предпочитаемым брендом. Удовлетворение потребностей при покупке брендовых вещей заключается в том, что бренд приобретает больший смысл, чем просто набор определенных характеристик. Например, многие потребители покупают исключительно товары «Apple», оставаясь приверженными бренду на протяжении многих лет. В маркетинге лояльность к бренду рассматривается как постоянство покупки товаров той или иной марки/бренда. Американская ассоциация маркетинга определяет приверженность (лояльность) бренду как: «...ситуацию, в которой потребитель обычно покупает товары одного и того же производителя при возникновении

потребности в продукте или услуге на протяжении долго времени» [6]. Однако в силу внешних причин покупка предпочитаемых брендов не всегда возможна, поэтому о приверженности бренду также говорят, когда потребитель стремится к покупке товаров бренда и находится в определенных (позитивно эмоционально окрашенных) отношениях с брендом [2]. Долгое время считалось, что приверженные бренду потребители будут рекомендовать товары своим знакомым, однако исследования показали, что высокий уровень приверженности не всегда способствует распространению информации о бренде [28].

Факторы приверженности бренду

Приверженность бренду рассматривается как многомерный конструкт, определяемый несколькими различными психологическими процессами, такими как воспринимаемая ценность бренда, доверие к бренду, удовлетворенность брендом, покупательское поведение.

Исследования лояльности (приверженности) к бренду получили широкое распространение в США и Европе. Не так давно они начали активно проводиться и в России. Так, А. Цысарь [9] определяет приверженность (лояльность) бренду как положительное отношение покупателя к бренду, торговой марке или услуге, либо в целом к компании, которое является не только следствием рациональных, но и психологических бессознательно воспринимаемых факторов. Таким образом, при изучении лояльности следует учитывать различные факторы, в том числе неосознаваемые.

Среди факторов приверженности бренду выделяют внешние и внутренние факторы.

К внешним факторам лояльности к бренду можно отнести, в первую очередь, социальные нормы и ситуативные факторы [19]. В частности, теория запланированного поведения [13] предполагает, что субъективные нормы являются одним из элементов аттитюда. Под субъективными нормами в данном случае понимаются представления индивида о том, какое поведение значимые другие считают приемлемым и неприемлемым, и мотивация индивида подчиняться этим представлениям.

К внутренним факторам лояльности к бренду относят особенности личности потребителя. Наиболее популярны исследования связи личностных особенностей потребителя и его лояльности к бренду. В исследованиях последних лет используется пятифакторная модель личности «Большая пятерка», включающая в себя следующие черты: экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм и открытость опыту [18]. Так, была обнаружена связь лояльности потребителей с двумя из пяти личностных черт — с экстраверсией и открытостью опыту [26].

Интерес к личностным факторам потребительского поведения вырос в связи с появлением работ Р. Белка [15], который показал, что, потребляя различные товары и услуги, люди конструируют свою идентичность, а также поддерживают ее целостность. При этом потребление может влиять как на личностный, так и на социальный аспекты идентичности. Однако есть свидетельства и обратной связи: особенности идентичности потребителя связаны с предпочтением того или иного бренда [23].

Идентичность потребителя как фактор лояльности к бренду

Идентичность личности — это система представлений о себе, убеждений, ценностей, жизненных целей человека, переживаемая субъективно как ощущение тождественности и постоянства своей личности [1, 20]. Традиционным для психологии является выделение в структуре идентичности двух подструктур: личностной и социальной. Дискуссия о соотношении этих двух подструктур продолжается и сегодня [1; 16], однако мы придерживаемся мнения о тесной взаимосвязи этих подструктур.

Опираясь на модели идентичности, описанные в работах Г. Брейкуэлл [16] и Дж. Марсиа [25], мы выделили следующие структурные компоненты идентичности

1. Содержательное измерение — включает в себя все характеристики, которыми человек пользуется, описывая себя (Образ Я). В содержательном измерении выделяют социальный и личностный компоненты. Личностная идентичность — это самоопределение в терминах физических и личностных черт; социальная идентичность — это самоопределение в терминах групповой принадлежности.

2. Оценочное измерение: каждый элемент содержания идентичности получает оценку, которая приписывается ему индивидом на основе интериоризированных им норм и ценностей.

3. Временное измерение идентичности подразумевает, что развитие идентичности идет в плане субъективного времени. Отдельные Я-концепции — вертикальные срезы этой структуры в различные временные периоды. То есть, в отличие от Х. Тэжфела, мы считаем Я-концепцию составляющей идентичности; последняя объединяет отдель-

ные срезы Я-концепции (Я-прошлое, Я-настоящее, Я-будущее) в единое целостное образование, дающее человеку чувство самотождественности.

По мнению С. А. Ильиных, в обществе потребления идентичность личности базируется на такой потребности, как потребность принадлежности и признания, и сосредоточивается в плоскости принадлежности к определенному «потребительскому» слою, страте потребителей и признании представителями именно этой страты [5]. При этом потребляются не определенные товары, а «стиль жизни», принадлежность к определенной группе, статус. Таким образом, в современном обществе потребление превращается в доступный механизм, позволяющий человеку соотносить себя с конкретными социальными общностями и понять свою тождественность самому себе, т. е. становится механизмом формирования идентичности. Конструируемая в обществе потребления идентичность базируется на потребности принадлежности и признания. Ее особенность проявления в обществе потребления состоит в том, что потребность в принадлежности начинает сосредоточиваться в плоскости принадлежности к конкретному «потребительскому» слою и признании представителями именно этого слоя.

Таким образом, мы рассматриваем идентичность потребителя как целостную систему, включающую социальную и личностную подструктуры и три измерения (содержательное, оценочное, временное). В данном исследовании мы делаем акцент именно на содержательном измерении идентичности, так как именно оно соотносимо с содержанием феномена индивидуальности бренда.

Необходимость изучения идентичности потребителя и восприятия бренда

отмечается А.Л. Шараповой как одно из перспективных направлений активно развивающейся в последние годы отрасли психологии — «социальной психологии потребительского поведения» [10].

Модель индивидуальности бренда Дженнифер Аакер

Дженнифер Аакер [11; 12] разработала модель индивидуальности бренда (brand personality) для описания специфики восприятия бренда потребителем. Под индивидуальностью бренда Дж.Аакер подразумевает набор личностных черт, ассоциируемых с брендом [12]. Дж. Аакер предположила, что измерения бренда аналогичны измерениям личности, и действительно, в своем исследовании она обнаружила пять шкал измерения бренда, которые близки шкалам «Большой пятерки», описывающим личность: искренность (sincerity), возбуждение, эмоциональная яркость (excitement), компетентность (competence), утонченность, изысканность (sophistication), мужественность, прочность (ruggedness) (рис.).

Преобладание того или иного компонента в индивидуальности бренда определяет характер отношений «бренд–потребитель».

1. **Искренность (Sincerity)**. В эту шкалу входят следующие измерения: приземленный, ориентированный на семью, настоящий, старомодный. Отношения с таким брендом подобны тем, которые существуют между любящими и уважаемыми членами семьи.

2. **Возбуждение, эмоциональная яркость (Excitement)** — включает измерения: энергичный, молодой, экстравагантный, современный, необычный.

Рис. Модель индивидуальности бренда Дженнифер Аакер [12]

Такие отношения похожи на встречу на вечеринке с другом, имеющим такую же индивидуальность.

3. **Компетентность** (Competence): исполнительный, влиятельный, консервативный. Отношения «бренд–потребитель» в этом случае похожи на признание достижений человека, например, руководителя.

4. **Изысканность** (Sophistication) — бренд отличается претенциозностью, богатством, пафосом. В этом случае отношения, часто конкурентные, напоминают связь между влиятельными или богатыми людьми.

5. **Мужественность, прочность** (Ruggedness) — спортивный, динамичный. В этом случае отношения подобны контактам на пикнике с друзьями, с которыми общие интересы.

Дж. Аакер считает, что потребитель воспринимает бренд так, как если бы тот был знаменитостью, или известной исторической фигурой, и соотносит его «личность»

с собственной личностью. В результате процесса персонификации (наделения личностными чертами) бренд приобретает набор ассоциаций в терминах личностных черт. В результате появилась гипотеза о том, что чем выше соответствие между чертами личности потребителя и «личностью» (индивидуальностью) бренда, тем вероятнее, что потребитель будет предпочитать этот бренд. Однако исследователи, изучавшие данную проблему, получали противоречивые данные. В частности, взаимосвязь личности потребителя и индивидуальности бренда подтверждена в отношении продуктов «высокой вовлеченности» (автомобили, одежда), но остается открытым вопрос, действуют ли эти механизмы в отношении других товарных категорий, например, продуктов повседневного спроса [23].

Однако мы предполагаем, что взаимоотношения потребителя с брендом определяются не столько его личностными особенностями, сколько представления-

ми о себе, особенностями идентичности. Идентичность формируется в процессе общения, и бренд-коммуникация как разновидность общения несомненно будет воздействовать на нее. С другой стороны, потребитель регулирует и конструирует собственную идентичность с помощью потребления (подход «Я есть то, что я потребляю») [23]. Таким образом, основываясь на модели Дженнифер Аакер и результатах последующих исследований, мы предположили, что близость идентичности потребителя и индивидуальности бренда может определять лояльность к бренду; иными словами, чем ближе индивидуальность бренда идентичности потребителя, тем привлекательнее бренд и выше приверженность к нему.

Эмпирическое исследование: результаты и интерпретация

Цель исследования: установить наличие взаимосвязи между идентичностью потребителя и индивидуальностью бренда, а также характер связи этих переменных с лояльностью к бренду.

Гипотезы.

Существует связь между идентичностью потребителя и индивидуальностью предпочитаемого им бренда.

Чем выше сходство между содержательным измерением идентичности (образом себя) и индивидуальностью предпочитаемого бренда, тем выше приверженность потребителя к данному бренду.

Выборка: 150 человек в возрасте от 18 до 25 лет. Такой возрастной диапазон выбран в связи с тем, что в этом возрасте идет активное становление идентичности, а также активное потребление брендовых товаров. В пилотажном ис-

следовании приняли участие 50 человек, в основном исследовании — 100 человек.

Методы.

В основном исследовании были использованы следующие методики:

1. Методика «Измерение индивидуальности бренда» Дж. Аакер [12] в нашем переводе. Методика Дж. Аакер включает ряд определений, таких как: Приземленный, Честный, Благотворный, Приветливый, Смелый, Энергичный, Одаренный богатым воображением, Современный, Надежный, Интеллигентный, Успешный, Высший класс, Очаровательный, Вольнолюбивый, Стойкий. Предпочитаемый бренд оценивался по этим параметрам с использованием шкалы Лайкерта (от 1 до 5), где 5 — это максимальная оценка бренда по данной характеристике, 1 — минимальная. В основе методики лежит механизм персонификации, поскольку бренд оценивался по тем характеристикам, по которым люди обычно оценивают другого человека. Аналогичным образом по таким же параметрам респондент оценивал себя. При обработке характеристики объединялись в шкалы (в соответствии с моделью Дж. Аакер): Искренний (Приземленный, Честный, Благотворный, Приветливый), Эмоционально яркий (Смелый, Энергичный, Одаренный богатым воображением, Современный), Компетентный (Надежный, Интеллигентный, Успешный), Утонченный, изысканный (Высший класс, Очаровательный) и Мужественный, Прочный (Вольнолюбивый, Стойкий).

2. Методика «Измерение идентичности потребителя» (авторская модификация методики Дж. Аакер, направленная на оценку идентичности потребителя: по тем же шкалам респонденты оценивали себя).

3. Методика «Выявление уровня приверженности к бренду» Ю.Ю. Бровкиной

[2]. Методика включает в себя 40 вопросов, которые разделены на 8 блоков. Блоки характеризуют отдельные стороны отношений «бренд–личность»: восприятие других субъектов, самовосприятие, поведение в торговом центре, восприятие бренд-коммуникации, восприятие себя со стороны, восприятие качества брендированного товара, влияние бренда на стиль поведения индивида, восприятие образов брендированных и небрендированных товаров. Таким образом, методика содержит в себе одну общую шкалу лояльности (приверженности) к бренду.

Минимальное значение уровня лояльности — 0 баллов (противники бренда), максимальное — 40 баллов (приверженные бренду).

В начале общего опросника респондентам предлагалось назвать наиболее предпочитаемый ими бренд, и затем следовали вопросы относительно этого бренда. Таким образом, каждый респондент оценивал свой предпочитаемый бренд, ограничивалась лишь категория — предлагалось назвать наиболее предпочитаемый бренд одежды. Мы выбрали данную категорию брендов потому, что одежда в наибольшей степени связана с «Образом Я» и является средством самовыражения и самопрезента-

ции, и таким образом, изучаемые закономерности могли бы проявиться наиболее ярко именно в данной категории.

Пилотажное исследование проводилось с помощью первых двух методик для того, чтобы оценить возможность их использования для целей основного исследования и надежность получаемых с их помощью результатов.

Результаты

1. Результаты пилотажного исследования.

Пилотажное исследование позволило оценить возможность использования шкал методики Дж. Аакер для целей нашего исследования, разработать инструкцию для второго авторского варианта использования данных шкал (для изучения идентичности), а также проверить шкалы методики Дж. Аакер на надежность. Шкалы методики Дж. Аакер подвергались прямому и обратному переводу, затем проводился опрос на пилотажной выборке (50 человек) по двум вариантам (оценка бренда и оценка себя). Подсчитывался коэффициент Альфа Кронбаха отдельно для каждой шкалы каждого варианта методики (табл. 1, 2).

Таблица 1

Коэффициент Альфа Кронбаха по шкалам на определение индивидуальности бренда

Шкала	Значение
Искренность	0,73
Эмоциональная яркость	0,87
Компетентность	0,76
Изысканность	0,93
Мужественность	0,94

Таблица 2

Коэффициент Альфа Кронбаха по шкалам методики Дж. Аакер, направленным на изучение идентичности потребителя

Шкала	Значение
Искренность	0,67
Эмоциональная яркость	0,84
Компетентность	0,7
Изысканность	0,88
Мужественность	0,93

Таким образом, получаемые данные достаточно надежны (коэффициент Альфа Кронбаха выше 0,6 по всем шкалам).

Возможность использования шкал методики Дж. Аакер мы обосновываем тем, что данная методика изначально разрабатывалась по аналогии с личностным опросником «Большая пятерка» и ориентирована на восприятие бренда как личности, на основе механизма персонификации. Таким образом, данные шкалы, по мнению Дж. Аакер, универсальны как для оценки человека (как другого, так и себя), так и для оценки бренда «как личности». Мы осознаем, что в данном варианте исследование охватывает скорее когнитивный аспект идентичности («Образ Я»), но именно это измерение идентичности, на наш взгляд, релевантно цели нашего исследования — исследования взаимосвязи восприятия себя и восприятия бренда.

2. Результаты основного исследования.

Для проверки первой гипотезы о наличии значимой связи между идентичностью потребителя и индивидуально-

стью бренда был использован критерий Спирмена (табл. 3). По всем шкалам получились значимые ($p \leq 0,001$) значения корреляции. Наиболее высокая корреляция получилась по шкалам Мужественность (0,78), Изысканность (0,64) и Эмоциональная яркость (0,54), несколько ниже — по шкалам Компетентность (0,33) и Искренность (0,26, $p \leq 0,01$).

Для проверки второй гипотезы высчитывалась дельта¹ по каждой из шкал методики Аакер (Искренность, Эмоциональная яркость, Мужественность, Изысканность, Компетентность). Затем эти значения брались по модулю, и с помощью критерия Спирмена проверялась связь со шкалой приверженности с пятью шкалами на измерение связи бренда и личности (табл. 4).

Выявлена обратная корреляция ($p \leq 0,001$) между значением приверженности и разницей между восприятием себя и восприятием бренда по шкалам: Эмоциональная яркость (-0,71), Утонченность (-0,69), Мужественность (-0,83), Компетентность (-0,47), Искренность (-0,33). Таким образом, мы можем заключить, что чем больше различия между восприяти-

¹ Разница между значением по отдельной шкале по методикам Индивидуальности бренда и Идентичности потребителя.

Таблица 3

Корреляция между значениями по соответствующим шкалам методики Дж. Аакер «Индивидуальность бренда» и модификации для измерения идентичности

Бренд \ Я	Искренность	Эмоциональная яркость	Компетентность	Изысканность	Мужественность
Искренность	0,26**				
Эмоциональная яркость		0,54*			
Компетентность			0,33*		
Изысканность				0,64*	
Мужественность					0,78*

Примечание: «*» – $p \leq 0,001$; «**» – $p \leq 0,01$.

ем себя и бренда, тем меньше приверженность к бренду, и наоборот.

Интересно, что наиболее высокие корреляции в обоих случаях получились по шкалам Возбуждение, Утонченность и Прочность. Возможно, это связано с тем, что отношение к бренду затрагивает данные сферы личности в большей степени.

Менее сильные корреляции оказались по шкалам Компетентность и Искренность.

По всей видимости, уровень приверженности связан больше с теми параметрами индивидуальности бренда, которые играют значимую роль в отражении желаемого образа. Измерение Искренность включало в себя такие определения как: Приземлен-

Таблица 4

Корреляция между приверженностью к бренду и степенью различий между индивидуальностью бренда и идентичность потребителя

Шкала методики Дж. Аакер	Приверженность к бренду
Искренность	-0,33
Эмоциональная яркость	-0,71
Компетентность	-0,47
Изысканность	-0,69
Мужественность	-0,83

Примечание: $p \leq 0,001$.

ный, Честный, и т. д. Эти характеристики описывают ту сферу идентичности, которая скрыта от внешних оценок. Очень сложно представить, как бы бренд мог помочь в реализации желания стать честным человеком, хотя интуитивно мы понимаем, что для нас значит «честный бренд», т. е. такой, который не скрывает намерений, не лицемерит. Респонденты, отвечая на данные характеристики, руководствовались, по-видимому, скорее репутацией бренда, нежели какими-то собственными ощущениями при использовании товаров. Таким образом, важно еще учитывать возможность индивидуальности бренда соответствовать представлениям потребителя. Некоторые аспекты личности потребителя, по всей видимости, в меньшей степени соотносимы с внешними атрибутами бренда. Компетентность относится также к разным областям представления о себе и о бренде у респондента. Компетентный человеклицетворяет успешность в работе и жизни, поскольку знает, как использовать свои знания, превращая их в навыки. Компетентный бренд — это марка товаров, которая гарантирует качество, долговечность, надежность товара. И несмотря на то, что обе шкалы измеряются одними и теми же характеристиками, они относятся к разным сферам, и в сознании у потребителя мало влияют друг на друга. Однако данные показатели, хотя и в меньшей степени, но все же связаны с уровнем приверженности, потому что некоторые бренды позиционируют воспринимаемое качество и «интеллигентность» товаров, обеспечивая идентификацию данных качеств потребителем. Вот как один из респондентов оценил выбранный им бренд: «Мой бренд — волевой, надежный, придающий уверенность в завтрашнем дне...». Таким образом, идентификация с брендом может усиливать те аспекты идентичности, которые, возможно, слабее

выражены у индивида, но которые он хотел бы демонстрировать другим людям.

Выводы

Гипотезы подтвердились.

Существует связь между аспектами идентичности потребителя и индивидуальностью предпочитаемого им бренда.

Чем сильнее связь идентичности потребителя с индивидуальностью предпочитаемого им бренда, тем сильнее приверженность к данному бренду.

Заключение

Полученные результаты могут быть использованы как при разработке стратегии построения бренд-коммуникации, так и для различных целей при планировании работы с молодежью (педагогических, развивающих, консультативных).

При разработке стратегии бренд-коммуникации не всегда учитываются личностные механизмы восприятия бренда потребителем, в частности, стремление молодого человека соотносить собственную личность с индивидуальностью выбранного бренда. Более глубокое исследование личностных особенностей целевой группы поможет более эффективно простроить бренд-коммуникацию.

С другой стороны, психологам-консультантам и педагогам будет полезно лучше понимать некоторые механизмы развития личности и становления индивидуальности, связанные с влиянием современных коммуникационных технологий, в частности, бренд-коммуникации. Ведь именно среди молодых людей растет число случаев брендозависимости, они в большей степени подвержены влиянию СМИ и рекламы.

Анализ полученных результатов также поставил новые вопросы в области взаимоотношений «бренд–потребитель»: какие функции способен осуществить бренд в плане конструирования идентичности потребителя, а какие нет? По-видимому, некоторые аспекты идентичности потребителя подвержены бренд-коммуникации в большей степени, чем другие, и мы предполагаем, что это те аспекты, которые связаны с самопрезентацией другим людям. Так, в нашем

исследовании наиболее высокие корреляции между восприятием бренда и себя получились по шкалам Возбуждение, Утонченность и Прочность, менее сильные корреляции оказались по шкалам Компетентность и Искренность. Возможно, это связано с тем, что шкалы Компетентность и Искренность раскрывают внутренние характеристики личности, которые не всегда заметны другим людям. На эти вопросы мы предполагаем найти ответ в дальнейших исследованиях.

Финансирование.

Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№15-05-0052) в рамках Программы «Научный фонд» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2015 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.
2. Бровкина Ю.Ю. Социальная психология бренд-коммуникации: дис. ... докт. психол. наук: 19.00.05. М.: Государственный университет управления, 2009. 466 с.
3. Винокуров Ф.Н. Социально-психологические механизмы потребительской лояльности: дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.
4. Домнин В.Н. Предпочтения бренда — ключевой фактор влияния на потребительский спрос и рыночные показатели фирмы // Бренд-Менеджмент. 2009. № 3. С. 130–144.
5. Ильиных С.А. Психология массовой коммуникации. Новосибирск, НГУЭУ, 2007. 72 с.
6. Маркетинг и торговля. Новый англо-русский толковый словарь / Под общ. ред. М.А. Сторчевого— СПб.: Экономическая школа, 2003. 648 с.
7. Мельникова О.Т., Фоломеева Т.В., Чмыхалова Д.А. Бренд как предмет качественного социально-психологического исследования и объект социального восприятия // Мир психологии. 1999. №. 3. С. 112–120.
8. Фоломеева Т.В., Винокуров Ф.Н. Лояльность потребителей как социальная установка [Электронный ресурс]. Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 23. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.09.2015). 0421200116/0029.
9. Цысарь А. Лояльность покупателей: измерение и управление // Новый Маркетинг [Электронный ресурс]. URL: <http://www.loyaltymarketing.ru/library/loyalty/customer/11-090405.htm> (дата обращения: 12.09.2015)...
10. Шаранова А.Л. Предмет и направления исследования социальной психологии потребительского поведения // [Электронный ресурс]. URL: <http://auts.esrae.ru/pdf/2012/2/43.pdf> (дата обращения: 12.09.2015)...

11. *Aaker J., Garbinsky E.* Cultivating admiration in brands: Warmth, competence, and landing in the “golden quadrant” // *Journal of Consumer Psychology*. 2012. Vol. 22, iss. 2. P. 191–194. doi: 10.1016/j.jcps.2011.11.012
12. *Aaker J.* Dimensions of Brand Personality // *Journal of Marketing Research*. 1997. Vol. 34, iss. 3. P. 347–356. doi: 10.2307/3151897
13. *Ajzen I.* The Theory of Planned Behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. Vol. 50, issue 2. P. 179–211. doi: 10.1016/0749-5978(91)90020-T
14. *Asendorpf J.B., Banse R., Mücke D.* Double discrimination between implicit and explicit personality self-concept: The case of shy behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002, vol. 83, № 2. P. 380–393.
15. *Belk R.W.* Possessions and the Extended Self // *Journal of Consumer Research*. 1988. Vol. 15. Issue 2. P. 139–168. doi: 10/1086/209154
16. *Breakwell G.M.* Coping with threatened identities. L.; N.Y., Methuen, 1986. 222 p.
17. *Chung K., Dongchul H., Seung-Bae P.* The effect of brand personality and brand identification on brand loyalty: Applying the theory of social identification // *Japanese Psychological Research*. 2011, vol. 43, № 4, P. 195–206.
18. *Costa P.T. Jr., McCrae R.R.* NEO PI-R professional manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1992. v. 396, p. 653–665.
19. *Dick A.S., Basu K.* Customer Loyalty: Toward an Integrated Conceptual Framework // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 1994. Vol. 22, issue 2. P. 99–113. doi: 10/1177/0092070394222001
20. *Ericson E.H.* Identity, youth and crisis. N.Y.: W.W. Norton Company, 1968. 336 p.
21. *Fetscherin M., Heinrich D.* Consumer brand relationships research: A bibliometric citation meta-analysis // *Journal of Business Research*. 2015. Vol. 68, issue 2. P. 380–390. doi: 10.1016/j.busres.2014.06.010
22. *Fournier S.* Consumers and Their Brands: Developing Relationship Theory in Consumer Research // *Journal of Consumer Research*. 1998. Vol. 24. № 4. P. 343–373. doi: 10.1086/209515
23. *Huang H.H., Mitchell V.-W., Rosenbaum-Elliott R.* Are Consumer and Brand Personalities the Same? // *Psychology and Marketing*. 2012. V. 29, iss. 5. P. 334–349. doi: 10.1002/mar.20525
24. *Kyunghwa C., Chorong Y., Yuri L.* The influence of luxury brands' cross-border acquisition on consumer brand perception // *Clothing and Textiles Research Journal*. 2014. Vol. 32. P. 219–234. doi:10.1177/0887302X14538117
25. *Marcia J.E.* Identity in adolescence // *Handbook of adolescent psychology* / Ed. By J. Adelson. N.Y.: John Wiley, 1980. P. 213–231.
26. *Matzler K., Bidmon S., Grabner-Kräuter S.* Individual determinants of brand affect: the role of the personality traits of extraversion and openness to experience // *Journal of Product & Brand Management*. 2006. Vol. 15, iss: 7. P. 427–434. doi: 10.1108/10610420610712801
27. *Orth U.R., Limon Y., Rose G.* Store-evoked affect, personalities, and consumer emotional attachments to brands // *Journal of Business Research*. 2010, vol. 63, № 11. P. 1202–1208. doi: 10.1016/j.busres.2009.10.018
28. *Urska T.* The role of consumer-brand identification in building brand relationships // *Journal of Business Research*. 2013, 66. P. 53–59. doi:10.1016/j.jbusres.2011.07.022

Relationship between Consumer Identity and Brand Personality as a Factor of Brand Commitment

N.V. ANTONOVA*,

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
nvantonova@hse.ru*

V.D. MOROZOVA**,

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
vdmorozova@gmail.com*

The article analyzes the relationship between consumer identity and brand personality as a factor of consumer commitment to the brand. We hypothesized that: a) there is a link between consumer identity and preferred brand's personality; b) the higher the similarity between the consumer identity and preferred brand's personality, the higher the brand commitment. The sample included 150 subjects aged 18–25. Methods: the method of J. Aaker was used to study brand personality, and its modification was used to study consumer identity. The questionnaire of J. Brovkina was used to study brand loyalty. Results: high correlations between consumer identity and brand personality were obtained on the scales Ruggedness, Sophistication, Excitement, and high correlations between brand loyalty and deltas of the values of consumer identity and brand personality on the same scales were also discovered. On the scales of Competence and Sincerity the correlations were lower, although important as well. Thus, the hypotheses were confirmed: a) it is shown that there is a correlation between consumer identity and brand personality; b) the higher this correlation is, the higher is the commitment to the preferred brand.

Keywords: *brand, brand communication, brand-consumer relationship, brand commitment, brand personality, consumer identity.*

Financing

The article was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2015 (grant №(№15-05-0052) and supported within the framework of a subsidy granted to the HSE by the Government of the Russian Federation for the implementation of the Global Competitiveness Program

---

For citation:

Antonova N.V., Morozova V.D. Relationship between Consumer Identity and Brand Personality as a Factor of Brand Commitment. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society, 2015. Vol 6, no. 4, pp. 123–138. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2015060409

* *Antonova Natalia V.* — PhD in Psychology, associate professor, Organizational Psychology Department, head of the “Psychology of Consumer Behaviour” research and training group, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, nvantonova@hse.ru

** *Morozova Veronika D.* — Bachelor (Psychology), MSc Student, member of the “Psychology of Consumer Behaviour” research and training group, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, vdmorozova@gmail.com

REFERENCES

1. Antonova N.V. Problema lichnostnoi identichnosti v interpretatsii sovremennogo psikhooanaliza, interaktsionizma i kognitivnoi psikhologii. [Problem of personal identity in interpretation of contemporary psychoanalysis, interactionism and cognitive psychology]. // *Voprosy psikhologii*. 1996. no 1. pp. 131–143.
2. Brovkina J. Sotsial'naya psikhologiya brend-kommunikatsii. [Social psychology of brand communication]. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk. Moscow, Gosudarstvennyi Universitet Upravleniya, 2009. 466 p.
3. Vinokurov F.N. Sotsial'no-psikhologicheskie mekhanizmy potrebitel'skoi loyal'nosti. [Social-psychological mechanisms of consumer loyalty]. Diss. ... kand. psikhol. nauk. Moscow, 2012.
4. Domnin V.N. Predpochteniya brenda-klyuchevoi faktor vliyaniya na potrebitel'skii spros i rynochnye pokazateli firmy. [Brand preference the key factor of influence the consumer demand and market performance of the company]. *Brend-Menedzhment*, 2009, no 3, pp. 130–144.
5. Il'inykh S.A. Psikhologiya massovoi kommunikatsii. [Mass Communication Psychology]. Novosibirsk, NGUEU, 2006. 72 p.
6. Marketing i trgovlya. Novyi anglo-russkii tolkovyi slovar'. [Marketing and Trade. The new English-Russian dictionary]. Pod obshechi red. Storchevogo M.A. Saint-Petersburg: «Ekonomicheskaya shkola», 2003. 648 p.
7. Mel'nikova O.T., Folomeeva T.V., Chmykhalova D.A. Brend kak predmet kachestvennogo sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya i ob'ekt sotsial'nogo vospriyatiya. [Brand as a subject of qualitative social-psychological investigation and an object of social perception]. // *Mir psikhologii*. 1999. №. 3. P. 112–120.
8. Folomeeva T.V., Vinokurov F.N. Loyal'nost' potrebitel' kak sotsial'naya ustanovka. [The consumer loyalty as a social attitude]. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2012, T. 5. no. 23. pp. 5. [Elektronnyi resurs] URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 12.09.2015). 0421200116/0029.
9. Tsysar' A. Loyal'nost' pokupatelei: izmerenie i upravlenie. [Customer loyalty: measurement and control]. *Novyi Marketing*. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.loyaltymarketing.ru/library/loyalty/customer/11-090405.htm> (data obrashcheniya: 12.09.2015).
10. Sharapova A.L. Predmet i napravleniya issledovaniya sotsial'noi psikhologii potrebitel'skogo povedeniya. [Subject and investigation approaches in social psychology of consumer behaviour]. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://auts.esrae.ru/pdf/2012/2/43.pdf>. (data obrashcheniya: 12.09.2015).
11. Aaker J., Garbinsky E. Cultivating admiration in brands: Warmth, competence, and landing in the “golden quadrant”. *Journal of Consumer Psychology*, 2012. Vol. 22, iss. 2, pp. 191–194. doi: 10.1016/j.jcps.2011.11.012
12. Aaker J. Dimensions of Brand Personality. *Journal of Marketing Research*, 1997, vol. 4, iss. 3, pp. 347–356. doi: 10.2307/3151897
13. Ajzen I. The Theory of Planned Behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991, vol. 50, issue 2, pp. 179–211. doi: 10.1016/0749-5978(91)90020-T.
14. Asendorpf J. B., Banse R., Mücke D. Double discrimination between implicit and explicit personality self-concept: The case of shy behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002, vol. 83, № 2. P. 380–393.
15. Belk R.W. Possessions and the Extended Self. *Journal of Consumer Research*, 1988, Vol. 15. Issue 2, P. 139–168. doi: 10/1086/209154.

16. *Breakwell G.M.* Coping with threatened identities. L.; N.Y., Methuen, 1986. 222 p.
17. *Chung K., Dongchul H., Seung-Bae P.* The effect of brand personality and brand identification on brand loyalty: Applying the theory of social identification. *Japanese Psychological Research*, 2001, vol. 43, № 4, P. 195–206.
18. *Costa P.T.Jr., McCrae R.R.* NEO PI-R professional manual. Odessa, FL: *Psychological Assessment Resources*, 1992. v. 396, p. 653–665.
19. *Dick A.S., Basu K.* Customer Loyalty: Toward an Integrated Conceptual Framework. *Journal of the Academy of Marketing Science*, 1994, Vol. 22 Issue 2, pp. 99–113. doi: 10/1177/0092070394222001.
20. *Ericson E.H.* Identity, youth and crisis. N.Y.: W.W.Norton Company, 1968. 336 p.
21. *Fetscherin M., Heinrich D.* Consumer brand relationships research: a bibliometric citation meta-analysis. // *Journal of Business Research*, 2015. Vol. 68, iss. 2, P. 380–390. doi: 10.1016/j.busres.2014.06.010.
22. *Fournier S.* Consumers and their brands: developing relationship theory in consumer research. *Journal of Consumer Research*, 1998. Vol. 24, №. 4, P. 343–373. doi: 10.1086/209515
23. *Huang H.H., Mitchell V.-W., Rosenbaum-Elliott R.* Are Consumer and Brand Personalities the Same? *Psychology and Marketing*, 2012. V. 29, iss. 5, P. 334–349. doi: 10.1002/mar.20525
24. *Kyunghwa C., Chorong Y., Yuri L.* The influence of luxury brands' cross-border acquisition on consumer brand perception. // *Clothing and Textiles Research Journal*, 2014. Vol. 32, P. 219–234, doi:10.1177/0887302X14538117
25. *Marcia J.E.* Identity in adolescence // *Handbook of adolescent psychology* / Ed. By J.Adelson. N.Y.: John Willey, 1980. P. 213–231.
26. *Matzler K., Bidmon S., Grabner-Kräuter S.* Individual determinants of brand affect: the role of the personality traits of extraversion and openness to experience.// *Journal of Product & Brand Management*, 2006. Vol. 15. iss: 7, p. 427–434. doi: 10.1108/10610420610712801.
27. *Orth U.R., Limon Y., Rose G.* Store-evoked affect, personalities, and consumer emotional attachments to brands. // *Journal of Business Research*. 2010, 63 № 11, P. 1202–1208. doi: 10.1016/j.busres.2009.10.018
28. *Urška T.* The role of consumer-brand identification in building brand relationships. *Journal of Business Research*, 2013, 66, p. 53–59. doi:10.1016/j.jbusres.2011.07.022

Негарантированная работа как социально-психологический феномен

Т.С. ЧУЙКОВА*,

*Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы
(ФГБОУ ВПО БГПУ имени М. Акмуллы), Уфа, Россия,
cts1004@bspu.ru*

В статье рассматривается относительно новый феномен — «негарантированная работа». Анализируются трактовки данного феномена, предложенные разными авторами, зарубежными и отечественными, социально-экономические детерминанты негарантированной работы и ее последствия для индивида и организации. Намечаются пути преодоления негативных последствий негарантированной работы на уровне индивида, организации и общества.

Ключевые слова: трудовая занятость, безработица, негарантированная работа, ресурсы совладания.

В последние два десятилетия безработица приобрела стабильный характер, тем самым перейдя в ранг глобальных проблем человечества. В настоящее время, пожалуй, ни одно правительство в мире не способно обеспечить населению гарантий полной занятости. Как следствие увеличения масштабов безработицы, в мире возник феномен негарантированной работы, который охватывает существенно больший процент населения, чем реальная безработица, и становится наряду с ней не менее серьезной проблемой. По выражению француз-

ского социолога и философа Пьера Бурдьё, «негарантированность вездесуща», и далее автор поясняет: «Объективная ненадежность положения способствует всеобщей субъективной неуверенности, поражающей сегодня в условиях высококоразвитого народного хозяйства всех наемных работников, включая тех, кто вообще не затронут ею или затронут косвенно» [1].

В недавнем прошлом, в условиях классической, полной занятости человек осуществлял трудовую деятельность в рамках единственной профессии, яв-

---

Для цитаты:

Чуйкова Т.С. Негарантированная работа как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 139–149. doi:10.17759/sps.2015060410

* *Чуйкова Татьяна Сергеевна* — кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии и девиантологии, факультет психологии, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (ФГБОУ ВПО БГПУ имени М. Акмуллы), Уфа, Россия, cts1004@bspu.ru

лявшейся источником доходов и самоидентификации, характеризовавшейся непрерывностью и поступательностью вплоть до выхода на пенсию. В настоящее время все большее распространение получают новые формы занятости: на условиях неполного рабочего дня, неполной недели, работы по совместительству, временной работы, самозанятости и др. Все чаще человек вынужден менять сферы своей деятельности или совмещать их в определенные периоды времени, сочетая разные источники заработка, не имея гарантий их сохранения. Отчетливая разница между занятостью и безработицей стирается, уступая место переходным формам, так называемым комбинированным формам занятости, совмещающим в себе элементы занятости и безработицы, представленным в итоге гибкой неполной изобилующей рисками занятостью [5, с. 107].

Люди, проживающие в разных странах, характеризующихся различным социально-экономическим контекстом, все чаще испытывают схожие чувства страха лишиться работы. Так, В. Гимпельсон и Г. Монусовой в 2010 г. было проведено широкомасштабное исследование, направленное на выявление уровня страха безработицы в различных странах, а также выяснение факторов, обуславливающих этот страх. Выборку исследования составили люди трудоспособного возраста, проживающие в 30 странах. Авторы зафиксировали значительную межстрановую вариацию в значениях индекса страха безработицы. В наименьшей степени, по их данным, безработицы боятся жители англосаксонских и скандинавских стран, в наибольшей — постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, включая Россию. Такие различия носят, по мнению авто-

ров, достаточно устойчивый характер. На основе анализа данных авторы также отмечают, что фактический уровень безработицы повышает страновой индекс страха. Для постсоциалистических стран эта зависимость слабее, поскольку здесь высокий уровень опасений возможен и при умеренной безработице. Это, по предположению авторов, отражает как более рациональное отношение населения стран с развитой капиталистической экономикой к реальным рискам на рынке труда, так и наличие в этих странах эффективных механизмов социальной поддержки безработных. Страх безработицы варьирует по отдельным социальным группам между странами и внутри стран. Например, «боящихся», при прочих равных условиях, меньше среди мужчин, обладателей высшего образования, работников в младших и старших возрастных группах, имеющих семью. Занятость в государственном секторе ослабляет опасения потерять работу [2].

В настоящее время в самых разных странах мира все более активно проводятся исследования, посвященные проблематике негарантированной работы. Изучение феномена негарантированной работы (job insecurity) датируется началом 80-х годов прошлого столетия. Одно из первых определений этому феномену дали Л. Гринхалт и З. Розенблат (Greenhalgh, Rosenblatt), описывая его как «... беспомощность человека в сохранении работы в неблагоприятной ситуации» [цит. по: 11, с. 365]. Т.В. Элст (Elst) с соавторами приводят и другие определения, все они появились в девяностые годы. Перечислим их вслед за авторами:

- «... разница между уровнем гарантированности, которую человек переживает, и тем уровнем, который бы он

или она предпочли» (Jacobson, Hartley, 1991);

- «... ожидания человека в отношении сохранения работы в сложившейся ситуации» (Davy, Kinicki, Scheck, 1997);

- «... общее беспокойство по поводу сохранения работы в будущем» (Rosenblatt, Ruvio, 1996);

- «... восприятие работником потенциальной угрозы сохранению настоящей работы» (Heany, Isreal, House, 1994).

Авторы приведенного здесь обзора определений негарантированной работы отмечают общие черты, сближающие эти определения и, по нашему мнению, представляющие наиболее существенные характеристики рассматриваемого феномена:

- во-первых, негарантированность работы представляет собой субъективное переживание, являющееся результатом восприятия и интерпретации актуальной ситуации на работе. Это означает, что одна и та же ситуация на работе может вызвать разные переживания у работников;

- во-вторых, негарантированность работы рассматривается как нежелательный феномен. Поэтому он не касается тех людей, которые предпочитают неопределенный статус работы, выбирая, в силу разных обстоятельств, работу на временной основе;

- в-третьих, негарантированность в отношении будущего, которая рассматривается в качестве основного ядра в переживании негарантированности работы [11, с. 365; см. также: 9; 20].

Придерживаясь выделенных характеристик, авторы дают свое определение негарантированной работе: «... субъективно воспринимаемая и нежелательная вероятность потерять работу в будущем, а также страх и беспокойство, связанные

с этой возможностью потери работы» [11, с. 365].

По своей структуре рассматриваемый феномен включает в себя когнитивный компонент (восприятие вероятности потери работы), а также эмоциональный компонент (беспокойство, сопровождающее восприятие такой возможности). Эти два компонента выделяются на теоретическом уровне, в реальном переживании они представлены в неразрывной взаимосвязи [11]. Основываясь на идее, что ожидание или антиципация угрозы может иметь более серьезные последствия, чем реализованная угроза, негарантированность работы рассматривается как один из значимых профессиональных стрессоров, нарушающих нормальное функционирование работников [8; 20].

А.Н. Демин использует для обозначения данного феномена термин «ненадежная работа» и трактует его более широко, включая в него помимо высокой вероятности увольнения, уменьшение объемов занятости, изменение оплаты труда, смены должностной позиции [3; 4]. Следует отметить, что автор не одинок в своей трактовке феномена: в литературе, посвященной данной проблематике, называют два подхода: количественный и качественный [15]. В рамках количественного подхода негарантированная работа понимается как восприятие угрозы лишиться работы в настоящем или будущем. В соответствии с качественным подходом рассматриваются потенциальные потери конкретных аспектов, характеризующих занятость, в частности и тех, о которых пишет А.Н. Демин. Другие авторы называют дополнительные аспекты, такие как возможность продвижения в должности и свобода в планировании рабочего расписания, которые также могут подвергаться угрозе и

вносить весомый вклад в восприятие работы как негарантированной, особенно когда эти аспекты обладают выраженной ценностью для человека [6, с. 804].

Появление и широкое распространение негарантированной работы увязывается с кардинальными изменениями, происходящими в настоящее время в экономиках большинства стран: процессами глобализации и информатизации, затронувшими все страны, возросшей конкуренцией между компаниями на мировом рынке, быстрым ростом технологических инноваций, ослаблением процессов регуляции занятости со стороны государств (часто речь идет о дерегуляции), усилением требований к гибкости поведения компаний и работников на рынке труда во всем мире и др. Следствиями этих процессов явились реструктуризация производств и компаний (применение, например, аутсорсинга), интенсификация загруженности персонала, резко возросшее число увольнений и сокращений работников [17].

В качестве основных следствий переживания негарантированности работы называют снижение удовлетворенности работой, ослабление приверженности (лояльности) по отношению к организации, увеличение текучести кадров. Эти и другие последствия негарантированной работы зафиксированы в нескольких мета-исследованиях, проведенных в ряде стран. Так, в недавнем исследовании, проведенном на 172 выборках с общим охватом 132927 работников, были получены корреляционные связи между негарантированностью работы и ухудшением производительности труда ($r=-0,21$), снижением доверия к организации ($r=-0,49$), ухудшением психологического ($r=-0,28$) и физического здоровья ($r=-0,23$) [8].

Вследствие таких серьезных последствий проблема негарантированной работы привлекает растущее внимание исследователей многих стран. Весомым подтверждением возросшей актуальности данной проблематики являются библиометрические данные последних лет. Так сообщается, что поиск научных статей, индексируемых в международной базе PsycInfo, по ключевому слову «job insecurity», выявил более 500 статей, опубликованных в реферируемых научных журналах за последние 25 лет авторами, проживающими в Европе, Азии, Австралии, странах Ближнего Востока, Африки, Северной и Южной Америки [17].

Проблема негарантированной работы активно обсуждалась на XVI Конгрессе Европейской ассоциации психологов труда и организационных психологов, главном научном мероприятии ассоциации, проводимом каждые два года. Конгресс проходил в июне 2013 г. в Мюнстере (Германия), под красноречивым девизом: «Представляя будущее: как мы хотим работать завтра». Два симпозиума Конгресса были посвящены теме негарантированной работы, на них обсуждались такие аспекты, как следствия негарантированной работы для индивида и его семьи; факторы, обуславливающие переживание негарантированности работы; психологические механизмы воздействия ситуации негарантированной работы на личность человека; роль социально-психологического климата и основных составляющих психологического капитала в переживании и совладании в ситуации негарантированной работы, а также ряд других аспектов [16, с. 15–22]. Большинство докладов и сообщений имели ярко выраженную прикладную направленность и сопровождались рекомендациями для руко-

водителей организаций, а также для политиков в выстраивании экономической стратегии развития своих стран.

Можно говорить о последствиях негарантированной работы для индивида, организации и общества в целом. На уровне индивида негарантированная работа проявляется увеличением заболеваемости, выявляемой на основе самоотчетов, а также по объективным показателям, ростом депрессии и тревоги. Часто отмечаются психосоматические нарушения: расстройства сна, головкружение, потеря аппетита [6]. Как правило, условия негарантированной работы сопровождаются высоким рабочим напряжением, которое порождается увеличением требований к результатам и объему выполненной работы в сочетании со снижением участия работника в выборе способов выполнения работы и принятия решений. Оба эти фактора, по результатам исследований, порождают вышеописанные негативные следствия, поэтому работники, находясь в ситуации негарантированной работы, часто испытывают двойной стресс и нуждаются в особой помощи и поддержке [10].

Негативные последствия для организации определяются увеличением случаев отсутствия сотрудников на рабочем месте, ослаблением вовлеченности их в работу и лояльности по отношению к организации, общим снижением продуктивности работы. Суммарный эффект всех перечисленных потерь определяет негативные последствия для общества в целом. Психологический механизм, запускающий цепочку негативных следствий, может быть описан следующим образом: восприятие ситуации негарантированной работы как стрессовой через негативные эмоциональные реакции (эмоциональное опустошение и сниже-

ние общего уровня энергии) приводит к формированию отстраненного отношения к работе, которое проявляется в снижении мотивации и удовлетворенности работой, ослаблении приверженности организации и появлении или укреплении намерения уволиться или перейти на другую работу. Корреляционные связи, отражающие подобные следствия, зафиксированы в ряде исследований. Так, в упомянутом ранее исследовании [8] сообщаются следующие значения корреляционных связей негарантированной работы: с удовлетворенностью работой — $r=-0,43$; с уровнем приверженности организации — $r=-0,35$; с намерением уволиться — $r=0,32$. Указывается, что эти значения соответствуют данным, полученным в более раннем исследовании, также проведенном на основе мета-анализа [19].

Даниэль и Джейсон Фриман (Daniel Freeman, Jason Freeman) [12, с. 56–57] в своем исследовании паранойи рассматривают условия негарантированной работы в качестве одного из влиятельных социальных факторов ее развития, наряду с урбанизацией и изоляцией. В этой связи они отмечают все более усиливающееся вытеснение постоянной, стабильной занятости различными формами работы на условиях краткосрочных контрактов и неполной занятости. Такие условия, по мнению авторов, неизбежно порождают чувство неопределенности, стресс, а также конкуренцию на рабочем месте, побуждая работника воспринимать своих коллег в качестве потенциальных конкурентов, следовательно, как угрозу собственной занятости.

В исследованиях выявлены гендерные различия в воздействии условий негарантированной занятости на человека. Так, результаты исследования, прове-

денного А. Рихтер (Richter), показали, что наиболее подвержены негативным эффектам негарантированной работы мужчины в возрасте от 30 до 50 лет, так как на них лежит ответственность за обеспечение семьи. Так же было установлено ухудшение семейного климата, если супруг находится в условиях ненадежного труда. В то же время на женщинах этот эффект проявлялся значительно меньше [18, с. 4].

Ряд авторов указывают на негативный эффект негарантированной работы, соотносимый по своей выраженности с безработицей. Так, в исследовании австралийских ученых [7] было выявлено, что работа, сопровождаемая разного рода стрессорами, среди которых на одно из первых мест авторы помещают отсутствие гарантий ее сохранения, негативно влияет на здоровье работников, и этот эффект может быть не менее выраженным, чем в ситуации отсутствия работы. Авторы делают следующий вывод в отношении стратегии менеджмента, которая в настоящее время доминирует в организациях, следствиями которой является сокращение гарантий стабильной трудовой занятости для работников: решая текущие задачи, в долгосрочной перспективе такая стратегия оказывает негативный эффект на физическое и психическое здоровье трудового населения и существенно увеличивает бремя финансовых затрат на его восстановление и поддержание. Сходную точку зрения высказывает Б. Граец (Graetz) [14], отмечая, что неудовлетворенность работой (а мы знаем, что это одно из распространенных следствий ситуации негарантированной работы) может оказывать не менее сильное негативное влияние на здоровье, физическое и психическое, чем отсутствие работы.

Зададимся вопросами: какими ресурсами обладает личность, чтобы противостоять ситуации негарантированной работы, чтобы выйти из нее окрепшей, обозначившей для себя новые перспективы и реальные пути последующей профессиональной самореализации? Какой вклад в этот позитивный процесс может внести, в свою очередь, организация, которая также несет потери в ситуациях реорганизаций, сопровождающихся кадровыми перестановками и увольнением персонала? И какие механизмы в обеспечении защиты трудоспособного населения от безработицы и необеспеченной занятости должно предусмотреть и внедрить в практику государство? Ответы на сформулированные здесь вопросы требуют специального исследования и глубокого анализа соответствующей литературы. Мы обозначим лишь некоторые идеи, продвигающие нас на этом пути и требующие последующей разработки.

Большим потенциалом в определении оптимального поведения человека в современных постоянно меняющихся условиях рынка труда обладает, с нашей точки зрения, направление исследований, связанных с разработкой понятия «способность к занятости» (employability) [13]. Авторы рассматривают это понятие как комбинацию трех компонентов: 1) личностной адаптивности, 2) профессиональной идентичности, 3) социального и человеческого капитала. Адаптивность характеризует готовность и способность индивида менять свои поведение, чувства и мысли в соответствии с меняющимися требованиями среды. Второй компонент — профессиональная идентичность — представляет собой способ, посредством которого индивид определяет себя в контексте профессии, своего рода «когнитивный компас», используемый

для управления возможностями, которые предоставляет профессия. Сюда относят мотивационные установки, личностный смысл и индивидуальные ценности, связанные с профессией. Подчеркнем — именно с профессией, а не конкретной должностью, и сошлемся в этой связи на точку зрения Дж.М. Кэррол (Carrol) [16, с. 9], который отмечает, что люди в формировании своей идентичности становятся более автономными от производственной организации, в которой они работают. Автор предсказывает также усиление этой тенденции в будущем: все больше разнообразных сообществ, не только связанных с работой, будут определять идентичность человека, соответственно человек, в силу множественности и разнообразия таких сообществ и институтов, становится более автономным и ответственным членом общества. Возросшие автономность и ответственность индивида являются, по нашему мнению, охранительным фактором для личности в условиях современных организаций, характеризующихся все менее стабильным обеспечением работы и сохранением ее основных параметров и характеристик.

Третий компонент способности к занятости образуют человеческий и социальный капитал. Под человеческим капиталом понимаются образование, опыт работы, навыки, уровень квалификации, профессиональные умения и знания. Вкладывая в свое последующее образование, индивид увеличивает свой чело-

веческий капитал, тем самым развивая способность к занятости и повышая шансы сохранить за собой рабочее место или получить другое, с более перспективными возможностями [13]. Некоторые авторы указывают, как на обозначившуюся в настоящее время тенденцию, на более тесную интеграцию профессиональной активности и обучения в течение всей профессиональной жизни человека, а также на усиление ответственности самого человека за свое обучение и развитие в течение жизни [16, с. 9].

Социальный капитал отражает интерперсональный аспект в рассматриваемом конструкте, охватывает социальные сети формального и неформального характера, имеющиеся у индивида, и прямо или косвенно относящиеся к его профессиональной деятельности [13]. В комплексе все эти компоненты могут обеспечить человеку конкурентные преимущества на рынке труда, помочь ему поступательно выстраивать свою профессиональную карьеру, своевременно и адекватно реагируя на изменяющиеся условия. Соответственно в организациях и обществе в целом должны быть созданы необходимые условия для формирования и поддержания у человека профессиональной идентичности, для укрепления социального и психологического капитала, формирования соответствующих знаний и умений, повышения образовательного уровня в течение всей жизни.

Финансирование:

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда и Академии наук Республики Башкортостан (проект № 15-16-02017 «Отношение к работе в условиях негарантированной занятости»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Негарантированность повсюду [Электронный ресурс]. URL: http://www.akchurin-nn.narod.ru/text_flex.htm (дата обращения: 16.11.2013).
2. Гимпельсон В., Моусова Г. Страх безработицы: опыт межстрановых сопоставлений // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 117–138.
3. Демин А.Н. Психологическое измерение ненадежной работы // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 1. С. 71–76.
4. Демин А.Н., Петрова И.А. Психологические эффекты угрозы потери работы // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 6. С. 38–49.
5. Попов Ю.Н., Шевчук А.В. Введение в социологию труда и занятости: учеб. пособие. М.: Дело, 2005. 200 с.
6. Ashford S.J., Lee C., Bobko P. Content, causes, and consequences of job insecurity: A theory-based measure and substantive test // Academy of Management Journal. 1989. Vol. 32. № 4. P. 803–829.
7. Broom D.H., D'Souza R.M., Strazdins L., Butterworth P., Parslow R., Rodgers B. The lesser evil: Bad jobs or unemployment? A survey of mid-aged Australians // Social Science & Medicine. 2006. Vol. 63. P. 575–586.
8. Cheng G.H.L., Chan D. K.S. Who suffers more from job insecurity? A meta-analytic review // Applied Psychology: An International Review. 2008. Vol. 57. № 2. P. 272–303.
9. De Witte H. Job insecurity and psychological well-being: Review of the literature and exploration of some unresolved issues // European Journal of Work and Organizational Psychology. 1999. Vol. 8. № 2. P. 155–177. doi: 10.1080/135943299398302
10. D'Souza R.M., Strazdins L., Lim L.L-Y., Broom D.H., Rodgers B. Work and health in a contemporary society: demands, control, and insecurity // Epidemial Community Health. 2003. Vol. 57. P. 849–854. doi:10.1136/jech.57.11.849
11. Elst T.V., De Witte H., De Cuyper N. The Job Insecurity Scale: A psychometric evaluation across five European countries // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2014. Vol. 23. № 3. P. 364–380.
12. Freeman D., Freeman J. Paranoia: the twenty-first century fear. Oxford, UK: Oxford University Press, 2008. 189 p.
13. Fugate M., Kinicki A.S., Ashforth B.E. Employability: A psycho-social construct, its dimensions, and applications // Journal of Vocational Behavior. 2004. Vol. 65. P. 14–38. doi: 10.1016/j.jvb.2003.10.005
14. Graetz B. Health consequences of employment and unemployment: Longitudinal evidence for young men and women // Social Science & Medicine. 1993. Vol. 36. № 6. P. 715–724.
15. Hellgren J., Sverke M. Does job insecurity lead to impaired well-being or vice versa? Estimation of cross-lagged effects using latent variable modeling // Journal of Organizational Behavior. 2003. Vol. 24. P. 215–236. doi: 10/1002/job.184
16. Imagine the future world: How do we want to work tomorrow? Abstract proceedings of the 16th EAWOP Congress // G. Hertel, C. Binnewies, S. Krumm, H. Holling (Eds.) [Электронный ресурс] Munster, 2013. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:hbz:6-66399491491>. (Accessed: 12.09.2013).

17. *Konig C.J., Probst T. M., Staffen S., Graso M.* A Swiss-US comparison of the correlates of job insecurity // *Applied Psychology: An International Review*. 2011. Vol. 60. № 1. P. 141–159. doi:10.1111/j.1464-0597.2010.00430.x
18. *Richter A.* Job insecurity and its consequences: Investigating moderators, mediators and gender: University dissertation from Stockholm: Department of Psychology. Stockholm University, 2011. 99 p.
19. *Sverke M., Hellgren J.* The nature of job insecurity: Understanding employment uncertainty on the brink of a new millennium // *Applied Psychology: An International Review*. 2002. Vol. 51. № 1. P. 23–42. doi: 10.1111/1464-0597.0077z
20. *Sverke M., Hellgren J., Naswal K.* No security: A meta-analysis and review of job insecurity and its consequences // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2002. № 7. P.242–264. doi: 10.1037//1076-8998.7.3.242

Job Insecurity as a Social Psychological Phenomenon

T.S. CHUYKOVA*,
M. Akmullah Bashkir Pedagogical University, Ufa, Russia,
cts1004@bspu.ru

The paper addresses a relatively new phenomenon of job insecurity. It provides an analysis of the various interpretations of the phenomenon given by Russian and foreign researchers, focuses on its social economical determinants and consequences for individuals and organizations. The paper concludes with an outline of some possible ways of overcoming the negative consequences of job insecurity – as for individuals, as for organizations, as for the society as a whole.

Keywords: *employment, unemployment, job insecurity, coping resources.*

Financing

The research was conducted with the assistance of the Russian Foundation for Humanities and the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (project № 15-16-02017 “Attitude to Work and Job Insecurity”).

REFERENCES

1. *Burd'e P.* Negarantirovannost' povsjudu [Elektronnyi resurs] [Insecurity is everywhere]. Available at: http://www.akchurin-nn.narod.ru/text_flex.htm (Accessed 16.11.2013).
  2. *Gimpel'son V., Monusova G.* Strah bezraboticy: opyt mezhstranovykh sopostavlenij [The fear of unemployment: experience of comparison among countries]. *Voprosy jekonomiki [Questions of Psychology]*, 2010, no. 2, pp. 117–138.
  3. *Demin A.N.* Psihologicheskoe izmerenie nenadezhnoj raboty [Psychological dimension of insecure job]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie [Man. Society. Management]*, 2008, no. 1, pp. 71–76.
  4. *Demin A.N., Petrova I.A.* Psihologicheskie jeffekty ugrozy poteri raboty [Psychological effects of threat of joblessness]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]*, 2010, vol. 31, no. 6, pp. 38–49.
  5. *Popov Ju.N., Shevchuk A.V.* Vvedenie v sociologiju truda i zanjatosti: ucheb. Posobie [Introduction in sociology of work and employment: tutorial]. Moscow, 2005. 200 p.
  6. *Ashford S.J., Lee C., Bobko P.* Content, causes, and consequences of job insecurity: A theory-based measure and substantive test // *Academy of Management Journal*. 1989. Vol. 32. no. 4. pp. 803–829.
-

For citation:

Chuykova T.S. Job Insecurity as a Social Psychological Phenomenon. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 4, pp. 139–149. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2015060410

* *Chuykova Tatiyana S.* – PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Applied Psychology and Deviantology, M. Akmullah Bashkir Pedagogical University, Ufa, Russia, cts1004@bspu.ru

7. *Broom D.H., D'Souza R.M., Strazdins L., Butterworth P., Parslow R., Rodgers B.* The lesser evil: Bad jobs or unemployment? A survey of mid-aged Australians // *Social Science & Medicine*. 2006. Vol. 63. pp. 575–586.
8. *Cheng G. H. L., Chan D. K. S.* Who suffers more from job insecurity? A meta-analytic review // *Applied Psychology: An International Review*. 2008. Vol. 57. no. 2. pp. 272–303.
9. *De Witte H.* Job insecurity and psychological well-being: Review of the literature and exploration of some unresolved issues // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 1999. Vol.8. no 2. pp. 155–177. doi: 10.1080/135943299398302
10. *D'Souza R.M., Strazdins L., Lim L.L-Y., Broom D.H., Rodgers B.* Work and health in a contemporary society: demands, control, and insecurity // *Epidemiol Community Health*. 2003. Vol. 57. pp. 849–854. doi:10.1136/jech.57.11.849
11. *Elst T.V., De Witte H., De Cuyper N.* The Job Insecurity Scale: A psychometric evaluation across five European countries // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2014. Vol. 23. no. 3. pp. 364–380.
12. *Freeman D., Freeman J.* Paranoia: the twenty-first century fear. Oxford, UK: Oxford University Press, 2008. 189 p.
13. *Fugate M., Kinicki A.S., Ashforth B.E.* Employability: A psycho-social construct, its dimensions, and applications // *Journal of Vocational Behavior*. 2004. Vol. 65. pp. 14–38. doi: 10.1016/j.jvb.2003.10.005
14. *Graetz B.* Health consequences of employment and unemployment: Longitudinal evidence for young men and women // *Social Science & Medicine*. 1993. Vol. 36. no. 6. pp. 715–724.
15. *Hellgren J., Sverke M.* Does job insecurity lead to impaired well-being or vice versa? Estimation of cross-lagged effects using latent variable modeling // *Journal of Organizational Behavior*. 2003. Vol. 24. pp. 215–236. doi: 10/1002/job.184
16. Imagine the future world: How do we want to work tomorrow? Abstract proceedings of the 16th EAWOP Congress // G. Hertel, C. Binnewies, S. Krumm, H. Holling (Eds.) – Munster, 2013. URN:<http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:hbz:6-66399491491>. (Accessed 12.09.2013).
17. *Konig C.J., Probst T.M., Staffen S., Graso M.* A Swiss-US comparison of the correlates of job insecurity // *Applied Psychology: An International Review*. 2011. Vol. 60. no. 1. pp. 141–159. doi:10.1111/j.1464-0597.2010.00430.x https://www.uni-saarland.de/fileadmin/user_upload/Professoren/fr53_CKoenig/PDFs_Publikationen/KoenigEtAlAPIR11.pdf
18. *Richter A.* Job insecurity and its consequences: Investigating moderators, mediators and gender // University dissertation from Stockholm: Department of Psychology, Stockholm University. 2011. 99 p.
19. *Sverke M., Hellgren J.* The nature of job insecurity: Understanding employment uncertainty on the brink of a new millennium // *Applied Psychology: An International Review*. 2002. Vol. 51. no.1. pp. 23–42. doi: 10.1111/1464-0597.0077z
20. *Sverke M., Hellgren J., Naswal K.* No security: A meta-analysis and review of job insecurity and its consequences // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2002. no. 7. pp. 242–264. doi: 10.1037//1076-8998.7.3.242

Восприятие отношений в группе как фактор адаптации к вузу студентов с ограниченными возможностями здоровья

Ю.Ю. ТЕРЮШКОВА*,
ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»,
Петрозаводск, Россия,
t7i@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы адаптации первокурсников с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) к обучению в вузе. Представлены результаты изучения различными исследователями факторов адаптации и дезадаптации на первом этапе обучения в университете студентов с разным состоянием здоровья. Основное место занимает характеристика и оценка результатов исследования по изучению основных социально-психологических факторов адаптации студентов с ОВЗ в университете. Определен уровень адаптации, выделены две группы факторов: личностные и социальная перцепция. Представлены результаты исследования личностных особенностей, способствующих успешной адаптации к обучению студентов с ОВЗ. Показано значение особенностей восприятия внутригрупповых отношений в процессе адаптации. Полученные результаты в группах студентов с высоким и низким уровнем адаптации к обучению в ВУЗе показывают целесообразность изменения и дополнения системы сопровождения студенческой молодежи в период вхождения в образовательную среду вуза.

Ключевые слова: адаптация первокурсников, первокурсники с ОВЗ, социально-психологические факторы адаптации, личностные особенности студентов с ограниченными возможностями здоровья, восприятие системы взаимоотношений в студенческом коллективе.

Образовательная политика государства направлена на расширение возможностей людей с проблемами в развитии, создание условий для преодоления их

изоляции, на формирование успешной социализации всех членов общества. Первым важным шагом стала организация «доступной среды» для подрастаю-

Для цитаты:

Терюшкова Ю.Ю. Восприятие отношений в группе как фактор адаптации к вузу студентов с ограниченными возможностями здоровья // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 150–160. doi: 10.17759/sps.2015060411

* Терюшкова Юлия Юрьевна — практический психолог, старший преподаватель, Институт педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет», Петрозаводск, Россия, t7i@mail.ru

шего поколения — детей и подростков; вторым шагом, на наш взгляд, является, расширение возможностей получения профессионального образования для людей с проблемами здоровья, следующий шаг — создание рабочих мест для таких людей. Если программа обучения и сопровождения детей и школьников с разными заболеваниями в России активно реализуется, то включение в профессиональное образование требует внимания специалистов разных уровней [1; 2].

Адаптация вчерашнего школьника к обучению в высшем учебном заведении зависит от многих факторов, но наиболее важными являются личностные качества самого студента и особенности организации социального пространства в вузе. Успешное преодоление первого этапа способствует повышению эффективности образования и становлению профессионала.

Разработкой проблем адаптации человека занимались зарубежные исследователи, такие, как Г. Айзенк, А. Маслоу, Ж. Пиаже и другие [2; 12]. Базисные положения по исследованию проблем социально-психологической адаптации есть в работах отечественных психологов — Л.С. Выготского, Г.М. Андреевой, А.В. Петровского, Ф.Б. Березина и других [1; 2; 10; 12].

Изучению проблем адаптации студентов посвятили свои труды Р.Р. Бибрих, Т.М. Буякас, М.В. Буланова-Топоркова, И.А. Васильева, В.П. Кондрашева, Л.Д. Столяренко [2; 7; 8; 12; 16; 17]. Н.А. Березовин предложил разделить процесс адаптации на составляющие части, что позволит более точно определить процедуру исследования [3]. Были выделены следующие виды адаптации: профессиональная, дидактическая, социально-психологическая. Профессиональная адаптация

касается привыкания к процессу обучения в высшей школе, понимания своей будущей профессии; дидактическая — это способность к принятию новых форм подачи информации, развитие самостоятельности в процессе обучения в вузе; социально-психологическая — отражает особенности личности, способствующие адаптации, а также уровень удовлетворенности отношениями с педагогами и однокурсниками, восприятие отношений в новой группе [3].

Изучением особенностей восприятия внутригрупповых отношений занимались А.А. Бодалев, Г.М. Андреева, А.И. Донцов, А.В. Петровский, Д. Майерс. Были установлены связи между внутригрупповой перцепцией и работоспособностью, удовлетворенностью отношениями в коллективе, уровнем конфликтности и др. [15].

Имеются работы, посвященные изучению адаптации студентов с разными особенностями заболевания. Так, факторы адаптации и роль личностных особенностей у людей с нарушениями зрения исследовали И.П. Волкова, В. Гудонис, В.З. Кантор, А.Г. Литвак [5; 6; 9]; проблемы адаптации глухих подняты в работах Э.Л. Бурменко, А.П. Гозова, В.В. Засенко, [10; 11]; факторы адаптации и дезадаптации людей с ДЦП рассмотрены в трудах М.О. Лянного, В.Г. Пануш, С.В. Петруниной, Г.А. Хомутова, Л.Н. Шелковой, [1; 4; 11; 16].

В большинстве работ исследователи настаивают на том, что для успешной адаптации студента с ОВЗ нужна не просто помощь в приспособлении его к социальной ситуации конкретного вуза, а создание условий для эффективного обучения [5; 6]. К условиям относится уровень подготовки педагогов, индивидуальный подход в подаче образовательных услуг, организация информационного пространства, готовность студентов

к взаимодействию и общению с однокурсниками, имеющими ограниченные возможности здоровья. На наш взгляд, эти условия, конечно, будут создаваться, но это требует определенного времени, а вот изучение социально-психологических факторов, способствующих успешной адаптации студентов с ОВЗ, может дать быстрые результаты для организации социально-психологической помощи. Имеется большое число исследований, посвященных изучению проблем адаптации студентов без выраженных проблем в здоровье, есть работы, касающиеся изучения отдельных групп студентов с проблемами в здоровье, которые планируют продолжить свое образование, а целостного взгляда на процесс адаптации инвалидов не представлено.

Необходимо пояснить, почему в нашем исследовании на первое место поставлено восприятие внутригрупповых отношений в качестве составляющей именно социально-психологической адаптации. Профессиональная адаптация у людей с ОВЗ напрямую зависит от таких факторов, как профориентационная работа в школе, установки родителей в отношении своих детей, а также особенности заболевания, которое может ограничивать выбор будущей профессии. Дидактическая адаптация требует подготовленности педагогического состава, добавления часов на индивидуальную работу, использования инновационных методик обучения студентов с ОВЗ. Адаптация таких студентов шла бы успешнее, если бы не столь высокий процент отчислений или ухода из вуза студентов с ОВЗ на первом году обучения. В связи с этим следует искать новые подходы к изучению процесса адаптации. Рассматривая адаптацию как процесс вхождения личности в малую группу, ус-

воения сложившихся норм и отношений, принятия правил, мы считаем, что кроме личностных особенностей, отношений в коллективе, стиля взаимодействия с педагогами, еще и восприятие внутригрупповых отношений будет определять успешность данного процесса. Наши исследования адаптации старшеклассников в процессе инклюзивного обучения показали, что именно восприятие коллектива учащимися с ОВЗ определяет успешность совместного обучения.

В нашей работе мы не дифференцировали студентов первых курсов по особенностям заболевания, а постарались изучить, какие личностные особенности способствуют их легкой и быстрой адаптации, выявить связь между восприятием внутригрупповых отношений и готовностью к получению высшего образования.

Процедура исследования

Цель исследования. В своем исследовании мы предприняли попытку выявить значение личностных особенностей и внутригрупповой перцепции в процессе адаптации студентов первых курсов с ОВЗ.

В исследовании принимали участие 38 студентов первых курсов: 10 студентов (2 девушки, 8 юношей) имеют диагноз ДЦП (легкой и средней тяжести); 8 студентов (4 девушки, 4 юноши) — с нарушением зрения; 5 студентов (юноши) — с нарушением слуха; 15 студентов (10 девушек, 5 юноршей) — с общими заболеваниями (диабет, речевые нарушения, заболевания пищеварительной системы). Все респонденты с нормой интеллекта, имеют третью группу инвалидности.

Гипотезы исследования. 1. Способность студентов первых курсов с ОВЗ адаптироваться к обучению в вузе связана с их личностными особенностями и социально-психологическим фактором — восприятием внутригрупповых отношений. 2. Внутригрупповая перцепция более тесно связана с адаптацией, чем личностные особенности.

Чтобы изучить уровень адаптации студентов с ОВЗ, мы использовали методику диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда [15]. Для исследования процесса адаптации и выявления группы студентов с успешной приспособляемостью к процессу обучения в вузе диагностические срезы были проведены на первом и четвертом месяцах обучения.

Таким образом, независимыми переменными нашего исследования были личностные характеристики и особенности восприятия внутригрупповых отношений, зависимой переменной — уровень адаптации студентов к первому курсу. К личностным факторам, способствующим успешному прохождению процесса адаптации, мы отнесли показатели самооценки, образ Я, высокий уровень мотивации успеха и коммуникативную компетентность, внутригрупповую перцепцию — психологический климат в группе, умение испытывать эмпатию и сопереживать окружающим, а также сплоченность коллектива. Для исследования личностных особенностей мы использовали методику изучения самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан, методику «Мои достоинства и недостатки» (С. Васильева, Р. Ахаян), методику диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса, методику оценки уровня общительности В.Ф. Ряховского [13; 16]. Для исследо-

вания восприятия отношений в группе выбраны следующие методики: методика определения психологического климата в группе Л.Н. Лутошкина, методика исследования эмпатийных тенденций (с измененной инструкцией), определение индекса групповой сплоченности Сिशора [13; 16].

Результаты исследования

Первым этапом исследования было определение уровня адаптации студентов первых курсов с ОВЗ на первом и четвертом месяцах обучения. При анализе данных, полученных при исследовании социально-психологической адаптации в экспериментальной группе, получены следующие результаты (табл. 1).

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что идет процесс адаптации у студентов с ОВЗ. Так, на начало обучения в университете высокий уровень адаптации наблюдался только у четырех респондентов, в то время как низкая адаптация — у 24 человек. Эти же данные подтверждаются шкалой «Деадаптация». Высокий уровень дезадаптации в сентябре показали 16 студентов первых курсов. Большинство студентов испытывают сложности в первые дни обучения в университете, переживают трудности вступления в новую социальную роль, обнаруживают высокий уровень тревоги в условиях новой социальной ситуации развития.

На четвертом месяце обучения произошли значительные изменения в показателях «Адаптация–деадаптация». Так, увеличилось число студентов, которые оценили свой уровень приспособляемости к обучению в новом социальном институте как более высокий (12 респон-

**Динамика уровней социально-психологической адаптации
студентов-первокурсников с ОВЗ**

Сроки	Уровни адаптации–дезадаптации		
	высокий	средний	низкий
	Количество студентов		
<i>Адаптивность</i>			
Сентябрь	4	10	24
Декабрь	12	8	18
<i>Деадаптивность</i>			
Сентябрь	16	14	8
Декабрь	12	10	16

дентов), но студентов с низким уровнем адаптации стало незначительно меньше (18 респондентов).

Данные изучения личностных особенностей студентов с ограничениями в здоровье в целом свидетельствуют о том, что характеристики личностных особенностей первокурсников не имеют значительных различий в зависимости от заболеваний и в основном соответствуют средним нормативным значениям измеряемых показателей.

Так, тридцать первокурсников имеют средний уровень самооценки, понимают свои плюсы и минусы, имеют адекватный уровень притязаний. Всего четыре респондента демонстрируют низкий уровень оценки своих качеств.

По результатам методики «Мои достоинства и недостатки» (С. Васильева, Р. Ахаян) было выявлено, что студенты первых курсов с ОВЗ выделяют положительные и отрицательные стороны своего поведения и личности. Анализ отрицательных характеристик показал, что выделены качества, которые свя-

заны с заболеванием (например, «замкнутость», «переживание заболевания», «неумение первым вступать в контакт», «недоверие», «стеснительность»), а также качества, которые характеризуют личность («капризность», «лень», «неуверенность в себе»). Данные качества не имеют значительных отличий от качеств, выделяемых студентами первых курсов без ОВЗ [17]. К положительным качествам были отнесены «позитивное мышление», «чувство юмора», «общительность» и др.

При изучении мотивации к успеху получилось, что одна треть респондентов имеют низкий уровень мотивации к успеху, им проще выбирать более легкие задания и задачи, ждать помощи от окружающих, стремиться к избеганию неудачи. Еще одна треть респондентов ориентированы на достижения, уверены в своих силах, готовы к новому и интересному. Остальные респонденты не имеют выраженного полюса ориентации на успех или избегание неудачи. Данные результаты также не показывают значи-

тельных отличий от результатов в группе студентов без ограничений в здоровье.

При изучении уровня общительности по методике В.Ф. Ряховского получены следующие данные: 12 студентов имеют средний уровень общительности, следовательно, не испытывают сложностей в установлении контактов, умеют поддержать общение, ориентированы на взаимодействие; 21 респондент – имеют низкий уровень общительности. Таким студентам сложно устанавливать первый контакт, они часто избегают общения, у них высокий уровень стеснительности и застенчивости; 5 студентов отличаются высоким уровнем общительности, они любопытны, разговорчивы, охотно высказываются по разным вопросам, что иногда вызывает раздражение окружающих. Эти студенты охотно знакомятся с новыми людьми, любят быть в центре внимания, никому не отказывают в просьбах, хотя не всегда могут их выполнить.

Анализ результатов исследования личностных характеристик, важных для адаптации в новых социальных ситуациях, показал отсутствие однотипных результатов, которые значительно отличают студентов с ОВЗ от их «относительно здоровых» сверстников. Поэтому важным является исследование восприятия внутригрупповых отношений студентов с ОВЗ.

Для подтверждения нашей гипотезы мы провели исследования особенностей

восприятия внутригруппового климата, системы отношений, уровня эмпатии в группах студентов с проблемами в развитии, имеющих полярные показатели адаптации. К первой экспериментальной группе (ЭГ1 – 20 студентов) были отнесены студенты с высоким и средним уровнем адаптации на четвертом месяце обучения. Ко второй экспериментальной группе (ЭГ2 – 18 студентов) были отнесены студенты с низким уровнем адаптации. Им всем предлагалось оценить особенности отношений, климат, уровень эмпатии и уровень сплочения в их учебных группах.

При изучении восприятия психологического климата по методике Л.Н. Лутошкина в двух группах получились следующие результаты (табл. 2).

Так, сравнительный анализ двух экспериментальных групп показал, что имеются различия в восприятии психологического климата в студенческих коллективах. Студенты первой экспериментальной группы в преобладающем большинстве (12 респондентов) говорят о комфортном психологическом климате в группе. По их мнению, коллектив настроен на общение, обладает способностью к взаимопомощи, ориентирован на принятие и взаимодействие, в то время как во второй группе 12 студентов воспринимают психологический климат в студенческом коллективе как неблагоприятный

Таблица 2

Результаты исследования психологического климата

№ группы	Уровень психологического климата		
	высокий	средний	низкий
ЭГ1	12	8	0
ЭГ2	3	3	12

и всего 3 респондента считают климат в своем коллективе положительным.

Похожая картина наблюдалась при исследовании эмпатийных тенденций в коллективе студентов (табл. 3). Результаты исследования позволили узнать, насколько испытуемые считают свое близкое окружение эмпатичным, насколько окружающие готовы помогать и демонстрировать заинтересованность в жизни других.

Результаты исследования показывают, что в первой группе большинство испытуемых считают свою группу эмпатичной. Они понимают, что их однокурсники чувствительны к нуждам и проблемам окружающих, великодушны, склонны многое им прощать, с неподдельным интересом относятся к людям. Они эмоционально отзывчивы, общительны, быстро устанавливают контакты с окружающими и находят с ними общий язык. На наш взгляд, это способствует взаимодействию с людьми, имеющими

проблемы в развитии, и демонстрирует высокий уровень толерантного, принимающего поведения.

В второй группе 8 испытуемых считают низким уровень эмпатии в студенческом коллективе. Это показывает, что студенты с ОВЗ отмечают, что их однокурсники испытывают затруднения в установлении контактов с ними, неудобно чувствуют себя в большой компании, отдают предпочтение уединенным занятиям конкретным делом, а не работе с людьми. Это может «тормозить» процесс социализации студентов с ОВЗ.

Исследование групповой сплоченности выявляет уровень принадлежности к своей группе, ощущение единства всех ее членов. (табл. 4).

При сравнении двух групп (ЭГ1 и ЭГ2) видны значительные различия в восприятии групповой сплоченности в студенческих коллективах. Так, в ЭГ1 11 испытуемых определяют уровень сплоченности в своих коллективах как высо-

Таблица 3
Результаты исследования эмпатийных тенденций в студенческих коллективах

№ группы	Уровень эмпатичных тенденций		
	высокий	средний	низкий
ЭГ1	10	8	2
ЭГ2	6	4	8

Таблица 4
Результаты исследования уровня групповой сплоченности в студенческих коллективах

№ группы	Уровень групповой сплоченности		
	высокий	средний	низкий
ЭГ1	11	6	1
ЭГ2	4	4	10

кий. Это означает, что члены коллектива ориентированы на взаимопомощь, открытое общение, низкий уровень конфликтности. Однако 10 респондентов ЭГ2 отмечают низкий уровень групповой сплоченности. Это говорит о том, что они не чувствуют себя частью коллектива, испытывают трудности в общении, готовы покинуть данную группу.

Заключение

Итак, результаты нашего исследования показали, что студенты с ограниченными возможностями здоровья по-разному проходят период адаптации к обучению в вузе. Можно констатировать,

что выдвинутые нами гипотезы нашли свое подтверждение. Данные исследования свидетельствуют о том, что важным в процессе адаптации студентов с ОВЗ является восприятие системы взаимоотношений в студенческом коллективе, а личностные качества могут играть второстепенную роль. Все это подтверждает необходимость создания системы сопровождения студентов с ОВЗ в процессе адаптации к обучению в вузе, увеличения внимания к проведению тренингов общения, взаимодействия, сплочения студенческих коллективов.

По результатам работы была пересмотрена и доработана программа сопровождения студенческой молодежи в период адаптации к обучению в университете.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов К.В.* Особенности социально-психологической адаптации молодежи в трансформирующемся обществе: автореф. дис. .... канд. психол. наук. М., 2010. 24 с.
2. *Андреева Д.А.* О понятии адаптации. Исследование адаптации студентов к условиям учебы в вузе // Человек и общество. Вып. XI—II. М., 1973. С. 25—27.
3. *Березовин Н.А.* Адаптация студентов и НОТ. Минск, 1990. 151с.
4. Детский церебральный паралич: Хрестоматия: учеб. пособие для студ. высш. и средн. педагогических, психологических и медицинских учеб. Заведений / Сост. Л.М. Шипицина и М.М. Мамайчук. СПб.: Дидактика Плюс, 2003. 368 с.
5. *Грачев С.П.* Специфика формирования социального статуса незрячего студента в учебной группе (проблема идентификации) // Проблемы социально-психологической адаптации студентов и аспирантов с нарушенным зрением в современном вузе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и тифлопедагогов. СПб, 2000. С. 46—49.
6. *Гудонис В.Г.* Основы и перспективы социальной адаптации лиц с пониженным зрением. М.; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. 288 с.
7. *Дубовицкая Т.Д., Крылова А.Я.* Методика исследования адаптированности студентов в вузе // Психологическая наука и образование. 2010. № 3. С. 23—29.
8. *Лахтин А.Ю.* Игровая технология как средство социально-психологической адаптации студентов первого курса к обучению в ВУЗе / Н.С. Козлов, А.Ю. Лахтин // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6 (25). Ч. 1. С. 189—194.
9. *Литвак А.Г.* Психология слепых и слабовидящих. СПб: Изд. РГПУ имени А.И. Герцена, 1998. 271 с.
10. *Нартова-Бочавер С.К., Потанова А.В.* Введение в психологию развития. М.: Флинта, 2005. 216 с.

11. *Нейман Л.В., Богомильский М.Р.* Анатомия, физиология и патология органов слуха и речи: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В.И. Селиверстова. М.: ВЛАДОС, 2001. 224 с.
12. *Паршина Т.О.* Структурная модель социально-психологической адаптации человека // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 100–106.
13. *Райгородский Д.Я.* Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие. Самара: БАХРАХ-М, 2002. 672 с.
14. *Смирнов А.Г.* Вопросы динамики протекания социально-психологической адаптации студентов к вузу // Психологические условия профессионального становления личности в свете реформы общеобразовательной и профессиональной школы. М., 1998. Ч. 1. С. 48–55.
15. Социальная психология: учеб. пособие / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Пэр. Сэ, 2006. 351 с.
16. *Терюшкова Ю.Ю.* Рабочая тетрадь по психологии: метод. пособие / Ю.Ю. Терюшкова, Федер. агентство по образованию, Петрозав. гос. ун-т. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 125с.
17. *Терюшкова Ю.Ю.* Тренинг сплочения группы как средство содействия адаптации первокурсников [Электронный ресурс]// Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/120-16336> (дата обращения: 02.04.2015)
18. *Шматко Н.Д.* Для кого может быть эффективным интегрированное обучение // Дефектология. 1999. № 1–2. С. 41–46.

Perception of Group Relationships as a Factor of Adaptation to University in Students with Disabilities

I.I. TERYUSHKOVA*,

Institute of Pedagogy and Psychology, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, t7i@mail.ru

The paper addresses the issue of adaptation to university life in first-year students with disabilities. It reviews various research data on the factors contributing to adaptation and maladaptation in students with various health conditions and analyses the outcomes of a research on basic social psychological factors of adaptation in the disabled students. The research defines the level of adaptation and two groups of factors: personality factors and social perception. The paper describes the personality traits that promote successful adaptation to university life in the students with disabilities and shows how their perception of intragroup relationships may affect the process of adaptation. The research data obtained in the student groups with high and low levels of adaptation suggests that certain changes in the system of student support during the initial period of their university life would be appropriate.

Keywords: *freshman adaptation, first-year students with disabilities, social psychological factors of adaptation, personality traits in students with disabilities, perception of relationships in student groups.*

REFERENCES

1. Abramov K.V. Osobennosti sotsialno-psihologicheskoy adaptatsii molodezhi v transformiruyuschemsya obshchestve: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. [Features of socially-psychological adaptation of youth in transforming society. Ph. D. (Psychology) Thesis] Moscow, 2010. 24 p.
2. Andreeva D.A. O ponyatii adaptatsii. Issledovanie adaptatsii studentov k usloviyam uchebyi v vuzе [On the concept of adaptation. Research students' adaptation to the conditions of study in high school]// *Chelovek i obshchestvo [Individual and Society]* Vol. XI–II. Moscow, 1973. pp. 25–27.
3. Berezovin N.A. Adaptatsiya studentov i NOT [Adaptation of students and NOT]. Minsk, 1990. 151p.
4. Detskiy tserebralnyiy paralich: hrestomatiya: ucheb. posobie dlya studentov vyisshih i srednih pedagogicheskikh, psihologicheskikh i meditsinskih uchebnykh zavedeniy [Cerebral Palsy: Anthology: Proc. manual for students of higher and secondary educational, psychological and medical schools] / sost. L.M. Shipitsina i M.M. Mamaychuk. Saint-Petersburg: Izd-vo «Didaktika Plyus», 2003. 368 p.

For citation:

Teryushkova I.I. Perception of Group Relationships as a Factor of Adaptation to University in Students with Disabilities. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 4, pp. 150–160. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2015060411

* *Teryushkova Iuliia I.* – psychologist, senior lecturer, Institute of Pedagogy and Psychology, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, t7i@mail.ru

5. Grachev S.P. Spetsifika formirovaniya sotsialnogo statusa nezryachego studenta v uchebnoy grupe (problema identifikatsii) [Specificity of formation of the social status of blind students in the study group (problem identification)] // *Problemyi sotsialno-psihologicheskoy adaptatsii studentov i aspirantov s narushennym zreniem v sovremennom VUZe* [Problems of social and psychological adaptation of undergraduate and graduate students with visual impairment in a modern university]. Saint-Petersburg, 2000. pp. 46–49.
6. Gudonis V.G. Osnovy i perspektivy sotsialnoy adaptatsii lits s ponizhennym zreniem [Fundamentals and prospects for social adaptation of persons with impaired eyesight]. Moscow-Voronezh: NPO «MODEK», 1998. 288 p.
7. Dubovitskaya T.D., Kryilova A.Ya. Metodika issledovaniya adaptirovannosti studentov v vuzе [Methods of study in high school students adaptation] // *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2010. pp. 3–9.
8. Lahtin A.Yu. Igrovaya tehnologiya kak sredstvo sotsialno-psihologicheskoy adaptatsii studentov pervogo kursa k obucheniyu v VUZe [Game technology as a means of social and psychological adaptation of first-year students to training in high school] / N.S. Kozlov, A.Yu. Lahtin // *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2010. no. 6(25). ch. 1. pp. 189–194.
9. Litvak A.G. Psihologiya slepyih i slabovidyaschih SPb [Psychology of Blind and Visually Impaired St. Petersburg]: izd. RGPU im. A.I. Gertsena. 1998. 271 p.
10. Nartova-Bochaver S.K., Potapova A.V. Vvedenie v psihologiyu razvitiya [Introduction to developmental psychology]. Moscow: Flinta, 2005. 216 p.
11. Neyman L.V., Bogomilskiy M.R. Anatomiya, fiziologiya i patologiya organov sluha i rechi: Ucheb. dlya stud. vyssh. ped. ucheb. Zavedeniy [Anatomy, physiology and pathology of hearing and speech: Textbook. for students] / Pod red. V.I. Seliverstova. Moscow: VLADOS, 2001. 224 p.
12. Parshina T.O. Strukturnaya model sotsialno-psihologicheskoy adaptatsii cheloveka [Structural model of socio-psychological adaptation of the person] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches]. 2008. no.8. pp. 100–106.
13. Raygorodskiy D.Ya. Prakticheskaya psihodiagnostika. Metodiki i testyi. Uchebnoe posobie [Practical psychodiagnosics. Procedures and tests. Tutorial]. Samara: BAHRAH-M, 2002. 672 p.
14. Smirnov A.G. Voprosyi dinamiki protekaniya sotsialno-psihologicheskoy adaptatsii studentov k vuzu [The dynamics of the flow of social and psychological adaptation of students to the university] // *Psihologicheskie usloviya professionalnogo stanovleniya lichnosti v svete reformyi obsheobrazovatelnoy i professionalnoy shkoly* [Psychological conditions of professional formation of the person in the light of the reform of general education and vocational schools]. Moscow, 1998. Part 1. pp. 48–55.
15. Sotsialnaya psihologiya: Uchebnoe posobie [Social psychology: Textbook] / Otv. red. A.L. Zhuravlev. Moscow, 2006. 351 p.
16. Teryushkova Yu. Yu. Rabochaya tetrad po psihologii : metod. posobie [Workbook psychology: a method. Benefit] / Yu. Yu. Teryushkova ; Feder. agentstvo po obrazovaniyu, Petrozav. gos. un-t. Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU, 2010. 125, p.
17. Teryushkova Yu.Yu. Trening splocheniya gruppyi kak sredstvo sodeystviya adaptatsii pervokursnikov [Elektronnyi resurs] [Training group cohesion as a means of promoting the adaptation of freshmen] // *Sovremennyye problemyi nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2014. no. 6. URL: <http://www.science-education.ru/120-16336> (Accessed 02.04.2015).
18. Shmatko N.D. Dlya kogo mozhet byt effektivnym integrirovannoe obuchenie [For whom can be effectively integrated training] // *Defektologiya* [Defectology]. 1999. no. 1–2. pp. 41–46.

Социально-психологические условия психологического благополучия личности, пережившей кризисное событие

Л.А. ПЕРГАМЕНЩИК*,

*Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка,
Минск, Беларусь,
leonpergam@gmail.com*

Н.Г. НОВАК**,

*Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
Гомель, Беларусь,
natalya_novak_80@mail.ru*

В статье рассматривается проблема сохранения психологического благополучия личности в кризисной ситуации. Представленное в статье исследование построено в рамках парадигмы «сальютогенеза», согласно которой условиями сохранения физического и психологического здоровья личности являются реализация внутреннего потенциала, познавательная и физическая активность, направленность на здоровые жизненные цели, самоактуализация, а не просто отсутствие болезней и физических недостатков. Авторами описана процедура методологической триангуляции количественных и качественных данных, в результате применения которой были выделены социально-психологические условия позитивного функционирования личности, пережившей кризисное событие.

Ключевые слова: *личность в кризисной ситуации, кризисное событие, психологическое благополучие, позитивное функционирование, методологическая триангуляция, качественные методы исследования.*

Для цитаты:

Пергаменщик Л.А., Новак Н.Г. Социально-психологические условия психологического благополучия личности, пережившей кризисное событие // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 161–169. doi:10.17759/sps.2015060412

* *Пергаменщик Леонид Абрамович* — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и семейной психологии, факультет психологии, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (УО «БГПУ имени М. Танка»), Минск, Беларусь, leonpergam@gmail.com

** *Новак Наталья Геннадьевна* — ассистент кафедры социальной и педагогической психологии, факультет психологии и педагогики, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (УО «ГГУ имени Ф. Скорины»), Гомель, Беларусь, natalya_novak_80@mail.ru

Как известно, одной из основных проблем социальной психологии является поиск ответа на вопрос о том, почему примерно в одних и тех же условиях люди ведут себя в разной степени эффективно. Причем более значимое место при решении данного вопроса отводится самой личности, нежели ситуации.

Цель данной статьи — описание возможности применения процедуры методологической триангуляции данных при исследовании социально-психологических условий, определяющих способность к позитивному функционированию личности, пережившей кризисное событие.

При достижении поставленной цели мы столкнулись с методологической дилеммой относительно того, каким диагностическим методам — количественным или качественным — следует отдать предпочтение. Как известно, и те и другие обладают рядом достоинств, однако применение любого из них на практике сопряжено и с определенными ограничениями. В современной психологии в качестве компромиссного варианта при организации ряда социально-психологических исследований рассматривается сочетание количественных и качественных методов. Зарубежные ученые отмечают, что большим интегративным потенциалом, возрастающим при циклическом перекечении количественных и качественных методов, обладает методологическая триангуляция. Ее применение приводит к углублению понимания предмета исследования на каждом последующем витке спирали (Caracelli, Greene, 1993). Она также может приводить к открытию парадоксов и противоречий, как в плане теоретических построений, так и эмпирических выводов, полученных в рамках традиционного ко-

личественного подхода. Именно поэтому А.А. Вругман (1988) называет методологическую триангуляцию технической версией количественно-качественных дискуссий, указывая, что количество и качество не представляют несоизмеримых парадигм вообще, а всего лишь методы, избираемые по принципу наибольшей пригодности к изучению определенного класса проблем [4].

В широком смысле под методологической триангуляцией понимается привлечение количественных и качественных методов с целью построения на основе их результатов третьего способа понимания, сочетающего достоинства этих двух. Методологический смысл триангуляции в психологических исследованиях — служить средством интеграции позитивистского и герменевтического знания, преодолевать односторонность и фрагментарность психологических теорий и методов. Такого рода комбинирование качественных и количественных методов (получившее название «третьего пути») приводит к соединению преимуществ обеих методологий, и как следствие — получению более надежных данных и более глубокого понимания изучаемого феномена.

Следует также подчеркнуть, что сам термин «методологическая триангуляция» применяется для обозначения процедуры сопоставления результатов, полученных как несколькими качественными методами в рамках одного исследования (триангуляция методов), так и для обозначения сочетания количественных и качественных данных (триангуляция по типу данных) [5]. Последний вариант соответствует стратегии представленного в данной работе исследования. Вслед за Коринак (1999) мы определяем методологическую триангуляцию как

метод, представляющий собой сбор информации относительно одного и того же явления путем применения более чем одного метода в первую очередь для того, чтобы определить, насколько схожи сопоставляемые данные, и таким образом повысить надежность и обоснованность результатов исследования. Как отмечает автор данного определения, использование нескольких инструментов обеспечивает более полную, подробную, многослойную информацию об изучаемом явлении [5]. При реализации такого типа триангуляции особое значение имеет порядок (способ) анализа данных.

В работе Smaling (1987) описаны подходы к анализу данных в случае необходимости их триангуляции.

1. Интуитивный подход: отдельный исследователь интуитивно соотносит друг с другом данные, полученные при помощи разного инструментария. В таком случае качество работы зависит от уровня развития интуиции исследователя, а сам анализ «повторить» практически невозможно.

2. Процедурный подход: акцент делается на процедуре триангуляции с детальным и последовательным описанием каждого шага анализа с той целью, чтобы сделать саму процедуру максимально прозрачной и «тиражируемой».

3. Интерсубъективный подход: предполагает работу одновременно нескольких исследователей, предварительно договорившихся о конкретных шагах, которые должны быть осуществлены в ходе методологической триангуляции [7].

В своем исследовании мы используем второй вариант и далее предлагаем подробное описание процедуры триангуляции данных с целью обеспечения прозрачности осуществляемой нами стратегии.

Согласно Flick (2009), процедура триангуляции требует освещения и обоснования, как минимум, четырех аспектов.

Планирование триангулятивного исследования. Включение стратегии триангуляции в различные дизайны качественного исследования: анализ единичного случая, сравнительный анализ нескольких случаев, ретроспективный анализ, моментальный снимок (snapshot), лонгитюд. Выбор стратегии зависит от стоящих перед исследователем целей и задач: «Какой метод сбора и анализа данных будет считаться основным, а какой — вспомогательным, дополнительным?», «Какого рода информацию и что мы хотим получить, обращаясь к дополнительным методам работы с данными?». Отдельный момент, требующий внимания, — учет временных затрат, связанных с проведением триангуляции (если мы в ходе анализа решили обратиться к новым случаям и респондентам, т. е. гибко изменить стратегию формирования выборки, то еще не факт, что нам удастся найти нужных людей).

Специфика сбора данных. Обычно триангуляция данных предполагает обращение к двум и более источникам информации, а после того — проведение их комплексного анализа.

Специфика анализа данных. В отличие от предыдущего уровня исследования, здесь триангулируются различные методы анализа и интерпретации данных. Обычно эти данные собраны из одного источника (например, стенограммы фокус-групп обрабатываются двумя методами — качественным контент-анализом и дискурс-анализом). Более сложные дизайны триангуляции предполагают перекрестный анализ (каждая из нескольких категорий данных анализируется сразу же двумя или более методами).

Специфика обобщения. Методологический вопрос о мере обобщаемости есть вопрос, возможен ли перенос полученных данных из исходной исследовательской ситуации в новые гипотетические контексты и условия. Критерий переносимости (transferability), введенный И. Линкольн и Э. Губой и условно соответствующий внешней валидности, рассматривается современными авторами с точки зрения насыщенного описания одного контекста и поиска, так сказать, «сходных условий» в другом контексте [5]. Триангуляция становится стратегией экспликации этих гипотетических исследовательских измерений, реализуемой через обращение к различным данным и методам [3; 4].

Представленная в работе процедура триангуляции представляет собой реализацию следующих этапов:

1. Планирование триангулятивного исследования.

Прежде чем перейти непосредственно к изучению проблемы, исследователю необходимо определить теоретические основания рассматриваемого вопроса. В частности, основная цель нашего исследования заключается в изучении взаимосвязи опыта переживания кризисного события и психологического благополучия личности. В своей работе мы исходим из предположения о том, что при определенных условиях итогом переживания кризисного события может стать посттравматический рост личности, показателем которого являются особенности социально-психологического функционирования личности на последующих этапах жизни, т. е. ее психологическое благополучие (эвдемонистический подход).

Для достижения поставленной цели нами был использован разработанный

К. Рифф опросник «Шкалы психологического благополучия» (далее — ШПБ) в адаптации Н.Н. Лепешинского [2]. С целью изучения опыта, приобретенного юношами и девушками при переживании кризисного события, нами было разработано полуструктурированное интервью. Интервью позволило изучить представления респондентов о кризисной ситуации, проанализировать их жизненный путь и особенности функционирования «до» и «после» пережитого кризисного события.

На первом этапе исследования были получены данные относительно уровня психологического благополучия юношей и девушек, переживших кризисное событие (415 студентов), а также выраженность его структурных компонентов: личностный рост, самопринятие, управление средой, автономия, цели в жизни, позитивные отношения с окружающими. Как оказалось, респондентов с уровнем психологического благополучия «выше нормы» больше среди юношей и девушек, имеющих опыт переживания кризисного события (21,8 %), по сравнению с юношами и девушками, не имеющими такого рода опыта (13,6 %) ($\varphi_{\text{эмпи}}^* = 2.17$; $p \geq 0,05$). Юноши, пережившие кризисное событие, по сравнению с юношами, не имеющими такого рода опыта, чаще имеют высокий ($\varphi_{\text{эмпи}}^* = 1.983$; $p \geq 0,05$) и реже низкий ($\varphi_{\text{эмпи}}^* = 1.87$; $p \geq 0,05$) уровень психологического благополучия. С увеличением количества кризисных событий возрастает показатель психологического благополучия относительно шкалы «Личностный рост» ($M_1 = 5,38$; $M_2 = 6,11$; $t_{\text{эмпи}} = 2.1$ при $t_{\text{кр}} = 1.97$; $p = 0.04$). Следовательно, переживание кризисного события не ограничивает возможности человека, а и при определенных условиях — становится источником конструктивной активности,

направленной на саморазвитие и самореализацию личности.

В связи с этим основная проблема дальнейшего исследования заключалась в поиске условий, способствующих достижению психологического благополучия личности, пережившей кризисное событие. Решить данную проблему позволяет применение методологической триангуляции полученных данных. В работе применялась одновременная, параллельная методологическая триангуляция (т. е. применение качественных и количественных методов независимо друг от друга). Дизайн исследования представлял собой сравнительный анализ 120 случаев.

2. Этап сбора данных.

Шаг 2.1. Изучение представлений респондентов относительно собственного функционирования: выявление представлений каждого респондента, отраженных в вопросах интервью; выявление обобщенных представлений (по всей выборке) на основе сравнительного анализа индивидуальных данных.

Шаг 2.2. Оценка психологического благополучия респондентов (опросник ШПБ): получение индивидуальных показателей психологического благополучия каждого респондента; получение обобщенной характеристики психологического благополучия респондентов на основе индивидуальных данных.

3. Этап анализа данных.

Анализ данных является наиболее трудоемким этапом описываемой процедуры методологической триангуляции. Условно можно выделить следующие шаги по его реализации.

Шаг 3.1. Выделение и описание категорий, отражающих характер функцио-

нирования респондентов (метод категоризации значений, С. Квале [1]).

Шаг 3.2. Характеристика психологического благополучия респондентов, переживших кризисное событие.

Шаг 3.3. Сопоставление выделенных категорий с показателями психологического благополучия. Сначала сопоставляются результаты в каждом конкретном случае, а затем сравниваются все полученные данные, выделяются существенные общие признаки сравниваемых параметров, а также различия между ними.

4. Обобщение и интерпретация данных.

На завершающем этапе осуществляется обобщение полученных данных и формулирование выводов, соответствующих задачам, поставленным на этапе планирования.

Более подробно процедура триангуляции описана в работе С. Paulien [6]. Разработанная нами схема анализа представлена в таблице.

Применение методологической триангуляции позволило нам сопоставить результаты стандартизированной методики (уровень и структура психологического благополучия) с данными, полученными в ходе полуструктурированного интервью (структура и содержание опыта переживания кризисного события). В процессе сопоставления данных были выделены социально-психологические условия, определяющие психологическое благополучие личности, пережившей кризисное событие:

1) социальные условия: *структура родительской семьи* (наличие замещающего родителя в случае ухода или смерти биологического, наличие сиблингов), *характер взаимоотношений в родитель-*

Процедура анализа данных в процессе методологической триангуляции

Метод	Элемент анализа	Содержание анализа	Результаты анализа
Интервью	Мнение респондентов относительно своего функционирования	Анализ особенностей функционирования каждого респондента	Категории, отражающие особенности функционирования каждого респондента
		Сравнительный анализ особенностей функционирования респондентов	Описание содержания категории и интерпретация особенностей функционирования респондентов
Опросник ШПБ	Показатели психологического благополучия	Оценка индивидуальных показателей психологического благополучия	Характеристика психологического благополучия каждого респондента
		Оценка общих показателей психологического благополучия респондентов	Характеристика психологического благополучия юношей и девушек, переживших кризисное событие
Сопоставление результатов	Детерминанты психологического благополучия	Сопоставление особенностей функционирования и показателей психологического благополучия каждого респондента	Описание детерминант психологического благополучия для каждого респондента
		Сопоставление особенностей функционирования и показателей психологического благополучия всех респондентов	Типология условий позитивного функционирования респондентов, переживших кризисное событие

ской семье (конфликты между членами семьи, подверженность психологическому и/или физическому насилию в семье), *причина смерти члена семьи, алкоголизм родителя;*

2) психологические условия: *отношение к себе и собственной жизни* (оценка себя как личности, оценка себя как субъ-

екта межличностного взаимодействия, оценка своего физического облика, оценка качества внутрисемейного взаимодействия; оценка степени самореализации в значимых сферах деятельности, оценка прожитого этапа жизни), *оценка семейной системы, локус вины в случившемся кризисном событии, наличие цели в жиз-*

ни, способ преодоления жизненных трудностей, ощущение счастья.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что показатели психологического благополучия личности могут изменяться в процессе жизни под воздействием социально-психологических условий. Приоритетным направлением психологического сопровождения личности, пережившей кризисное событие, является обеспечение условий для повышения показателей по шкалам «Цель жизни» и «Управление средой». Это позволит восстановить утраченное чувство направленности, осмысленности жизни, сформировать/укрепить убеждения, способствующие осознанию цели жизни в настоящем, а также повысит уровень компетенции в управлении окружением, позволит в большей мере контролировать внешнюю деятельность, эффективно использовать представляющиеся

возможности, улавливать или создавать условия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей и достижения целей. Основными мишенями психологического вмешательства являются система отношений личности, чувство осмысленности жизни, умение планировать собственную жизнь (временная перспектива), а также способы преодоления жизненных трудностей.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о возможности повышения продуктивности процесса переживания личностью кризисного события и раскрывают направления посткризисной психологической помощи. Полученные результаты имеют важное значение для психологической науки и позволяют существенно продвинуться в решении практических задач по организации охраны психологического благополучия личности в кризисной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Квале С.* Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
2. *Пергаменцик Л.А., Лепешинский Н.Н.* Опросник «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф: процесс и процедура адаптации // Психологическая диагностика. 2007. № 3. С. 73–96.
3. *Янчук В.А.* Интегративно-эклетикий подход к анализу психологической феноменологии. Словарь-справочник. Минск: АПО, 2001. 48 с.
4. *Янчук В.А.* Методология и методы психологического исследования в психологии и социальных науках. Минск: АПО, 2011. 376 с.
5. *Kopinak J.* The use of triangulation in a study of refugee well-being // Quality Quantity. 1999. Vol. 33 (2). P. 169–183.
6. *Paulien C.* Multi-method triangulation in a qualitative study on teachers' practical knowledge: an attempt to increase internal validity meijer, nico verloop and douwe beijaard // Quality & Quantity. 2002. Vol. 36. P. 145–167.
7. *Smaling A.* Methodologische objectiviteit en kwalitatief onderzoek: doctoral dissertation. Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger, 1987.

Social Psychological Conditions of Psychological Well-Being in Individuals Who Have Experienced Critical Events

L.A. PERGAMENSHCHIK*,

Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus,
leonpergam@gmail.com

N.G. NOVAK**,

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus,
natalya_novak_80@mail.ru

The paper addresses the issue of maintaining psychological well-being in individuals who have experienced critical events. The research presented in this paper was carried out within the paradigm of salutogenesis, according to which the most crucial factors in preserving one's mental and physical health are the realization of the inner potential, cognitive and physical activity, orientation towards healthy life goals, and self-actualization, and not only the absence of illness and disabilities. The authors describe a procedure of methodological triangulation of quantitative and qualitative data that enabled them to outline the social psychological conditions necessary for the positive functioning of individuals who have experienced critical events.

Keywords: *personality in crisis situations, crisis event, psychological well-being, positive functioning, methodological triangulation, qualitative research methods.*

REFERENCES

1. *Kvale S.* Issledovatel'skoe interv'ju [Research interview]. Moscow: Smysl, 2003. 301 p.
2. *Pergamenshchik L.A., Lepeshinskij N.N.* Oprosnik «Shkaly psihologicheskogo blagopoluchija» K. Riff: process i procedura adaptacii [Questionnaire of «Scale of psychological wellbeing» K. Riff: process and procedure of adaptation]. *Psihologicheskaja diagnostika [Psychological diagnostics]*, 2007, no 3, pp. 73–96.
3. *Janchuk V.A.* Integrativno-jeklekticheskij podhod k analizu psihologicheskoi fenomenologii. Slovar'-spravochnik [Integrative and eclectic approach to the analysis of psychological phenomenology. Dictionary reference], Minsk: APO, 2001. 48 p.

For citation:

Pergamenshchik L.A., Novak N.G. Social Psychological Conditions of Psychological Well-Being in Individuals Who Have Experienced Critical Events. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 4, pp. 161–169. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2015060412

* *Pergamenshchik Leonid A.* — Doctor in Psychology, Professor of the Department of Social and Family Psychology, Faculty of Psychology, Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus, leonpergam@gmail.com

** *Novak Natalya G* — Assistant, Chair of Social and Pedagogic Psychology, Faculty of Psychology and Pedagogy, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus, natalya_novak_80@mail.ru

4. *Janchuk V.A.* Metodologija i metody psihologičeskogo issledovanija v psihologii i social'nyh naukah [Methodology and methods of psychological research in psychology and social sciences], Minsk: APO, 2011. 376 p.
5. *Kopinak J.* The use of triangulation in a study of refugee well-being. *Quality Quantity*, 1999. Vol. 33, no 2, pp. 169–183.
6. *Paulien C.* Multi-method triangulation in a qualitative study on teachers' practical knowledge: an attempt to increase internal validity meijer, nico verloop and douwe beijaard. *Quality & Quantity*, 2002. Vol. 36., pp. 145–167.
7. *Smaling A.* Methodologische objectiviteit en kwalitatief onderzoek. Doctoral dissertation. Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger. 1987.

Апробация личностного опросника Н.Б. Астаниной «Методика изучения доверия к себе»

О.В. РУНЕЦ*,
Институт психологии РАН, Россия,
orunez@gmail.com

В данной статье анализируется представление об одной из базовых характеристик личности «доверие к себе», предлагается методический инструмент для ее диагностики — опросник Н.Б. Астаниной «Методика изучения доверия к себе». Представлены результаты апробации опросника на взрослой выборке. Проанализированы валидность и надежность опросника. Результаты психометрического анализа показали удовлетворительные характеристики, достаточные для использования в исследовательских целях.

Ключевые слова: доверие к себе, самоотношение, самооценność, валидность, надежность.

В настоящее время проблема доверия как формы межличностных отношений заняла достойное место в социально-психологических исследованиях. Рассмотрение феномена доверия к себе, проявляющегося в форме самоотношения и определяющего отношение к другому, практически находится вне поля исследований социальной психологии. Однако, как показали исследования [1; 3; 11; 18], доверие к себе является важным предиктором успешности человека в социально-экономических профессиях.

Анализ проблемы доверия с позиции трех основных направлений показал особенности понимания феномена:

- с позиции этико-философского подхода, представлено описание морально-нравственной сущности доверия [11; 14; 19], выраженной в избирательности взаимоотношений между людьми и определяющей культурными нормами;

- социолого-политологический подход акцентирует внимание на проблеме доверия как регуляторе социального взаимодействия [15; 20; 22; 24], выраженного в качестве взаимобмена, взаимовыгодного сотрудничества [21], и «...ожиданием того, что другие члены общества будут вести себя предсказуемо, честно, в согласии с общими нормами» [20];

Для цитаты:

Рунец О.В. Апробация личностного опросника Н.Б. Астаниной «Методика изучения доверия к себе» // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 170–182. doi:10.17759/sps.2015060413

* *Рунец Оксана Владимировна* — аспирант лаборатории психологии труда и организационной психологии, Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, orunez@gmail.com

• психологический подход к исследованию проблемы доверия [8; 13; 15; 23; 25] позволил рассмотреть доверие в разных ракурсах:

• установка или системы установок (аттитюдов) по отношению к миру и к самому себе [25];

• ценностного отношения к себе и к другому [8; 13; 23];

• двухполюсной установки-отношения, сущность которой представлена соотношением меры доверия к миру и меры доверия к себе [16].

Данные подходы позволили обосновать феномен доверия в качестве самостоятельного конструкта, описать и построить теоретическую модель, выделить функции доверия и его виды.

Особого внимания заслуживает проблема изучения доверия к себе и его проявления в профессиональной деятельности. Показано, что сбалансированность меры доверия к себе и другим является одной из важнейших детерминант, способствующих успешной адаптации специалистов [18] и надежности в профессиональной деятельности [1], влияющих на профессиональное становление [12]. В работах А.Б. Купрейченко большое внимание уделяется значимости феномена доверия себе в управленческой деятельности [8], в исследовании М.В. Аллахвердова изучалась роль доверия к себе при принятии решений в межличностном взаимодействии [3]. Согласно исследованиям Ю.С. Уколовой, доверие к себе связано с ситуативной, актуальной значимостью и априорной надежностью другого, способствует адекватной оценке своих партнеров по общению и продуктивному взаимодействию с ними [17].

В рамках нашего исследования мы, также как и автор опросника «Методика изучения доверия к себе» [4], опира-

емся на понимание феномена доверия, основанное на концепции Т.П. Скрипкиной, где доверие к себе рассматривается как ценностное отношение к своему внутреннему миру, проявляющееся в переживании значимости собственной личности [16]. Согласно данному определению, Т.П. Скрипкина описала трехкомпонентную структуру доверия к себе, состоящую из конативного, когнитивного и эмоционального компонентов. Сущность конативного компонента заключается в осуществлении выбора стратегий и тактик поведения личности. Когнитивный компонент базируется на представлении о себе и своих возможностях, основанных на прошлом опыте. Содержанием эмоционального компонента является эмоциональное отношение личности к себе [4].

Е.П. Ильин, обобщая работы, посвященные исследованию феномена доверия, пишет об отсутствии четкого и обобщенного определения понятия [6], что объясняет определенные трудности в выборе адекватных психодиагностических методов исследования разнообразных проявлений доверия, в том числе и доверия к себе.

Теоретический анализ исследований, посвященных проблеме доверия к себе, позволил выделить опросник Н.Б. Асташиной «Методика изучения доверия к себе» [4]. В работах автора приведена доказательная база о валидности и надежности предложенного опросника, обоснованы внутриличностные корреляты доверия к себе, такие как: самоотношение, локус контроля, уровень самореализации личности, которые удовлетворяют требованиям к диагностическому инструментарию необходимому для целей нашего исследования. Однако предложенный опросник был создан для из-

учения доверия к себе у подростков и респондентов юношеского возраста.

Цель статьи — описание этапов апробации опросника «Методика изучения доверия к себе» Н.Б. Астаниной на взрослом контингенте.

Описание методики

При разработке опросника Н.Б. Астанина использовала метод семантического дифференциала. Каждый пункт представлен двумя противоположными утверждениями, одно из которых предлагается выбрать и оценить с помощью биполярной градуированной оценочной семибалльной шкалы. Опросник состоит из 15 пунктов. Каждый пункт содержит утверждения, представленные в различных вариантах: в виде умозаключений, выводов, которые составляют содержание когнитивного компонента доверия к себе; в виде описания эмоциональных переживаний поведения человека в значимых ситуациях и ситуациях неопределенности. Общий показатель доверия к себе высчитывается путем суммирования баллов по всем пунктам.

Математический анализ проведен с помощью пакета IBM SPSS 19.

Исследование психометрических свойств опросника «Методика изучения доверия к себе»

Этапы проведения исследования.

Исследование состояло из нескольких этапов и проводилось в Москве, Краснодаре. Испытуемыми были студенты, медицинские работники, инженеры, военные, преподаватели вузов, служащие, в количестве 239 человек. Из них в ос-

новом исследовании приняли участие 197 человек (41 мужчина и 156 женщин, средний возраст 33 года), и 42 человека (12 мужчин, 30 женщин, средний возраст 28 лет) для проведения тест-ретеста.

Надежность методики. Для проверки надежности опросника «Методика изучения доверия к себе» изучалась внутренняя согласованность пунктов с помощью коэффициента альфа - Кронбаха. Коэффициент $\alpha=0,704$, что указывает на достаточную внутреннюю согласованность опросника.

Для проверки ретестовой надежности опросника он был предложен 42 респондентам (12 мужчин, 30 женщин, средний возраст 28 лет) дважды с интервалом измерения в один месяц. Показатель $rs=0,706$ при уровне значимости $p<0,01$ свидетельствует об удовлетворительной ретестовой надежности.

Следующим этапом было осуществить проверку на соответствие закону нормального распределения. Для этого применялись следующие критерии: критерий асимметрии и эксцесса, статистический критерий Колмогорова-Смирнова. Описательные статистики суммарного показателя опросника «Методика изучения доверия к себе» Н.Б. Астаниной приведены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, эксцесс показателя опросника «Методика изучения доверия к себе» Н.Б. Астаниной равен $-0,073$, следовательно, кривая распределения плосковершинна. Критерий асимметрии равен $-0,241$, что указывает на левостороннюю асимметрию. По величине критериев эксцесса и асимметрии можно сделать допущение о нормальности распределения показателя опросника «Методика изучения доверия к себе» Н.Б. Астаниной.

Для проверки гипотезы о нормальности распределения применялся кри-

Таблица 1

**Описательные статистики суммарного показателя опросника
«Методика изучения доверия к себе» Н.Б. Астаниной**

Показатели	Значение
Среднее	69,365
Стандартная ошибка среднего	0,819
Медиана	70
Мода	67
Стандартное отклонение	11,501
Дисперсия	132,264
Асимметрия	-0,241
Стандартная ошибка асимметрии	0,173
Экссесс	-0,073
Стандартная ошибка эксцесса	0,345
Размах	62
Минимум	36
Максимум	98

терий Колмогорова–Смирнова. Коэффициент Z составил 0,815 при $p > 0,1$ ($p = 0,519$), указывает на соответствие эмпирического распределения закону нормального распределения. Полученные результаты совпадают с данными, указанными автором опросника «Методика изучения доверия к себе» при апробации на подростковой выборке [4].

Гендерные различия. Для выявления гендерных различий выборка была разделена по полу. Было выделено 2 группы: первая – 43 мужчины, вторая – 154 женщины. Характеристики гендерных групп представлены в табл. 2.

Возрастные различия. Для выявления возрастных различий выборка была разделена, согласно медианному значе-

нию, по возрасту – 33 года. Было выделено 2 группы: первая группа – 99 респондентов в возрасте от 20 до 33 лет и вторая группа более зрелого возраста – от 34 до 53 лет. Характеристики возрастных групп представлены в табл. 2.

Результаты оценки гендерных и возрастных различий по опроснику «Методика изучения доверия к себе» Н.Б. Астаниной представлены в табл. 3.

Анализ показал, что группы, разделенные по гендерному признаку, не различаются по суммарному показателю опросника «Методика изучения доверия к себе» Н.Б. Астаниной. Обращает на себя внимание наличие тенденции к появлению различий между двумя совокупностями разделенных по

Таблица 2

**Характеристики возрастных и гендерных групп по показателю опросника
«Методика изучения доверия к себе» Н.Б. Астаниной**

Показатель	Группы	N	Среднее	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка среднего
Доверие к себе	>= 33,00	99	70,80	10,67	1,07
	< 33,00	98	67,86	12,18	1,23
	м	43	69,74	10,96	1,67
	ж	154	69,22	11,69	,94

Таблица 3

**Оценка гендерных и возрастных различий по опроснику
«Методика изучения доверия к себе» Н.Б. Астаниной**

Группы	Критерий равенства дисперсий Ливиня		t-критерий равенства средних				
	F	Значимость	t	Степени свободы	p	Разность средних	Стандартная ошибка разности
По возрасту	1,23	,27	1,80	195	,07	2,94	1,63
По полу	,28	,59	,26	195	,79	,52	1,99

возрасту, что объясняется возрастными периодами. Так, первую группу можно охарактеризовать как стремящуюся к профессиональному становлению. В этот период деятельность протекает в условиях роста ситуаций неопределенности из-за отсутствия достаточного профессионального опыта [7]. Поэтому профессиональное становление характеризуется обращением к доверию к себе как обеспечивающему разрешение ситуации неопределенности. Вторая группа характеризуется высокой работоспособностью и продуктивностью, наличием авторитетности, что указывает на накопление достаточного профессионального опыта, чтобы не только самим его использовать, но и передавать другим [7], что проявля-

ется в снижении количества ситуаций неопределенности, а, следовательно, к снижению необходимости обращения к доверию к себе.

Для изучения конструктивной валидности теста использовался метод перекрестной валидации, путем расчета коэффициентов корреляции между показателями опросника «Методика изучения доверия к себе» и показателями МИС [10]. Наличие связей между параметрами определялось с помощью коэффициентов ранговой корреляции Спирмена.

С целью проверки возможности описания доверия профессионала себе посредством апробируемого опросника следующим шагом было разделение всей генеральной совокупности на четыре не-

зависимых группы, согласно возрастной периодизации, предложенной В.Ф. Моргуном [9]. Специфика анализируемых групп описывалась на основе ведущей деятельности — этапов профессионализации специалистов. Характеристика групп приведена в табл. 4.

В первую группу вошли люди 20–23 лет, социально-психологический статус, которых можно описать как: молодой специалист, студент, работник с небольшим стажем. Для данной группы характерно поиск своего места в обществе. Личностное и профессиональное самоопределение.

Вторая группа 24–29 лет — специалисты со стажем работы 5–7 лет. Для данной категории работников свойственна мотивационная ориентация на конкретные профессиональные цели, на профессиональный рост и специализацию в выбранной профессии, они характеризуются сформированностью представлений о своем будущем.

Специалистам в возрасте от 30 до 40 лет (группа 3) свойственна высокая работоспособность и продуктивность.

Данная возрастная группа включает в основном людей, обладающих богатым жизненным и профессиональным опытом.

Четвертая группа специалистов — 40–53 года — вершина жизненного пути личности. Этот период характеризуется профессиональным мастерством, достижением определенного положения в обществе, стремлением передать свой жизненный и профессиональный опыт.

Полученные данные, приведенные в табл. 5, свидетельствуют, что показатели доверия к себе во всех четырех группах значимо положительно коррелируют с показателем по шкале МИС «Самоуверенность», при этом теснота связей усиливается с ростом профессионализации и сохраняется на всех последующих этапах профессионального пути. Данные результаты показывают, что в процессе профессионализации усиливается ощущение силы профессионального Я, у доверяющего себе доминирует мотив успеха, он ощущает свою компетентность и способность решать жизненные проблемы. Препятствия на пути к достижению

Таблица 4

Описательная характеристика возрастных групп по показателю опросника «Методика изучения доверия к себе» Н.Б. Астаниной

Группы	N	Среднее	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка	95% доверительный интервал для среднего	
					Нижняя граница	Верхняя граница
1	34	66,82	12,49	2,14	62,46	71,18
2	57	68,74	11,88	1,57	65,58	71,89
3	59	72,08	10,46	1,36	69,36	74,81
4	47	68,42	11,27	1,64	65,11	71,73
Итого	197	69,33	11,51	,82	67,71	70,95

**Результаты корреляционного анализа показателя опросника
«Методика изучения доверия к себе» Н.Б. Астаниной и шкал МИС**

Шкалы МИС	Корреляции по Спирману. Доверие к себе			
	1-я группа (20–23 года)	2-я группа (24–29 лет)	3-я группа (30–39 лет)	4-я группа (40–53 года)
Открытость	0.55	0.154	0.285	0.169
Самоуверенность	0.402*	0.477*	0.385**	0.456**
Саморуководство	0.275	0.321*	0.303*	0.186
Зеркальное Я	-0.05	0.269	0.362*	0.006
Самоценность	0.474*	0.232	0.128	0.030
Самопринятие	-0.136	0.175	0.197	0.204
Самопривязанность	0.253	0.140	0.184	0.254
Конфликтность	-0.278	-0.382**	-0.87	-0.154
Самообвинение	-0.345*	-0.489**	-0.063	-0.443**

Примечание: «**» — корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя); «*» — корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).

цели воспринимаются как преодолимые. Таким образом, можно предположить, что в процессе профессионализации доверие к себе проявляется в самоотношении к себе как к компетентному специалисту.

В группах 2 и 3 доверие к себе положительно коррелирует с показателем по шкале МИС «Саморуководство». Так, наличие достоверной связи между показателями позволяет предположить, что доверяющие себе профессионалы имеют представление об источниках собственной активности, результатах, достижениях и развитии профессионального Я. Наличие подобной взаимосвязи логично объясняется тем, что именно в этих группах наиболее ярко проявляется

стремление к профессиональной самореализации, выражающееся в работоспособности и продуктивности; важным является накопление жизненного и профессионального опыта, всего того, что позволяет ощущать себя компетентным специалистом.

Шкалы «Самоуверенность» и «Саморуководство» являются компонентами фактора самоуважение в процедуре факторизации матриц интеркорреляций значений шкал МИС [2], что позволяет нам говорить о том, что доверие профессионала к себе во многом определяется отношением личности к самой себе как профессионалу. Так, в условиях моделируемого эксперимента показано, что люди, склонные доверять себе, работают

более эффективно в ситуации неопределенности, в частности, в условиях выигрыша/проигрыша [3].

В 1-й, 2-й и 4-й группах показатель доверия к себе имеет отрицательные корреляции со шкалой «Самообвинение». Наличие данной связи может свидетельствовать о том, что доверие к себе как личностный феномен берет на себя функцию защиты Я и способствует устранению барьеров на пути к достижению цели. Наличие самообвинения как личностного свойства часто свидетельствует о внутренней неустойчивости [2]. Наличие отрицательной связи между доверием к себе и самообвинением показывает, что личность, доверяющая себе, характеризуется устойчивостью к неопределенности, в том числе и в профессиональной сфере, усиление отрицательной взаимосвязи с ростом профессионализации подтверждает высказанное предположение.

Полученные данные различаются от результатов на подростковой и юношеской выборке, где доверие к себе значимо положительно коррелирует с показателем «Саморуководство», «Самоценность» и отрицательно коррелирует с показателем «Самообвинение» и «Внутренняя конфликтность» [4]. Анализируя связи, автор указывает на возрастные особенности респондентов и связывает полученные результаты с проявлением юношеского возраста, характеризующегося формированием мировоззрения, самостоятельности

суждений, повышением требования к моральному облику человека, формированием самооценки, стремлением к саморуководству [5].

Таким образом, в соответствии с задачей исследования нами был апробирован на взрослой выборке опросник «Методика изучения доверия к себе». Получены показатели содержательной валидности, ретестовой надежности, внутренней согласованности, позволяющие говорить о том, что данный метод успешно может быть применен на взрослой выборке при исследовании доверия к себе как самоотношения.

Выводы

- Результаты проведенного теоретического и эмпирического исследования позволяют рекомендовать опросник «Методика изучения доверия себе» Н.Б. Астаниной к использованию в исследовательской практике на взрослой выборке как удовлетворяющий основным требованиям к конструированию диагностического инструмента.

- Результаты анализа связей показателей опросника «Методика изучения доверия себе» и опросника МИС позволяют рассматривать доверие профессионала к себе как самоотношение.

С целью дальнейшей апробации опросника в настоящее время проводится проверка опросника на различных профессиональных группах.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда грант № 15-06-10508.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимова А.Ю.* Доверие к технике в представлении машинистов локомотивов // Вестник ННГУ. 2012. №1—1. С. 376—382.
2. *Аладьин А.А.* Психодиагностика и психокоррекция в воспитательном процессе: методическое пособие / А.А. Аладьин, Л.А. Пергаменщик, И.А. Фурманов, С.В. Отчик. Мн.: БелНИИО, 1992. 152 с.
3. *Аллахвердов М.В.* Имплицитная теория доверия как основа принятия решений // Ананьевские чтения—2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии: Материалы научной конференции. СПб, 2010. С. 14—16.
4. *Астанина Н.Б.* Создание и апробация нового личностного опросника «Методика изучения доверия к себе» [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2010. № 3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2010/3/Astanina.phtml> (дата обращения: 12.11.2015).
5. *Ермолаева М.В.* Психология развития: метод. пособие для студ. заочной и дистанционной форм обучения. 2-е изд. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. 376 с.
6. *Ильин Е.П.* Психология доверия. СПб.: Питер, 2013. 288 с
7. *Климов, Е. А.* Психология профессионального самоопределения. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 304 с.
8. *Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 562 с.
9. *Моргун В.Ф.* Проблема периодизации развития личности в психологии: учеб. пособие / В.Ф. Моргун, Н.Ю. Ткачева. М.: Изд-во Московского университета, 1981. 84 с.
10. *Пантилеев С.Р.* Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 29 с.
11. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история / Б.Ф. Поршнев. М.: Наука, 1979. 131 с.
12. *Пухарева Т.С.* Значение доверия в деловых отношениях // Социокультурные проблемы современного человека: материалы III международной научно-практической конференции (22—26 апреля 2008 г.) / под ред. О.А. Шамшиковой, Н.Я. Большуновой. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2009. С. 155—158.
13. *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Универс», 1994. 480 с.
14. *Рутковский Б.А.* Понятие доверия в марксистской этике: автореф. дис. ... канд. философ. наук / Б.А. Рутковский; Ин-т философии. Киев: Ин-т философии, 1967. 21 с.
15. *Селигмен А.* Проблема доверия / Пер. с англ. И. Мюрберг, Л. Соболевой. М.: Идея Пресс, 2002. 61 с.
16. *Скрипкина Т.П.* Философско-психологическая концепция доверия как социально-психологического явления // Доверие в социально-психологическом взаимодействии: Коллективная монография / Под ред. Т.П. Скрипкиной. — Ростов н/Д., 2006. С. 15 — 39.
17. *Уколова Ю.С.* Категории «вера» и «доверие» — семантика различий // Наука. Релігія. Суспільство. 2008. № 2. С. 192—200.
18. *Фатхи О.Г.* Доверие как фактор повышения адаптационных возможностей в экстремальных ситуациях: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05: Ростов-н/Д, 2003. 218 с.

19. Франк С.Л. Смысл жизни. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1976. 170 с.
20. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО Изд-во АСТ, 2004. 730 с.
21. Шо Р.Б. Ключи к доверию в организации: Результативность, порядочность, проявление заботы. М.: Дело, 2000. 63 с.
22. Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012 С. 273—281.
23. Bretherton I. The origins of attachment theory: John Bowlby and Mary Ainsworth // *Developmental Psychology*. 1992. Vol. 28. P. 759—777. doi:10.1037/0012-1649.28.5.759
24. Luhmann N. Trust and Power. Wiley: Chichester, UK, 1979. 228 p.
25. Rotter J.B. Interpersonal trust, trustworthiness, and gullibility // *American Psychologist*. 1980. Vol. 35. P. 1—7. doi:10.1037/0003-066X.35.1.1

Approbation of Personality Questionnaire by N.B. Astanina “A Technique for Exploring Self-Trust”

O. V. RUNETS*,
Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
orunez@gmail.com

This paper reviews the concept of one of the basic personality traits, ‘self-trust’, and describes a tool for measuring it — a questionnaire “A Technique for Exploring Self-Trust” developed by N.B. Astanina. The questionnaire was tested on a sample of adults. Analysis of validity and reliability showed satisfactory outcomes proving that the questionnaire can be applied in research.

Keywords: *self-trust, self-attitude, self-worth, validity, reliability.*

Financing

The research was conducted with the assistance of the Russian Foundation for Humanities (grant № 15-06-10508).

REFERENCES

1. *Akimova A.Ju.* Doverie k tehnike v predstavlenii mashinistov lokomotivov [Trust in technology, as perceived by locomotive engineers] // Vestnik NNGU [HERALD Nizhny Novgorod University]. 2012. № 1—1. pp. 376—382.
  2. *Alad'in A.A.* Psihodiagnostika i psihokorrekcija v vospitatel'nom processe: metodicheskoe posobie [Psychological diagnostics and therapy in the educational process: Manual] / A.A. Alad'in, L.A. Pergamenshnik, I.A. Furmanov, S.V. Otchik — Mn.: BelNIIO [Minsk], 1992. 152 p.
  3. *Allahverdiv M.V.* Implicitnaja teorija doverija kak osnova prinjatija reshenij [Implicit theories of trust as a basis for decision-making] // Anan'evskie chteniya— 2010. Sovremennye prikladnye napravlenija i problemy psihologii: Materialy nauchnoj konferencii [Anan'evskij chteniya — 2010. Modern application areas and problems of psychology: Proceedings of the conference]. Saint-Petersburg, 2010. pp. 14—16.
  4. *Astanina N.B.* Sozdanie i aprobacija novogo lichnostnogo oprosnika «Metodika izuchenija doverija k sebe» [Creation and testing of a new personality questionnaire ‘Methods of studying self-trust’] [Elektronnyi resurs] // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru. [Psychological Science and Education] 2010. № 3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2010/3/Astanina.phtml> (Accessed: 12.11.2015)
-

For citation:

Runets O.V. Approbation of Personality Questionnaire by N.B. Astanina “A Technique for Exploring Self-Trust”. *Sotsial'naja psihologija i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 4, pp. 170—182. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2015060413

* *Runets Oksana V.* — PhD student, Laboratory of Work and Organizational Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, orunez@gmail.com

5. *Ermolaeva M.V.* Psihologija razvitija: Metodicheskoe posobie dlja studentov zaочноj i distancionnoj form obuchenija.[Developmental Psychology: a textbook for students of correspondence and distance learning]— 2-e izd. Moscow: Moskovskij psihologosocial'nyj institut; Voronezh: Izd-vo NPO «MODJeK», 2003. 376 p.
6. *Il'in E.P.* Psihologija doverija[The psychology of trust]. — Saint-Petersburg.: Piter, 2013. 288 p.
7. *Klimov E. A.* Psihologija professional'nogo samoopredelenija[Psychology of professional self-determination] / E. A. Klimov. Moscow.: Akademija, 2004. 304 p.
8. *Kuprejchenko A.B.* Psihologija doverija i nedoverija[Psychology of trust and distrust]. Moscow.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2008. 562 p.
9. *Morgun V.F.* Problema periodizacii razvitija lichnosti v psihologii : uchebnoe posobie[The problem of periodization of the development of personality in psychology: Textbook] / V.F. Morgun, N.Ju. Tkacheva. — Moscow.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1981. 84 p.
10. *Pantileev S. R.* Metodika issledovanija samootnoshenija[Methods of self-study] / S.R. Pantileev. Moscow: Smyl, 1993. 29 p.
11. *Porshnev B.F.* Social'naja psihologija i istorija [Social Psychology and History] / B.F. Porshnev. Moscow: Nauka, 1979. 131 p.
12. *Puhareva T.S.* Znachenie doverija v delovyh otnoshenijah // *Sociokul'turnye problemy sovremennogo cheloveka: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii (22—26 aprēlja 2008 g.) / pod red. O.A. Shamshikovej, N.Ja. Bol'shunovoj. Novosibirsk: Izd. NGPU, 2009. pp. 155—158.*
13. *Rodzhers K.R.* Vzgljad na psihoterapiju. Stanovlenie cheloveka[A look at psychotherapy. Becoming Human] / K.R. Rodzhers — Moscow.: Izdatel'skaja gruppa «Progress», «Univers», 1994. 480 p. (In Russ.)
14. *Rutkovskij B.A.* Ponjatie doverija v marksistskoj jetike: avtoref. dis. kand. filos. nauk [The concept of trust in the Marxist Ethics: Ph. D. (Philosophy) Thesis] / B.A. Rutkovskij; in-t filosofii — Kiev: in-t filosofii, 1967. 21 p.
15. *Seligmen A.* Problema doverija [The problem of trust] / A. Seligmen per. s ang. I. Mjurgberg, L. Sobolevoj. — Moscow.: Ideja Press, 2002. 61p. (In Russ.)
16. *Skripkina T.P.* Filosofsko-psihologičeskaja koncepcija doverija kak social'no-psihologičeskogo javlenija // *Doverie v social'no-psihologičeskom vzaimodejstvii: Kollektivnaja monografija / Pod red. T.P. Skripkinoj.* Rostov n/D., 2006. pp. 15—39.
17. *Ukolova Ju.S.* Kategorii «vera» i «doverie» — semantika razlichij [Categories of 'faith' and 'trust' — semantic differences] / Ju.S. Ukolova // *Nauka. Religija. Suspil'stvo.* 2008. no 2. pp. 192—200.
18. *Fathi O.G.* Doverie kak faktor povyšhenija adaptacionnyh vozmožnostej v jekstremal'nyh situacijah: Dis. ... kand. psihol. nauk [Trust as a factor in increasing adaptation capacity in extreme situations: Ph. D. (Psychology) Diss.]: 19.00.05 : Rostov-on-Don, 2003. 218 p.
19. *Frank S. L.* Smysl zhizni[Meaning of life] / S.L. Frank.— Brjussel': Izd-vo «Zhizn' s Bogom», 1976. 170 p. (In Russ.)
20. *Fukujama F.* Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniju [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity] / F. Fukujama. Moscow: OOO Izd-vo AST, 2004. 730 p. (In Russ.)

21. *Sho R.B.* Kljuchi k doveriju v organizacii: Rezul'tativnost', porjadochnost', projavlenie zaboty. [Keys to trust in the organization: efficiency, honesty, caring] / R.B. Sho. Moscow.: Delo, 2000. 63 p. (In Russ.)
22. *Shtompka P.* Doverie – osnova obshhestva [Trust – the foundation of society] // P. Shtompka. Moscow: Logos, 2012. pp. 273–281. (In Russ.)
23. *Bretherton I.* The origins of attachment theory: John Bowlby and Mary Ainsworth // *Developmental Psychology*. 1992. Vol. 28. pp. 759–775. doi:10.1037/0012-1649.28.5.759
24. *Luhmann N.* Trust and Power. Wiley: Chichester, UK, 1979. 228 p.
25. *Rotter J.B.* Interpersonal trust, trustworthiness, and gullibility // *American Psychologist*. 1980. Vol. 35. pp. 1–7. doi:10.1037/0003-066X.35.1.1

**Всероссийская научно-практическая конференция
с международным участием «Практическая этнопсихология:
актуальные проблемы и перспективы развития»
(Москва, МГППУ, 20–21 ноября 2015 г.)**

О.Е. ХУХЛАЕВ*,
ГБУ ВПО МГППУ, Россия,
huhlaev@mail.ru

В настоящем материале представлен краткий содержательный отчет о работе Пятой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития» на тему «Понять другого: Межкультурное взаимопонимание в современном глобальном мире». При этом в содержательно-структурном плане конференция состояла из пленарного заседания, шести секционных заседаний, а также шести мастер-классов и ряда дискуссионных площадок, посвященных анализу наиболее актуальных проблем современной этнопсихологии.

Бурный рост миграционных процессов, конфликты на национальной почве — действительно реальный вызов современному человечеству. Как говорил Умберто Эко еще в 1997 г.: «...в следующем тысячелетии Европа превратится в многорасовый, или, если предпочитаете, в многоцветный континент». Современная социальная ситуация подтверждает правоту итальянского мыслителя. Поэтому на первый план выходит вопрос: «как нам понять других?». Понять так, чтобы сделать правильный и ответственный вы-

бор, не только и не столько в политике, сколько в повседневной коммуникации.

Этим вопросам была посвящена Пятая Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития» на тему «Понять другого: Межкультурное взаимопонимание в современном глобальном мире». Конференция состоялась в МГППУ 20–21 ноября 2015 г. и была проведена при поддержке Евразийской ассоциации университетов. Основным

Для цитаты:

Хухлаев О.Е. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития» (Москва, МГППУ, 20–21 ноября 2015 г.) // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 183–187. doi:10.17759/sps.2015060414

* Хухлаев Олег Евгеньевич — кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, huhlaev@mail.ru

организатором конференции выступала кафедра этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования МГППУ.

Среди участников были профессионалы из различных регионов РФ: от Улан-Удэ до Смоленска, от Грозного до Архангельска, а также гости из ближнего зарубежья: Молдовы, Украины, Финляндии.

Конференция продолжалась два дня: пятницу и субботу. Пленарное заседание было посвящено теме «Ценности. Религия. Образование. Взаимопонимание в современном глобальном мире». О проблемах религиозного образования и формировании идентичности в школе рассказала доктор педагогических наук, доцент Т.В. Склярова, кандидат психологических наук, профессор М.Р. Битянова в своем выступлении подняла вопросы формирования личности на основе христианских ценностей в аспекте возможностей педагогического влияния.

На секции «Практическая этнопсихология: исследовательские модели» в докладе «Теории межкультурной коммуникации: в поисках выхода из кризиса» доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО Г.У. Солдатова обозначила основные ограничения современных теорий межкультурной коммуникации, преодоление которых является важной задачей на пути разработки перспективной теории, соответствующей современному этапу развития науки.

Доктор психологических наук, профессор Т.В. Корнилова рассказала об исследовании, посвященном кросскультурному сравнению имплицитных теорий ума и личности (у российских и азербайджанских студентов). В частности, было обнаружено, что больше верят в то, что интеллект развивается в обуче-

нии, именно азербайджанские студенты. Хотя они и считают себя менее успешными, чем российские (по самооценке обучения). Российские студенты в большей степени считают, что личность может развиваться, но чаще придерживаются теории константного интеллекта.

Конкурентоспособность управленческих культур в век информационной экономики была рассмотрена в докладе доктора психологических наук, профессора В.Ю. Хотинец. По мнению ученого, в сложной эволюционирующей экономической системе управленческая культура представлена в единстве с организационной и национальной культурами. В своем новом состоянии в мире разнообразия и алекторики культур управленческая культура обнаруживает себя через синтагму (сопорядок устойчивости) составляющих многоуровневой организационной культуры и культурных ценностей, от которых исходят их подлинные значения и смыслы.

На секции «Межгрупповые отношения в практической этнопсихологии» доктор психологических наук, профессор Т.Г. Стефаненко представила результаты сравнительного исследования студентов США и РФ, связанного с виной и стыдом. Особое внимание было уделено рассмотрению подходов к психологическому изучению коллективных переживаний.

Роль несовместимости идентичностей во взаимосвязи дискриминации и аккультурации на примере русских подростков Северного Кавказа была показана в выступлении кандидата психологических наук З.Х. Лепшковой и доктора психологических наук, профессора Н.М. Лебедевой. В результате авторы доказали, что воспринимаемая несовместимость идентичностей является не просто медиатором во

взаимосвязи дискриминации и стратегий аккультурации, но и в определенной мере обуславливает выбор той или иной аккультурационной стратегии.

Доклад кандидата психологических наук, доцента О.Е. Хухлаева (в соавторстве с кандидатом социологических наук, доцентом И.М. Кузнецовым) был посвящен психологическому взгляду на формирование гражданского патриотизма у современной молодежи.

На параллельной секции «Этнопсихология в образовательном пространстве» доктор педагогических наук, доцент М.И. Алдошина в своем докладе обосновала необходимость сочетания культурологической и компетентностной констант в университетском образовании. А кандидат психологических наук, доцент Г.С. Степанова обозначила роль диалогического мышления в поликультурном образовании. В заключение кандидат исторических наук, доцент И.И. Гринько в выступлении на тему «Создавая этномузей», подготовленном в соавторстве с доктором исторических наук, профессором А.А. Шевцовой, рассказал о потенциале непрофильных музеев в этнокультурном образовании.

Стендовые доклады также отличались своим разнообразием. На секции «Прикладные этнопсихологические исследования: от идентичности до межкультурной компетентности» участники конференции, в частности, могли узнать о влиянии семьи на психологическое благополучие детей этнических меньшинств (младший научный сотрудник Т.А. Рябиченко, доктор психологических наук, профессор Н.М. Лебедева) и познакомиться с особенностями стратегий совладания с чувствами вины и стыда у представителей разных этнических групп (кандидат психологических наук, доцент Т.Н. Смотров).

Вечером участники конференции могли предпочесть для посещения один из трех мастер-классов: «Интеграция мигрантов в образовательной системе ФРГ», «Форсайт-технологии как конструктором поликультурных образовательных систем», «Психодраматическое исследование этнокультурного прототипа религиозного движения, культа и тайного общества». Выбор оказался для многих сложен, но довольными остались все.

Второй день конференции, суббота, оказался не менее насыщенным разнообразными мероприятиями. Продолжилась работа секций по следующим направлениям «Кросс-культурные исследования: прикладные аспекты», «Миграционные исследования для практической этнопсихологии» и «Культурное разнообразие современного мира: прикладные этнопсихологические исследования».

Один из докладов представляли студенты из Улан-Удэ (М.В. Алагуев, Б. Эрдэнэбат), которые рассказали о проблеме перевода и адаптации методики изучения ценностей личности Ш. Шварца на монгольский язык.

Доктор психологических наук, доцент А.Н. Татарко с коллегами из НИУ ВШЭ в докладе «Влияние этнической гетерогенности на социально-психологический капитал личности» на основании результатов масштабного исследования опроверг страхи, связанные с культурными различиями, по сути дела обозначив их мифическую и/или пропагандистскую природу. Так, по его данным, в российском контексте этническое многообразие не оказывает отрицательного влияния на социально-психологический капитал личности. В то же время этническое многообразие положительно влияет на этническую толерантность личности.

Доктор медицинских наук, профессор М.Г. Чухрова и доктор медицинских наук, профессор В.И. Хаснулин обозначили стратегию этнокультуральных исследований в восточном регионе России а также отметили значение национального языка в адаптации к климато-геофизическим условиям среды.

Содержательной также оказалась секция, посвященная проблемам миграции где доктор психологических наук, профессор В.В. Гриценко обозначила «Основные подходы к изучению социально-психологической адаптации соотечественников в России», а доктор психологических наук, доцент А.А. Нестерова и кандидат психологических наук, доцент Т.Ф. Сулова рассказали о масштабном исследовании мигрантов и принимающего населения в столичном регионе. На секции, обсуждающей культурное разнообразие современного мира, в фокусе внимания оказалась ситуация в Молдове (доктор психологических наук, доцент И.И. Кауненко, кандидат психологических наук Н.Г. Каунова) и Чечне (кандидат педагогических наук, доцент О.С. Павлова).

Стендовая секция была направлена на демонстрацию решений, связанных с практической этнопсихологией для образования. К.Ю. Агилар Онья. и кандидат психологических наук, доцент О.В. Маслова обозначали вопросы, связанные с межкультурной адаптацией Латино-Американских студентов в России, а кандидат психологических наук, доцент И.А. Новикова представила основные направления исследований толерантности студентов многонационального вуза (на примере РУДН). Психолого-педагогическое сопровождение процесса адаптации студентов-мигрантов к социальным практикам принимающей сторо-

ны было продемонстрировано в докладе кандидата психологических наук, доцента О.Я. Емельяновой, а кандидат психологических наук, доцент Е.П. Непочатых рассмотрела компетентность студентов в контексте практики межкультурного взаимодействия.

В рамках дискуссионных площадок был показан антропологический фильм «Перерождение», снятый в улусе Мыла Закаменского района Бурятии летом текущего года. После просмотра можно было обсудить увиденное с автором фильма кандидатом психологических наук, доцентом А.С. Обуховым.

Группа учителей из нескольких школ Калининского района Санкт-Петербурга, возглавляемая коллегой из Финляндии кандидатом педагогических наук, доцентом Э.Р. Хакимовым, живую продемонстрировала авторскую технологию создания «памяток для родителей-мигрантов» как метода повышения межкультурного взаимопонимания.

На мастер-классах участники получили возможность узнать особенности планирования тренинга формирования толерантности и межкультурной компетентности (кандидат психологических наук, доцент И.Я. Лейбман), познакомиться с основами конструирования программ профилактики латентного экстремизма в молодежной среде (кандидат психологических наук, доцент М.А. Одинцова), а также обучиться использованию общекультурных символов в групповой работе в поликультурной среде (доктор педагогических наук, доцент О.В. Хухлаева).

В приветствии к участникам конференции генеральный секретарь Евразийской ассоциации университетов, проректор МГУ имени М.В. Ломоносова Н.В. Семин выразил уверенность в том,

что обсуждение важнейших вопросов — интеркультурного взаимодействия на Евразийском образовательном пространстве, направления развития практической этнопсихологии, выработки конкретных предложений по повышению между-

турного взаимопонимания послужат решению проблем дальнейшего развития интеграционного сотрудничества. По ощущениям участников и словам, сказанным на закрытии конференции, эта цель была достигнута на 100 %.

**All-Russian Scientific Conference Practical Ethnopsychology:
Current Issues and Perspectives of Development
(Moscow, MSUPE, November 20–21, 2015)**

O.E. KHUKHLAEV*,
Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
huhlaev@mail.ru

This paper provides a brief overview of the 5th All-Russian Scientific Conference with international participants Practical Ethnopsychology: Current Issues and Perspectives of Development on the topic “Understanding One Another: Intercultural Communication in Modern Global World”. The conference consisted of the plenary session and six section meetings, as well as six workshops and several discussion groups focused on analyzing most relevant issues in modern ethnopsychology.

For citation:

Khukhlaev O.E. All-Russian Scientific Conference Practical Ethnopsychology: Current Issues and Perspectives of Development (Moscow, MSUPE, November 20-21, 2015). *Sotsial'naiia psikhologĭia i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 4, pp. 183–187. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2015060414

* *Khukhlaev O.E.* — PhD in Psychology, assistant professor, head of the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, huhlaev@mail.ru

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО» В 2015 ГОДУ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Толстых Н.Н.

Журналу «Социальная психология и общество» — 5 лет! ..... № 4. С. 5–8

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Горбатов Д.С. Феномен толпы в отечественной психологии:

концепция В.К. Случевского ..... № 3. С. 21–29

Ильин В.А. К вопросу о религиозной идентичности: опыт

культурно-исторического анализа с позиций психосоциальной

теории развития ..... № 2. С. 33–50

Клёщина И.С. Ситуация развода как предмет отечественных

социологических и социально-психологических исследований

семейных отношений ..... № 3. С. 30–45

Колтакова А.С. Гендерный анализ причин развода в

социально-психологических отечественных исследованиях ..... № 2. С. 22–31

Мешкова Н.В. Современные зарубежные исследования

креативности: социально-психологический аспект ..... № 2. С. 8–21

Филинкова Е.Б. К проблеме перехода от исполнительской

(педагогической) деятельности к управленческой: концептуальное

понимание и теоретическая модель ..... № 3. С. 5–20

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Авдулова Т.П., Мотылева Л.А. Социальные представления

подростков, склонных к риску ..... № 2. С. 105–116

Бабанин П.А. Социально-психологическая специфика отношений

авторитетности в учебных группах современных вузовских студентов

Сообщение 1. Отношения авторитетности в учебных студенческих

группах первого курса ..... № 1. С. 14–24

Сообщение 2. Отношения авторитетности в учебных студенческих

группах третьего курса ..... № 1. С. 25–32

Сообщение 3. Отношения авторитетности в учебных студенческих

группах пятого курса ..... № 1. С. 33–44

Баканов А.С., Зеленова М.Е. Когнитивно-стилевые детерминанты

успешности профессиональной деятельности ..... № 2. С. 61–75

Для цитаты:

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО» В 2015 ГОДУ // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 188–191. doi:10.17759/sps.2015060415

<i>Белинская Е.П., Бронин И.Д.</i> Точность межличностного восприятия в условиях опосредованного знакомства в социальных сетях	№ 4. С. 91–108
<i>Денисенкова Н.С., Выроцкова В.В.</i> Специфика взаимосвязи умственных способностей и конфликтной компетентности дошкольников в различных образовательных средах	№ 1. С. 60–67
<i>Дробышева Т.В., Романовская М.А.</i> Типы профессионального взаимодействия современных российских нянь: социально-психологический анализ	№ 3. С. 81–97
<i>Климчук В.А.</i> Мотивационный дискурс личности: количественные характеристики и сравнительный анализ	№ 1. С. 68–83
<i>Лукиянченко Н.В.</i> Семейная идентичность мужчин, состоящих в однополых союзах	№ 1. С. 84–92
<i>Мелёхин А.И., Сергиенко Е.А.</i> Специфика социального познания в пожилом и старческом возрасте	№ 4. С. 60–77
<i>Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И., Брагинец Е.И., Подлипняк М.Б.</i> Образ реального и идеального дома как модератор позитивного функционирования личности	№ 4. С. 9–22
<i>Радина Н.К.</i> Власть, аттракция и референтность в социальных отношениях макроуровня: закрытая группа и закрытое общество	№ 1. С. 45–59
<i>Рягузова Е.В.</i> Гость как особый статус «Другого»	№ 1. С. 5–13
<i>Собкин В.С., Мнацаканян М.А.</i> Особенности восприятия студенческой молодежью современных политических лидеров России (по материалам психосемантического исследования)	№ 3. С. 46–63
<i>Собкин В.С., Мнацаканян М.А.</i> Отношение к политическим лидерам современных старшеклассников (по материалам психосемантического исследования)	№ 4. С. 41–59
<i>Толстых Н.Н., Кондратьев М.Д.</i> Особенности интенциональности личности разностатусных подростков	№ 2. С. 90–104
<i>Федотова В.А., Колова Е.Д.</i> Уверенность в общении и самоотношение как факторы удовлетворенности личности отношениями с другими	№ 2. С. 76–89
<i>Фёдоров В.В., Милеев И.Д.</i> О мотивации подростков – пользователей социальных сетей	№ 3. С. 98–108
<i>Харламенкова Н.Е.</i> Половые и гендерные различия в представлениях о психологической безопасности	№ 2. С. 51–60
<i>Хухлаев О.Е., Миназова В.М., Павлова О.С., Зыков Е.В.</i> Социальная идентичность и этнонациональные установки студенческой молодежи Чечни	№ 4. С. 23–40
<i>Хухлаев О.Е., Тарасов К.О.</i> Факторы выбора этнической категоризации в ситуации информационного воздействия на подростков и юношей	№ 3. С. 64–80
<i>Шкурко Т.А., Николаева Е.Г.</i> Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста	№ 4. С. 78–90

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

<i>Антонова Н.В., Морозова В.Д.</i> Взаимосвязь идентичности потребителя и индивидуальности бренда как фактор приверженности бренду	№ 4. С. 123–138
---	-----------------

<i>Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д.</i> Школьная травля и позиция учителей	№ 1. С. 103–116
<i>Грошев И.В., Давыдова Ю.А., Краснослободцева И.А.</i> Эмоции в структуре составляющих психологической «ткани» организационной культуры	№ 3. С. 120–133
<i>Желябин А.В.</i> Проблема диалогической личности в контексте современной психотехники	№ 3. С. 134–149
<i>Ильин В.А., Бонкало С.В.</i> Феномен бродяжничества с точки зрения психосоциальной теории развития: природа, сущность, ориентиры профилактики	№ 3. С. 150–156
<i>Кочетова Т.В.</i> Traffic Psychology в системе подготовки преподавателей автошкол и водителей автотранспортных средств: программа дополнительного профессионального образования	№ 1. С. 93–102
<i>Лукьянченко Н.В.</i> Возможности прикладной социальной психологии в оптимизации работы служб сопровождения (на примере взаимодействия с родителями детей, имеющих особенности развития)	№ 2. С. 117–131
<i>Маринова Т.Ю., Зарецкая О.В.</i> Социально-психологические аспекты зависимости от компьютерных многопользовательских ролевых онлайн-игр	№ 3. С. 109–119
<i>Мелёхин А.И.</i> Модель психического (theory of mind) при нормальном старении	№ 1. С. 139–150
<i>Сухова Е.В.</i> Поведенческий ответ больных на «клеймо» туберкулеза	№ 1. С. 127–138
<i>Терюшкова Ю.Ю.</i> Восприятие отношений в группе как фактор адаптации к вузу студентов с ограниченными возможностями здоровья	№ 4. С. 150–160
<i>Чуйкова Т.С.</i> Негарантированная работа как социально-психологический феномен	№ 4. С. 139–149
<i>Чулкова В.А., Пестерева Е.В.</i> Социально-психологические аспекты онкологических заболеваний в современном обществе	№ 1. С. 117–126
<i>Шамионов Р.М.</i> Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан	№ 4. С. 109–122

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

<i>Григорьев Д.С.</i> Адаптация и валидизация шкалы веры в паранормальное Дж.Тобасика	№ 2. С. 132–145
<i>Пергаменицик Л.А., Новак Н.Г.</i> Социально-психологические условия психологического благополучия личности, пережившей кризисное событие	№ 4. С. 161–169
<i>Рунец О.В.</i> Апробация личностного опросника Н.Б. Астаниной «Методика изучения доверия к себе»	№ 4. С. 170–182

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Лабунская В.А.</i> К 100-летию Южного федерального университета. Социальная психология в Южном федеральном университете (РГУ): этапы становления и научные направления	№ 3. С. 157–166
<i>Хухлаев О.Е.</i> Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития» (Москва, МГППУ, 20–21 ноября 2015 г.)	№ 4. С. 183–187

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Баумгартнер Ф.Р.* Рецензия на книгу С. Вествервельт и К. Кук «Жизнь после камеры смертников: поиск сообщества и самоопределение после оправдательного приговора» (New Brunswick; NJ: Rutgers University Press, 2012) ..... № 1. С. 151–155
- Билс К.* Рецензия на книгу Дианы Равич «Жизнь и смерть великой американской школьной системы», New York: Basic Books, 2010 ..... № 3. С. 167–173
- Вонг А.Д.* Рецензия на книгу Наташи Бахт «Принадлежность и изгнание: жизнь мусульманина в Канаде». Торонто: TSAR Publications, 2008. .... № 2. С. 146–149

АРХИВ. ВОСПОМИНАНИЯ

- Кондратьев М.Ю.* К портрету отечественного профессионального психологического сообщества: блестящие реальности на официальном фраке ..... № 3. С. 174–188
- Кондратьев М.Ю.* Профессиональное психологическое сообщество: чего только не бывает ..... № 1. С. 156–164
- Кондратьев М.Ю.* Психология и педагогика: несовпадение задач и пример плодотворного союза в советской образовательной практике ..... № 2. С. 150–159

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ

- МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧ КОНДРАТЬЕВА** ..... № 2. С. 5–7
- СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ**
- АННЫ МИХАЙЛОВНЫ ПРИХОЖАН** ..... № 2. С. 160–163

INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN THE JOURNAL OF SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY IN 2015

For citation:

INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN THE JOURNAL OF SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY IN 2015. *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 4, pp. 188–191. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps. 2015060415

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051, г. Москва, Сретенка, д. 29, комн. 207

Тел.: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

Факс: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390, г. Москва, Шелепихинская наб., д. 2А, комн. 409

Тел.: +7(499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Корректор *Р.К. Лопина*

Переводчик *Е. Виноградова*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

E-mail: *k-409rio@list.ru*

Technical editor *R.K. Lopina*

Translator *E. Vinogradova*

Maker-up *M.A. Baskakova*